

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 12 ДЕКАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2012

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Основатель династии**4

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **Случайный писатель** 24

Забывтые страницы

Александр Куприн **Тапёр**.....33

Неизвестное об известном

Наталья Дроботько **Сцены из супружеской жизни** 44

Логунова шутит

Елена Логунова **Наше всё**57

Шедевры

Ирина Опимах **Паоло Уччелло
«Битва при Сан-Романо»** 61

Это интересно

Рольф Майзингер **История банкнот**70

Минувшее

Татьяна Харламова **Дорогая сердцу мишура**82

Поэзия

Андрей Шацков **Стихи**88

Документальный рассказ

Владимир Бочаров **Стрекоза и Муравей**94

Судьба творца

Денис Логинов **Осужденные цветы**102

Детектив

Варвара Клюева **Первый мотив**116

Кроссворд. Эрудит

Главный редактор, Генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Константин Мирошник, Наталья Кургузова-Мирошник
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, e-mail: sales@smena-online.ru

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуевая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. №2114

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.11.2012

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Уважаемая редакция «Смены»! С большой признательностью спешу поделиться тем, что открытие такого автора как Елена Логунова явилось для меня приятной неожиданностью. Хотя я и давняя подписчица «Смены», но уже несколько лет назад решила, что наши с журналом пути, увы, расходятся. Что-то, на мой взгляд, было потеряно, настроение, что ли, прежний дух... Не то, чтобы он стал хуже, просто стал другим, не для меня. А тут как-то взяла в дорогу журнал (не помню, какой номер), рассеянно листала его в электричке и вдруг наткнулась на вещичку «О сомнительной пользе ревности». И так она мне на душу легла, что ехала и всю дорогу посмеивалась себе под нос. Имя автора было мне незнакомо. Очень захотелось прочитать что-нибудь еще этой Елены Логуновой. Пересмотрела номера за последнее время и нашла несколько ее публикаций. Да... любимому журналу надо уделять больше внимания, даже если у тебя с ним что-то не заладилось. Тонкая ирония, грациозный юмор, остроумие — в общем, получила море удовольствия. К тому же, обратила внимание, что журнал-то изменился. Наконец-то держу в руках настоящую «Смену», так всегда ценимую за высокое качество публикаций, разнообразие и, главное, отсутствие пошлости.

Так что большое спасибо всем, кто выпускает журнал, и пожелания всего доброго!

*С уважением,
Елена Сомова,
г. Ярославль*

Светлана Бестужева-Гада

ОСНОВАТЕЛЬ **ДИНАСТИИ**

Как ни странно, об основателе династии, правившей в России более трехсот лет, известно очень мало. Хотя документов — русских и иностранных — сохранилось предостаточно, серьезных исторических трудов почти нет. Во всяком случае, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона упоминает только монографию Берха «Царствование Михаила Федоровича», но рекомендует пользоваться ею с большой осторожностью.

На самом деле в судьбе Михаила Федоровича, вступившего на российский трон шестнадцатилетним отроком, было много интересного. О личной жизни этого царя вообще как-то не говорят, считается, что он женился через пару лет после коронации и мирно прожил в счастливом браке до конца жизни, произведя на свет полдюжины детей.

Но все это совершенно не соответствует действительности. Драматизма и даже трагичности в жизни первого Романова было более чем достаточно. Что же касается «захудалости» его рода, то и это, мягко говоря, не соответствует действительности: Михаил был двоюродным братом последнего царя из династии Рюриков и первым законным претендентом на трон.

Впрочем, обо всем по порядку

Смутное время было, пожалуй, тяжелейшим периодом в истории России. Началось оно с того, что пресеклось мужское колено потомков Ивана Калиты-Рюриковича, и за последую-

щие пятнадцать лет на российский трон сыскалось чуть ли не десять претендентов, законных и незаконных. Уже казалось, что России пришел конец, многие исконно русские тер-

ритории были захвачены соседями, количество воровских и разбойничьих шаек не поддавалось учету, а голод стал почти привычным даже для горожан.

По версии советской историографии, отчаявшиеся россияне сделали царем самого ничтожного и хундордного из бояр, совсем еще мальчишку, абсолютно ничего не смыслящего в искусстве управления страной, дабы иметь на престоле куклу, которой можно было бы вертеть по своему усмотрению. Если даже это и так, то бояре жестоко просчитались: за «ку-

скую семью. Почти все Романовы были схвачены, а Федор, Александр, Михаил, Иван и Василий были пострижены в монахи и сосланы в сибирские остроги, где трое из них приняли мученическую кончину. Насильственному пострижению подверглась и супруга Федора Никитича — Ксения Ивановна.

Будущего царя Михаила, которому шел шестой год, и его старшую сестру Татьяну отправили на Белоозеро с опальными тетками: княгинями Марфой и Анастасией. Ссылные терпели на Белоозере «тяжкую

Смутное время было, пожалуй, тяжелейшим периодом в истории России. Началось оно с того, что пресеклось мужское колено потомков Ивана Калиты, и за последующие пятнадцать лет на российский трон сыскалось чуть ли не десять претендентов, законных и незаконных

кой» стоял отец Михаила, мудрый и гибкий политик, патриарх Филарет.

Прежде чем стать «первой семьей России», Романовы пережили немало бед. Существует устное предание, что Федору Никитичу Романову, отцу Михаила, царь Федор Иоаннович готов был передать свой престол, но... его занял Борис Годунов. Через какое-то время на Романовых поступил донос, что они хранят у себя волшебные коренья и собираются умертвить цар-

нужду», дети росли в очень суровых условиях. Достоверно известно, что пристава, наблюдавшие за содержанием опальных, часто отказывали им даже в молоке и яйцах для стола, а заботливые тетки не могли допроситься и куска холста, необходимого для белья детям.

«Избранный самодержец» чувствовал в семействе Романовых своих ближайших и опаснейших конкурентов, буквально «наступающих ему на

пятки», куда более родовитых и, наконец, имеющих такие же, как и он, права на российский трон — если не большие. Но жестокость расправы все-таки поражает.

Лишь через полтора года Борис Годунов дозволил матери детей, теперь инокине Марфе, приехать на Белоозеро, а немного спустя разрешил белоозерским ссыльным переселиться в Юрьев-Польский уезд, в родную вотчину Романовых, село Клин.

После загадочной и скоропостижной кончины царя Бориса на Русь пришло «польское лихо». Можно сколько угодно гадать, был ли Самозванец действительно чудесно спасшимся царевичем Дмитрием или всегонавсего монахом-расстригой Гришкой Отрепьевым, но бесспорно одно: на московский трон садился царь, во всех отношениях выгодный Польше.

Но на участии Романовых это сначала отразилось скорее благотворно: желая доказать свою легитимность и близкое родство со знатным боярством, Лжедмитрий I в 1605 году вернулся из ссылки оставшихся в живых членов фамилии. Были возвращены Федор Никитич (в монашестве Филарет) с женой (в монашестве инокиня Марфа) и детьми, и чудом выживший Иван Никитич. 9-летний Михаил встретился с родителями в Москве. Вскоре его отец, теперь уже монах Филарет, стал ростовским митрополитом и отбыл в свою епархию.

Поэтому когда прошел слух, что «царь Дмитрий» чудесно спасся и вновь появился в Польше, под знаме-

на нового самозванца собралось весьма многочисленное войско. Страна разделилась: одни были за царя Василия, другие — за Лжедмитрия II, который расположился недалеко от Москвы, в Тушино. Михаил вместе с матерью и сестрой в это время находился в Москве под покровительством царя Василия, а Филарет, волею или неволею, стал тушинским патриархом.

Борьба между царем и самозванцем шла с переменным успехом, пока не появилась третья сила. Среди русской знати возникла идея пригласить на престол польского королевича, восторженно воспринятая поляками. Царь Василий был свергнут с престола летом 1610 года и насильно пострижен в монахи, Лжедмитрий II бежал в Калугу, где был убит в конце того же года. Московский престол снова оказался пустым, смутные времена продолжались.

Во главе государства находились тогда семь бояр. Они постепенно приводили к присяге Владиславу население, впустили в столицу польские войска, арестовали Василия Шуйского и отправили его в Польшу, расхищали казну. Чем руководствовались эти люди, кто они были?

Да самые сливки русской аристократии: князь Федор Иванович Мстиславский, князь Иван Михайлович Воротынский, князь Андрей Васильевич Трубецкой, князь Андрей Васильевич Голицын, князь Борис Михайлович Лыков-Оболенский, боярин Федор Иванович Шереметев и боя-

Михаил Федорович Романов

рин Иван Никитич Романов. Остальные же руководствовались нехитрой идеей: если русский трон не достанется мне, пусть его забирают поляки, лишь бы русскому не достался.

Фактически власть «семибоярщины» не распространялась за пределы Москвы: на западе от Москвы, в Хорошеве, встали поляки, а на юго-востоке, в Коломенском — вернувшийся из-под Калуги Лжедмитрий II. Его бояре особенно боялись, потому что он был, безусловно, популярен в народе. В результате было решено

пригласить на престол польского королевича Владислава на условиях его перехода в православие.

В августе 1610 года был подписан соответствующий договор между боярами и Польшей, и Москва целовала крест Владиславу. Этого боярам показалось мало: в ночь на 21 сентября они впустили поляков в Кремль, а для переговоров с польским королем в Смоленск выехал посольство во главе с Филаретом.

Выяснилось, однако, что Владислав хоть и готов стать русским ца-

рем, но отказывается принять православие. Католик на русском престоле был просто немыслим — так считали послы, точнее, так считал Филарет, который и затягивал переговоры, сколько мог, пока терпение короля Сигизмунда III не истощилось.

Смоленское посольство было арестовано и отправлено в Польшу. Сам же король встал во главе своих войск, направлявшихся в Москву, чтобы силой захватить царский трон, и в июне 1611 года занял Смоленск. Затем, 16 июля, шведы взяли обманом Новгород, который

стоял один противу их всех, аки исполин муж без оружия и без ополчения воинского», и призывал к свержению иноземцев.

Поляки принуждали Гермогена подписать грамоту к московским послам, чтобы они уступили воле Сигизмунда, но патриарх отказался. После этого Гермогена заключили под стражу в подземелье Чудова монастыря, куда спускали ему через окно хлеб и воду. Но к патриарху пробрался некто Родион Мосеев, и тот вручил ему составленное им послание в Нижний Новгород.

Царя выбирали «всем миром», причем посланные в разные города люди возвращались с одним и тем же известием: «быть государем Михаилу Федоровичу Романову, а опричь его никак никого на государство не хотеть»

избрал себе в цари Филиппа, одного из сыновей шведского короля.

После взятия Смоленска и Новгорода Московское государство было на волосок от падения. Боярская дума была упразднена, когда поляки захватили Кремль. Но нашлись люди, которые стали стержнем объединения народа, грудью вставшего на защиту родной земли.

Прежде всего, это был патриарх Гермоген, который, по свидетельству летописца: «яко столб неколебимо стоял среди Русской земли,

Получив патриаршью грамоту, протопоп Савва собрал жителей в новгородском соборе и обратился к ним с призывом «очистить землю». Тут-то и ожило, наконец, национальное самосознание: стали собирать приношения, давали «третью деньгу», то есть третью часть имущества. Набрав достаточно денег, начали искать воеводу. Выбор новгородцев пал на князя Дмитрия Пожарского, который жил в своей вотчине в ста верстах от Нижнего. Тот согласился с условием, чтобы кто-нибудь из посадских людей

ведаль хозяйственной частью ополчения, и указал на Кузьму Минина.

Недостаток военной силы и денег заставил нижегородцев написать окружную грамоту к другим городам. На их призыв откликнулось много городов, и первым была Коломна. Когда известие о новом ополчении дошло до Кремля, то сидевшие там взаперти московские бояре увещевали народ грамотами в Кострому и Ярославль быть верными Владиславу и грозили вместе с поляками патриарху, чтобы он убедил нижегородцев также остаться верными Польше. Но Гермоген был непреклонен и сказал:

— Да будет над ними милость от Господа Бога и от нашего смирения благословление.

Это были последние слова патриарха, которому поляки перестали спускать в подземелье пищу, и он 17 февраля 1612 года скончался мученически, голодною смертью.

14 августа 1612 года народное ополчение во главе с Пожарским прибыло к Троице-Сергиевой лавре, где было встречено архимандритом Дионисием, любимцем погибшего Гермогена, и расположилось тут на последний стан перед Москвой.

Но только в октябре 1612 года войска ополчения освободили Кремль, где среди осажденных были и Михаил с матерью. Они тут же уехали в свою вотчину — село Домнино около Костромы. Затем переехали в Ипатьевский монастырь, спасаясь от козней и преследований со стороны поляков, которые видели в Романовых

(точнее, в их сыне Михаиле) реальную опасность для своих политических планов. Почему-то ни за кем на Руси они не гонялись с таким остревением, как за «случайно выбранным», «никому не известным» юным боярским сыном Михаилом Романовым. Но, несмотря ни на что, Михаил уцелел даже в самые страшные последние месяцы Смутного времени.

Царя выбирали «всем миром», причем посланные в разные города люди возвращались с одним и тем же известием: «быть государем Михаилу Федоровичу Романову, а oprичь его никак никого на государство не хотеть». В неделю православия, первое воскресенье Великого поста, 21 февраля 1613 года, несколько духовных лиц с боярином во главе были посланы на Красную площадь, и не успели они с возвышенного места спросить народ, кого хотят в цари, как все закричали:

— Михаила Федоровича!

В чем крылась причина такого единодушия в выборе царя? Вот что говорит по этому поводу автор Псковского сказания:

«Был царь молод, но был добр, тих, кроток, смирен и благоуветлив, всех любил, всех миловал и щедрил, во всем был подобен прежнему благоверному царю и дяде своему Федору Ивановичу».

Другой современник отмечал:

«Сей убо благочестия рачитель присно восхваляемый благоверный и христоролюбивый царь и великий князь Михаил Федорович, всеа Ру-

сии самодержец, бысть благоверен, зело кроток же и милостив».

Думается, что при избрании Михаила на царство немалую роль сыграло и то, что он не был замешан ни в одной аванюре Смутного времени. Именно поэтому его избрание было таким единодушным.

В Москве не знали точно, где находились Михаил с матерью. Посольство, состоявшее из Феодорита, архиепископа Рязанского и Муромского, Авраамия Палицына и Шереметева, отправилось сначала в Ярославль, а оттуда в Кострому. Там 14-го марта, сопровождаемое крестным ходом, при огромном стечении народа, пошло в Ипатьевский монастырь уведомить об избрании и бить челом Михаилу Федоровичу и его матери инокине Марфе.

Но послов встретили отнюдь не восторженно, скорее, наоборот. Инокиня Марфа категорически не желала видеть своего сына на престоле и подвергать его жизнь опасностям, а юный избранник отвечал послам «с великим гневом и плачем», что и сам он государем быть не желает.

Послы уверяли, что Михаилу Федоровичу нечего опасаться, потому что теперь люди Московского государства «наказались и пришли в соединение... Архиепископ Феодорит со освященным собором и боярин Федор Иванович и весь царский синклит со многими слезами моляще государю на многи часы». Когда это не помогло, использовали последнее средство: взяли иконы и стали мо-

лить Марфу, говоря, что сам Бог повелел избрать ее сына царем, отказ же вызовет его гнев. Только после этого мать благословила Михаила на царство Феодоровской иконой Божией Матери.

Из Костромы Михаил с матерью уехали в Ярославль. Оттуда он писал земскому собору о своем согласии на избрание, а также о том, чтобы ему все «*верой и правдой служили*». Земский собор отвечал, что люди со слезами благодарят Бога, молятся о царском здоровье и просят его скорее приехать в Москву: «*тебе бы великому государю нас сирых пожаловать быть в царствующий град поскорей*».

Но Михаил не торопился в Первопрестольную. Лишь 16 апреля царь «пошел» к Москве, ведя переписку с собором, а также с боярами, которые доносили, что приготовили для государя комнаты царя Ивана, да Грановитую палату, а для матери его хоромы в Вознесенском монастыре.

Когда царь прибыл к Троице-Сергеевой лавре, к нему явились дворяне и крестьяне, ограбленные казачьими шайками, бродившими около Москвы. Михаил Федорович объявил послам от собора, что он с матерью дальше не поедет и по этому поводу писал боярам и собору в Москву, что, если «*грабежи и убийства не уймутся, то какой от Бога милости надеяться?*» Пришлось боярам и собору срочно наводить хотя бы видимость порядка.

Наконец 2 мая совершился торжественный въезд Михаила Федоровича в Кремль. Люди, от мала до

*Отец Михаила Федоровича —
Федор Никитич Романов,
патриарх Филарет*

*Мать Михаила Федоровича —
Ксения Ивановна Романова,
инокиня Марфа*

велика, вышли за город навстречу государю. Прибыв в Москву, он отправился через Красную площадь в Кремль. Его встречали крестным ходом с главными государственными и церковными реликвиями. Затем он молился у гробниц русских царей в Архангельском соборе и вместе с матерью слушал молебен в первопрестольном Успенском соборе, после чего всяких чинов люди подходили к царской руке и здравствовали великому государю.

В том же Успенском соборе 11 июля Михаил Федорович венчался на царство. На другой день, во вре-

мя празднования именин царя, Пожарский был пожалован в князья, а Кузьма Минин — в думные дворяне.

Михаил Федорович не отпустил из Москвы выборных земских людей, с 1613 по 1622 годы собор постоянно находился в Москве, а потом соборы созывались часто и длились долго, не уменьшая, а закрепляя значение царской власти.

Обаятельная личность самого государя Михаила Федоровича тоже способствовала укреплению идеи самодержавия. При нем был введен новый титул «самодержца», а над головами орла вырезаны короны.

Существует распространенное мнение, что вследствие молодости и неопытности юного царя страню до 1619 года фактически правили инокиня Марфа и ее родня. Это опровергается рядом документов: государственные дела вершились, в основном, по указке находившегося в польском плену отца царя, митрополита Филарета, который нашел способ наладить прочную

илу внутренних сил. Обосновавшись в Астрахани, Заруцкий рассылал грамоты казакам, в которых призывал идти в поход на Москву с целью захвата престола для сына царя Дмитрия — Ивана.

В ответ из Москвы во многие города и центры казацкой вольницы были посланы грамоты, рассказывающие о новом законном царе Михаиле и злодействах и беззакониях За-

Торжественный въезд Михаила Федоровича в Кремль совершился 2 мая. Люди, от мала до велика, вышли за город навстречу государю. В Кремле у Спасских ворот его встречали крестным ходом с главными государственными и церковными реликвиями

связь с сыном и супругой. К тому же, как уже говорилось, первые годы правления Михаила прошли при постоянной работе земских соборов.

Главной заботой государства в то время была ликвидация военной опасности. Поэтому сразу же были посланы войска против поляков под Смоленск, против шведов под Новгород, а на юг под Астрахань против Заруцкого.

Если шведы и поляки были внешними врагами России, то Заруцкий с Мариной Мнишек стали центром притяжения всех враждебных Миха-

руцкого и «еретичестве и воровстве люторки Маринки». Вместе с грамотами — что было значительно важнее — казакам было послано царское жалование, провиант, одежда и прочее.

В итоге, многие казацкие отряды перешли на царскую службу, а самого Заруцкого вместе с Мариной и ее четырехлетним сыном Иваном отравили в Москву. Заруцкому отрубили голову, Марину заточили в башню Коломенского кремля, где она через несколько лет и скончалась в безвестности, а «воренка Ивашку» публично повесили.

Казнь четырехлетнего ребенка ни в коей мере не украшает правление Михаила Федоровича, но тогда нельзя было иначе, самого царя в таких же летах отправили в ссылку, несколько раз жизни его угрожала реальная опасность. Помиловать сына коронованной когда-то полячки означало сохранить очаг новых заговоров и продолжение смут и междоусобиц. Так что, как это ни прискорбно, смертью одного ребенка обеспечивалось спокойствие и благополучие целого государства.

Если на юге к осени 1614 года обстановка стабилизировалась, то на севере воровство и грабежи только усилились. Выжигались целые деревни, десятки людей погибали от пыток и мучений. Поскольку «ворами» являлись свои же русские люди, то было решено послать против них не войска, а духовенство и авторитетных представителей разных чинов. Эти меры оказались эффективнее оружия — на русской земле воцарилось относительное спокойствие.

Однако разоренной стране не хватало собственных средств для борьбы с внешними врагами. Правительство Михаила послало ко дворам дружественных держав посольство. Роль посредника в переговорах России со Швецией взял на себя английский король Яков I, и в феврале 1617 году был подписан Столбовский мирный договор.

Теперь самой насущной задачей правительства стало подписание мирного договора с Польшей: ко-

ролевич Владислав заявил, что идет добывать свой престол, и возглавил армию, двинувшуюся на Россию.

Владислав не стал тратить силы на захват небольших городков и сразу подошел к Москве. Ему на помощь шел с Украины гетман Сагайдачный. Но план польского наступления стал известен в Москве, что дало возможность умело организовать оборону и наголову разбить польские войска.

Вскоре воюющие стороны приступили к мирным переговорам. Долгожданный мир, точнее, перемирие на 14 лет и 6 месяцев, был заключен 1 декабря 1618 года в селе недалеко от Троице-Сергиева монастыря, и пленные смогли вернуться домой. Среди них был отец царя Филарет.

Встреча отца с сыном была радостной. Очевидцы писали, что оба они упали на землю и «от очию, яко реки, радостные слезы пролиаху». В память об этом Михаил велел заложить церковь святого Елисея. Он простил всех опальных и выпустил на свободу заключенных. Одновременно был издан указ о награждении всех людей, помогавших ему самому или его родственникам в трудные времена.

Когда Филарет вернулся в Москву, Михаил, чтобы на законных основаниях разделить с ним власть, организовал возведение Филарета в сан патриарха. Для выбора Главы автокефальной русской православной церкви было достаточно решения собора русских иерархов, одна-

ко Филарета возводил в сан иерусалимский патриарх Феофан, специально приглашенный с этой целью в Москву, и летом 1619 года Филарет стал и патриархом, и вторым «великим государем всеа Русин».

После ликвидации военной угрозы извне правительство Михаила начало заново «строить царство». Прежде всего нужно было наладить управление государством. По росписи 1639 г. числилось 14 приказов, занимающихся как общегосударственными делами, так и делами сословий. Новым был аптекарский приказ, ведавший лекарями. Его возглавлял Ф.И. Шереметев, наиболее влиятельный человек в государстве. Этот приказ занимался здоровьем государя и его семьи. Примечательно, что по инициативе Михаила уже тогда начали отправлять молодых людей за рубеж для изучения медицины.

Однако пока придворными врачами были англичанин Дий и голландец Бильс, присланные в Москву из дружественных держав «для сохранения царева здравия». С возрастом здоровье Михаила пошатнулось: ему стало трудно ходить, иногда едва мог сам сесть в карету.

Царь отличался особым благочестием. Даже в очень тяжелое для страны время сразу после вступления на престол он, прежде всего, заботился о духовных делах. Узнав от священников о чудесах Казанской иконы Богоматери, он повелел установить новый церковный праздник: первое празднество и «ход со кре-

сты» 8 июля, когда явилась эта икона, второе — 22 октября, «како очистися Московское государство».

Современники недаром называли Михаила милостивым царем. Хотя казна была пуста, царь давал льготы в уплате податей разоренным городам и едва встающему на ноги купечеству.

Особой заботой царя было развитие внешней торговли. Именно благодаря торговле у России были в то время дружественные отношения с Англией и Голландией. Англичане, первыми открывшие торговый путь через Архангельск, имели в стране множество льгот. Во время войны с Польшей английский король помогал Михаилу деньгами и войском, а в Москве постоянно находилось английское представительство.

Дипломатические контакты России в правление Михаила были достаточно широки. Она обменивалась послами с Голландией, Австрией, Данией, Турцией, Персией и другими странами. Примечательным стало посольство Голштинии, поскольку один из его членов, Олеарий, оставил воспоминания о поездке в Россию. Они содержат много ценных сведений о приемах в царском дворце, о быте воевод, торговле, строительстве кораблей, судоходстве по Волге и т.д.

В 1634 году был издан указ, запрещающий употребление табака — Михаил явно был сторонником здорового образа жизни, в отличие от своего неугомонного прав-

нука, силком заставившего Россию закурить.

При Михаиле продолжалось освоение Сибири. В 1618 году русские люди дошли до Енисея и основали город Красноярск. Плодородные земли Сибири не осваивались, поскольку основную часть русского ее населения составляли служилые казаки. Царь распорядился отправить в Тобольск 500 семейств и 150 девиц в жены казакам и стрельцам: семейные люди были больше заинтересованы в заведении собственного хозяйства.

Об отношении царя к чувашам, мордве и казанским татарам свидетельствует грамота 1624 года. Она предписывала свияжскому воеводе обращаться с народами Поволжья ла-

ви *Божия погореша*». Царь с семьей в это время находились на богомолье в Троице-Сергиевом монастыре, но благодаря ему последствия пожара были ликвидированы довольно быстро.

Обновленная столица стала еще краше. В Кремле были восстановлены все прежние царские дворцы и построены палаты для царевича Алексея, новая колокольня для большого колокола, красивый верх с часами для Фроловских ворот, которые стали называться Спасскими. Вновь были расписаны все кремлевские соборы. Кроме того, возвели несколько церквей: во имя Спаса нерукотворного в Кремле, во имя Алексея, чело- века Божия в Новодевичьем мона-

Царь отличался особым благочестием и всегда в первую очередь заботился о делах духовных. Например, узнав от священников о чудесах Казанской иконы Богоматери, он повелел установить новый церковный праздник: «ход со кресты» 8 июля, когда явилась эта икона

сково, корм покупать у них на деньги, «убытков не причинять и на дворе у себя работать не заставлять».

Царь заботился и о столице. В 1626 году очередной страшный пожар опустошил Москву, летописцы отмечали, «в Кремле не остася ничево, не токмо дворы, но и церк-

стыре, Казанской иконы Божьей матери на Кулишках и другие.

Поскольку заключенный в 1618 году мирный договор с Польшей оставлял под ее властью исконно русские земли, в том числе и Смоленск, а королевич Владислав не отказывался от притязаний на русский

*Супруга
Михаила
Федоровича
Романова –
Евдокия
Лукьяновна
Стршневна*

трон, в 1630 году начались приготовления к новой войне. Очень кстати в 1632 году умер Сигизмунд III, и в Польше начался период «бескоролевья». Это было самое удобное время для начала военных действий. 9 августа Михаил, разослав грамоты «о винах» поляков, отправил в поход

стотысячное войско под предводительством боярина-воеводы Шеина.

Начались военные действия удачно. Были взяты многие небольшие городки и осажден Смоленск. Тем временем в Польше избрали нового короля — Владислава. Он был молод, горяч и сам встал во главе войска, от-

*Сын Михаила Федоровича —
Алексей Михайлович Романов*

правившегося на помощь Смоленску. Храбрость и решительность короля дали ему большие преимущества в сражениях с вялым и медлительным Шеиным. Вскоре русская армия, значительно превосходящая по численности польскую, оказалась в окружении. Многие современники подозревали, что Шеин стал изменником и умышленно затянул осаду Смолен-

ска. Его приговорили к смертной казни, а другие военачальники были биты кнутом и сосланы в Сибирь.

Владислав предпринял попытку захватить Москву, но потерпел поражение и был ранен. Это подтолкнуло обе стороны к заключению «вечного мира». По его условиям Россия теряла Смоленск и Чернигов, Владислав же окончательно от-

казывался от притязаний на русский престол, что являлось определенной победой Михаила.

В октябре 1633 года умер отец Михаила патриарх Филарет. До этого в январе 1631 года умерла мать царя. Сильно привязанный к родителям, любивший и почитавший их Михаил от огорчения слег.

Что касается личной жизни первого царя из династии Романовых, то остается только удивляться тому, что она совершенно прошла мимо романистов и драматургов. А ведь с двадцатилетнего возраста и почти до тридцати лет Михаил Федорович находил невест, тут же терял их (причем всегда драматиче-

Шестовых вопреки воле всех Романовых, присмотрела себе невестку из знатной боярской семьи, близкой к семье ее родственников Салтыковых. Михаил впервые ослушался матери, и во дворце поселилась Анастасия — такое имя дали царской невесте в память о первой жене Ивана Грозного. Шли приготовления к пышной свадьбе, но...

Но внезапно девушка заболела, в течение нескольких дней у нее была частая рвота. И хотя осмотревшие ее придворные доктора обнаружили лишь признаки легкого отравления и выдали заключение: «*Плоду и чадородию от того порухи не бывает*», инокиня Марфа потребовала, чтобы

В 1634 году был издан указ, запрещающий употребление табака — Михаил Федорович был сторонником здорового образа жизни, в отличие от своего неугомонного правнука

ски), даже женился, но, к сожалению, ненадолго. Любил же он только боярышню Марию Хлопову и именно ее выбрал себе в будущие супруги.

Увы, у его матери были на этот счет совсем другие планы. Властная и жесткая инокиня Марфа, позабыв о том, что сама вышла замуж из очень бедной и незнатной семьи

Марию-Анастасию удалили из дворца. Услужливые бояре, многие из которых втайне мечтали породниться с царской семьей, поддержали инокиню-царицу:

— Мария Хлопова к царской радости непрочна!

Марию вместе с бабушкой и теткой, разлучив с родителями, отправили в ссылку в Тобольск. Но Михаил Фе-

дорович продолжал получать известия о здоровье бывшей невесты и не спешил с новыми смотринами.

С появлением отца влияние матери на Михаила заметно уменьшилось. Филарет не согласился с женой и осудил сына за малодушие. Невесту и ее родственников перевели в Нижний Новгород.

Но Филарет не настаивал на браке с бывшей невестой. Принимая во внимание печальное состояние государства, патриарх решил сосватать Михаилу литовскую королеву, но получил отказ. Тогда отец предложил посвататься к Доротее-Ав-

ну Екатерину. Но она не захотела исполнить непереносимого русского условия — креститься в православную веру. Пришлось Филарету, скрепя сердце, отказаться от планов породниться с каким-нибудь иноземным двором.

А Михаил Федорович между тем вновь вспомнил о Марии и заявил родителям:

— Сочетался я по закону Божию, обручена мне царица, кроме нея не хочу взять иную.

По приказу патриарха Филарета было проведено дознание, которое раскрыло заговор Салтыковых про-

С двадцатилетнего возраста и почти до тридцати лет царь находил невест, тут же терял их (причем всегда драматически), даже женился, но ненадолго. Любил же он только боярышню Марию Хлопову и после ранней смерти жены именно ее выбрал себе в супруги

густе, племяннице датского короля Христиана. Летопись сообщает об отказе короля, мотивированном тем, что его брат, принц Иоанн, приезжал сватать царевну Ксению и, по слухам, был «уморен отравой». (Годунов продолжал досаждать своим «соперникам» и после смерти.)

В начале 1623 года было отправлено посольство к шведскому королю сватать его родственницу, княж-

тив царской невесты. Главные виновники были сосланы в свои вотчины, и им было запрещено появляться в Москве. Счастливый царь вновь собрался жениться на выбранной им девушке. Но инокиня Марфа пригрозила сыну:

— Если Хлопова будет царицей, не останусь я в царстве твоём.

Она все же смогла настоять на своем и нашла Михаилу Федорови-

чу новую невесту — родовитую княжну Марию Владимировну Долгорукую. Свадьба состоялась 18 сентября 1624 года в Москве. Но молодая царица очень скоро умерла, причем одна из летописей называет смерть Марии Божьей Карой за оскорбление ни в чем не повинной Хлоповой.

Аукнулась эта короткая семейная жизнь сто лет спустя, когда князь Алексей Долгорукий обручил свою дочь Екатерину с юным императором Петром Вторым, ссылаясь на то, что «его семейство в родстве с царским домом уже состояло». Участи Екатерины тоже трудно позавидовать, как известно.

В 1626 году царю Михаилу Романову шел тридцатый год и был он бездетный вдовец. Для новых смотрин привезли 60 красавиц из знатных семей. Но приглянулась ему дочь Можайского дворянина Евдокия Стрешнева, дальняя родственница боярышни, приехавшей на смотрины.

Мать убеждала Михаила, чтобы он помыслил, как оскорбятся этим выбором князья и бояре, наконец, требовала от него решительного отказа, так как до восхода солнца он должен в Успенском соборе в присутствии патриарха и духовенства объявить имя будущей своей супруги. Михаил отвечал:

— По воле только Божией и твоей принял я венец и царство; ни в чем не посмею быть ослушным матери моей. Ты всегда была наставни-

цею и моим покровом — все исполню... Но сердце мое никогда не выберет, никогда другой не полюбит... Я определен к одним бедствиям! Первой супруги лишился в первые месяцы брачного союза, невесты лишуюсь при самом избрании. Она не знатной породы; может быть, она терпит бедность, горе и я испытал нужду и гонение.

Марфа, не выдержав слез сына, наконец, сдалась. Благословил его на брак и патриарх Филарет.

Во время благовеста к молебствию Евдокии были представлены дочери князей и бояр. Скромная и кроткая Евдокия не допускала девиц целовать свою руку, но сама целовала каждую из девиц. На другой день, по совершении обряда обручения, отправлены были от царя бояре к отцу невесты с царской грамотой, в которой уведомляли его, что, по благости Божией, Евдокия избрана царской невестой. Она далека была от борьбы политических «партий» при дворе и интриг. Скромная свадьба состоялась 5 февраля в Москве. Молодых обвенчал сам патриарх Филарет.

Сразу после венчания Михаил приказал всем подписаться под крестоцеловальной записью не только ему, но и его жене Евдокии Лукьяновне и их будущим детям. Главное требование этой присяги — не искать других претендентов на русский трон ни в каких землях, и биться со всеми недругами Михаила.

Михаил Федорович Романов

Семейная жизнь Михаила Федоровича оказалась, наконец, почти счастливой. Через год у молодых родилась дочь Ирина, еще через год — Пелагея, которая, увы, прожила недолго. В марте 1629 года

Евдокия Лукьяновна разрешилась от бремени долгожданным сыном, получившим при крещении имя Алексей. После него царица родила еще пять дочерей и двух сыновей, правда, три дочери умерли в младен-

честве, а оба сына — Иван и Василий — в 1639 году.

Остались Алексей и три его сестры — старшая Ирина и младшие Анна и Татьяна. В 1640 году, когда царевне Ирине исполнилось 13 лет, Михаил Федорович решил выдать ее замуж за Вальдемара, графа Шлезвиг-Голштинского, сына датского короля Кристиана IV. В Россию Вальдемар прибыл в 1644 году, и начались длительные переговоры об условиях брака. Вальдемар категорически отказался принять православие и стал готовиться к отъезду.

Царь пытался удержать графа в России силой. Тот потребовал отпустить его в Данию к отцу, но был посажен под стражу. Граф получил свободу только после смерти царя Михаила, а царевна Ирина так и осталась в девицах, как и ее младшие сестры.

Современники полагали, что это неудачное сватовство фатально сказалось на здоровье царя. В апреле 1645 года он заболел какой-то желудочной болезнью. Доктора поставили диагноз: «желудок, печень и селезенка бессильны от многого сидения,

холодных напитков и меланхолии». Современные специалисты полагают, что Михаил Федорович страдал раком желудка или пищевода.

Пискаревский летописец отмечает: *«Лета 7153 (1645) году месяца июля в 12 день с субботы на неделю в 4-м часу ночи преставился Михаил Федорович. На царстве сидел 32 год и всего лет 50... А как не стало, все поцеловали крест сыну Алексею Михалычу и его матери государыне царице».*

Россия за годы правления первого царя из дома Романовых возродилась из руин, обрела силу и мощь, покончив с последствиями Смуты. Правительство Михаила смогло не только вывести страну из кризиса, но и укрепить ее, создав условия для дальнейшего более быстрого развития.

В истории Михаил Федорович остался как спокойный, мирный монарх, легко поддающийся влиянию своего окружения, за что и получил прозвище — Кроткий. Действительно, это был один из самых мягкосердечных государей в России вообще. □

26 октября 2012 года в Воронеже состоялось торжественное награждение победителей XI-го Всероссийского конкурса «Патриот России». Победителем в номинации «Моя Россия» стала автор «Смены» Светлана Бестужева-Лада (за цикл очерков о знаковых фигурах в российской истории).

На XI-м Всероссийском конкурсе «Патриот России» журналу «Смена» присужден диплом и памятный приз Министерства обороны РФ за многолетнюю и активную работу по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации.

Евгения Гордиенко

СЛУЧАЙНЫЙ

ПИСАТЕЛЬ

Об Александре Куприне много сказано, написано, многое известно из рассказов его современников и «соратников» по эмиграции.

Известна вся его жизнь, словно партитура оперы, не раз сыгранная оркестрами всего мира.

Не перепишешь.

Но взглядеться между нот можно

Можно прочитать «Юнкера» и увидеть Куприна молодого, можно в сотый раз перечитать «Звезду Солмона» и в сотый же раз удивиться его зрелой фантазии, можно даже взяться за «Гранатовый браслет», который Куприн считал лучшим своим произведением и говорил, что в нем есть «драгоценные чувства людей». И, скорее всего, не только абстрактных «людей», но и его собственные чувства, «вывернутые» на страницы повести... И вот тогда, между строк, откроется совершенно иной Александр Иванович Куприн — веселый татарский барин, грустный и «выпотрошенный» эмигрант, несчастный муж первой жены и счастливый «подкаблучник» второй, любящий отец и газетный поденщик. Их было довольно много — отражений одного характера, но все они складывались в один образ — писателя, который сам называл себя «случайным»

Детство Куприна вряд ли можно назвать счастливым, но все же оно было довольно обычным для своего времени: в год мальчик потерял отца, умершего от холеры. Через несколько лет мать, не выдержавшая нищеты захолустного городка Наровчата Пензенской губернии, перебралась с четырехлетним сыном в Москву, где они поселились в Сиротском пансионе или вдовьем доме, как его еще называли. А через пару лет Куприна уже отдали в училище.

Мать его, Любовь Алексеевна, урожденная княжна Куланчакова, была особой властной и порой нетерпимой. Такой гордой и суровой ее делали татарские корни. Она могла ударить сына, зло высмеять его в присутствии других людей. О матери Куприн, даже будучи шестидесятилетним, говорил с благоговением, что не мешало ему, однако, порой жестоко «выводить» ее в своих произведениях. Одна из знакомых Куприна рассказывала: будучи уже знаменитым писателем, он однажды не сумел сдержаться в ответ на какое-то колкое замечание матери и, когда позже гости попросили его прочесть что-то из прозы, начал читать отрывок из рассказа или повести, содержащий автобиографический эпизод об издевках матери. Заканчивался отрывок так: «Я ненавижу свою мать!». Слушатели затихли, ожидая скандала.

Но Любовь Александровна выслушала все молча, с гордо выпрямленной спиной и сухо поджатыми

губами, после чего все так же молча поднялась и вышла из комнаты.

Через несколько дней, как ни в чем не бывало, она вновь приехала на чай к сыну, и он почтительно встречал ее на крыльце и провожал в дом.

О юных годах Куприна известно довольно мало. Бунин, много написавший об Александре Ивановиче в воспоминаниях, отмечал: *«Знаю, что он учился в Москве, сперва в кадетском корпусе, потом в александровском военном училище, недолгое время был офицером на русско-австрийской границе, а затем чем только не был! Изучал зубоврачебное дело, служил в каких-то конторах, потом на каком-то заводе, был землемером, актером, мелким журналистом...»*

Именно Бунин и был тем, кто помог молодому Куприну войти в «большую литературу».

Он познакомился с Александром Ивановичем, когда только тот только вернулся со службы в киевском полку и подвизался, по его собственным словам, в «какой-то газетенке», а придумать ничего более значительного не мог. Бунин посоветовал ему написать что-нибудь о солдатах, об армии, о том, в чем Куприн разбирался, пообещав помочь с публикацией романа.

И помог. Как потом выяснилось, Бунин устроил не только литературную судьбу Куприна, но и его личную жизнь.

Он ввел его в дом владелицы издательства Давыдовой, а вскоре,

*Любовь Алексеевна —
мать А.И. Куприна*

*Молодой офицер
А.И. Куприна*

неожиданно для всех, Куприн женился на ее дочери — Марии Карловне. Брак был заключен по любви, но Александр Иванович, сам того не предполагая, вдруг... разбогател. Давыдова-старшая умерла через короткое время после свадьбы, и Куприн, по сути, стал владельцем издательства своей тещи.

Но внезапно «свалившиеся» деньги не заставили его бросить писательский труд. Он продолжал работать, совершенствовать стиль, много, действительно много трудился и... стал популярен. Наступило время, о котором тот же Бунин писал так: «Это была пора, когда издатели газет, журналов и сборников на «лихачах» гоня-

лись за ним по ресторанам, в которых он проводил дни и ночи со своими случайными и постоянными собутыльниками, и униженно умоляли его взять тысячу, две тысячи рублей авансом за одно только обещание не забыть их при случае своей милостью, а он, грузный, большелицкий, только щурился, молчал и вдруг отрывисто кидал таким зловещим шепотом: *«Геть сию же минуту, к чертовой матери!»* — что робкие люди сразу словно сквозь землю проваливались».

По ресторанам Куприн пройтись любил. Ему нравилось быть баринном, нравилось, что его обслуживают, считают «человеком важным».

Куприн за рабочим столом

Литературный успех, достаточное количество денег, достойная жена и любимая дочь — казалось, что вершина счастья достигнута, что менять уже ничего не нужно. Но Куприн в 1906 году вдруг влюбляется — в гувернантку своей дочери Лидии, бывшую сестру милосердия Елизавету Морицевну Гейнрих. Он готов, по собственному выражению, «послать к черту» все — жену, дочь, благополучную и благопристойную жизнь.

Однажды вечером он объяснил ей в своем чувстве, но она не приняла его любви. Это было бы не

по-христиански — разрушить семью, отнять у жены — мужа, а у дочери — отца. На следующее после объяснения утро Елизавета Морицева покинула Куприных.

А он... Он словно сошел с ума. На одном из званых вечеров Александр Иванович «ради шутки» бросил горящую спичку на газовое вечернее платье своей жены и смотрел, как оно горит. Марии Карловне достало выдержки — она загасила платье и велела прислуге не заявлять в полицию. Но семейная идиллия была явно нарушена.

Через несколько месяцев Елизавету Морицевну, работавшую палатной сестрой в военном госпитале, нашел друг Куприна, профессор Федор Батюшков. Он рассказал ей, что Куприн развелся с женой, покинул семью и занимается только тем, что пьет, да пишет ей, Лизе, безадресные письма.

Она вернулась, но с единственным условием — Куприн будет лечиться от алкоголизма. Он согла-

сился, и в мае 1907 года состоялось их венчание. Вскоре появилась дочь Ксения, в которой Куприн души не чаял. Именно в этот период были написаны знаменитые, полные нежности и любви «Суламифь» и «Гранатовый браслет».

Мнение Куприна о собственных произведениях далеко не всегда совпадало с мнением читателей. Однажды дело чуть не дошло до... дуэли!

А.И. Куприн и Е.М. Куприна

(Елизавета Морицевна Гейнрих). Ялта 1907 г.

Куприн ехал в автомобиле с поэтом Антонином Ладинским, Лидией Арсеньевой и ее мужем. Разговор зашел о литературе, и Ладинский сказал, что считает «Поединок» лучшим рассказом Куприна. Автор не согласился, ответив, что сам считает лучшим «Гранатовый браслет». Он яростно доказывал, что в «Гранатовом браслете» есть высокие, «драгоценные чувства людей». Ладинский же говорил, что не понимает «Гранатовый браслет», так как фабула его «неправдоподобна».

— А что в жизни правдоподобно? — гневно бросил Куприн. — Только еда да питье да все, что примитивно. Все, что не имеет поэзии, не имеет Духа.

Ладинский обиделся. Спор становился все более резким. Разгорячившийся Куприн, чеканя слова, тихо произнес:

— «Гранатовый браслет» — бль. Вы можете не понимать, не верить, но я терпеть этого не буду и не могу. Пусть вы чином постарше меня — это не имеет значения, я вызываю вас на дуэль. Род оружия мне безразличен.

Ладинский попробовал успокоить Александра Ивановича, но, как приличный человек, отказать права не имел. Арсеньевы, как могли, пытались успокоить спорщиков. В итоге, Ладинский пробурчал: «Если я останусь жив, то из меня сделают второго Дантеса». Куприн смягчился: *«А ведь это верно, только вы забываете, что в Дантесе и я могу попасть. Тем более, что вы поэт, а я только прозаик».*

Но, прощаясь около дома, он все же повторил: *«А все-таки «Гранатовый браслет» — бль. Спокойной ночи, и не сердитесь на крутой нрав старика».*

«Крутой нрав старика» могла успокоить только его жена — тихая, незаметная Елизавета Морицевна. Она обладала таинственной властью над этим человеком. Никогда в этом доме не было слышно ссор, скандалов, битья посуды и другой «творческой символики».

Именно она в тяжелые времена эмиграции основала собственный переплетный бизнес, позволивший семье какое-то время продержаться на плаву. Впоследствии, правда, бизнес

*А.И. Куприн с семьей.
Гатчина*

прогорел, так как во Франции было слишком много конкурентов.

Елизавету Морицевну знал весь Париж: это ей звонили после бесчисленных кутежей Куприна, прося забрать его из очередного ресторана, и она приезжала, чтобы утихомирить своего «русского медведя», крушившего все и вся.

В эмиграции он стал особенно много пить. Позже, уже после смерти Куприна, Бунин писал: *«Восемнадцать лет тому назад, когда мы жили с ним и его второй женой уже в Париже, — самыми близкими соседями, в одном и том же доме, — и он пил особенно много, доктор, осмотревший его, однажды твердо сказал нам: «Если он пить не бросит, жить ему осталось не больше шести месяцев». Но он и не подумал бросить пить и держался после того еще лет пятнадцать, «молодцом во всех отношениях», как говорили некоторые».*

Бунин был другом и частым собутыльником Александра Ивановича, но одна история заставила его устыдиться и устыдить Куприна.

Как всегда, они кутили в каком-то кафе, едва ли не до утра. Когда Бунин доставил порядком пьяного Куприна домой, то увидел, что на лестнице сидит Елизавета Морицевна, которая, к тому же, в то время была на последних месяцах беременности. Выяснилось, что Куприн забрал ключи от дома, жена, нервничая, вышла на лестницу, а дверь захлопнулась. Проситься к соседям женщина постеснялась. Она ни сло-

вом не упрекнула мужа, только смотрела на него печально. Бунин с того дня стал пить вместе с Куприным гораздо меньше.

Куприну, уже находящемуся в Париже, часто предлагали отдавать произведения в журналы с сомнительной репутацией, предлагали укоротить их или сменить названия. Куприн ни в какую не соглашался. Например, ему предлагали переделать неоконченный роман «Яма» в киносценарий, изменив название и придав ему конкретную «эротичность», сценарий предлагали назвать «Яма с девками». Куприн, разумеется, категорически отказал просителю и остался без выгодного заказа. И хотя денег в семье было мало, Елизавета Морицевна даже не упрекнула его.

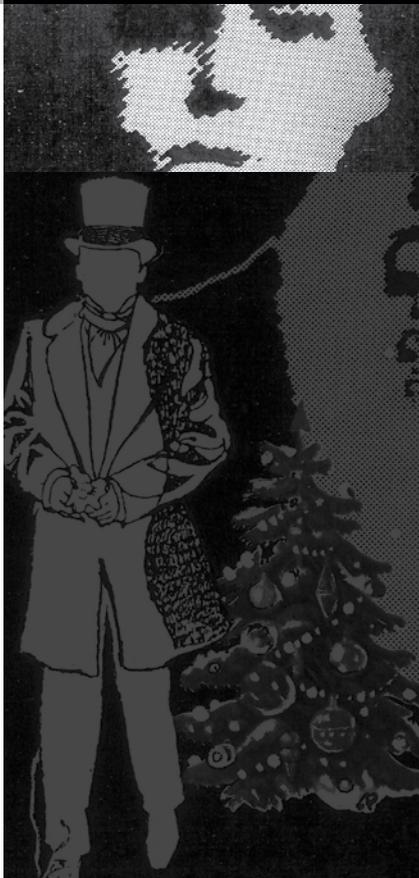
И, как всегда тихо, но властно, именно она приняла решение о возвращении в Советский Союз, где Куприн печатался огромными тиражами. Она была уверена, что там, дома, их ждет почет и слава. Ее не смущали примеры других «возвратившихся», закончивших свои дни в лагерях. Да и время для возвращения было выбрано не самое лучшее — шел 1937 год.

«Спасло» Куприных лишь только то, что Александр Иванович был смертельно болен, а потому для властей не опасен. Он уже не стал бы писать, требовать, обличать. Он приехал умирать. И это советская власть ему позволила.

Его не стало 1938 году, через год после возвращения домой. □

Александр Куприн

Тапёр

Двенадцатилетняя Тиночка Руднева влетела, как разрывная бомба, в комнату, где ее старшие сестры одевались с помощью двух горничных к сегодняшнему вечеру. Взволнованная, запыхавшаяся, с разлетевшимися кудряшками на лбу, вся розовая от быстрого бега, она была в эту минуту похожа на хорошенького мальчика.

— Mesdames, а где же тапёр? Я спрашивала у всех в доме, и никто ничего не знает. Тот говорит — мне не приказывали, тот говорит — это не мое дело... У нас постоянно, постоянно так, — горячилась Тиночка, топая каблук о пол. — Всегда что-нибудь перепутают, забудут и потом начинают сваливать друг на друга...

Самая старшая из сестер, Лидия Аркадьевна, стояла перед трюмо.

Повернувшись боком к зеркалу и изогнув назад свою прекрасную обнаженную шею, она, слегка прищуривая близорукие глаза, закалывала в волосы чайную розу. Она не выносила никакого шума и относилась к «мелюзге» с холодным и вежливым презрением. Взглянув на отражение Тины в зеркале, она заметила с неудовольствием:

— Больше всего в доме беспорядка делаешь, конечно, ты, — сколько раз я тебя просила, чтобы ты не вбегала, как сумасшедшая, в комнаты.

Тина насмешливо присела и показала зеркалу язык. Потом она обернулась к другой сестре, Татьяне Аркадьевне, около которой возилась на полу модистка, подметывая на живую нитку низ голубой юбки, и затараторила:

— Ну, понятно, что от нашей Несмеяны-царевны ничего, кроме наставлений, не услышишь. Танечка, голубушка, как бы ты там все это устроила. Меня никто не слушается, только смеются, когда я говорю... Танечка, пойдем, пожалуйста, а то ведь скоро шесть часов, через час и елку будем зажигать...

Тина только в этом году была допущена к устройству елки. Не далее как на прошлое Рождество ее в это время запирали с младшей сестрой Катей и с ее сверстницами в детскую, уверяя, что в зале нет никакой елки, а что «просто только пришли полотеры». Поэтому понятно, что теперь, когда Тина получила особые привилегии, равнявшие ее некоторым образом со старшими сестрами, она волновалась больше всех, хлопотала и бегала за десятерых, попадаясь ежеминутно кому-нибудь под ноги, и только усиливала общую суету, царившую обыкновенно на праздниках в рудневском доме.

Семья Рудневых принадлежала к одной из самых безалаберных, гостеприимных и шумных московских семей, обитающих испокон века в окрестностях Пресни, Новинского и Конюшков и создавших когда-то Москве ее репутацию хлебосольного города. Дом Рудневых — большой ветхий дом доекатерининской постройки, со львами на воротах, с широким подъездным двором и с массивными белыми колоннами у парадного, — круглый год с утра до поздней ночи кишел народом. Приезжали без всякого предупреждения, «сюрпризом», какие-то соседи по наровчатскому или инсарскому имению, какие-то дальние родственники, которых до сих пор никто в глаза не видал и не слышал об их существовании, — и гостили по месяцам. К Аркаше и Мите десятками ходили товарищи, менявшие с годами свою оболочку, сначала гимназистами и кадетами, потом юнкерами и студентами и, наконец, безусыми офицерами или щеголеватыми, преувеличенно серьезными помощниками присяжных поверенных. Девочек постоянно навещали подруги всевозможных возрастов, начиная от Катиных сверстниц, приводивших с собою в гости своих кукол, и кончая приятель-

ницами Лидии, которые говорили о Марксе и об аграрной системе и вместе с Лидией стремились на Высшие женские курсы. На праздниках, когда вся эта веселая, задорная молодежь собиралась в громадном рудневском доме, вместе с нею надолго водворялась атмосфера какой-то общей наивной, поэтической и шаловливой влюбленности.

Эти дни бывали днями полной анархии, приводившей в отчаяние прислугу. Все условные понятия о времени, разграниченном, «как у людей», чаем, завтраком, обедом и ужином, смешивались в шумной и беспорядочной суете. В то время когда одни кончали обедать, другие только начинали пить утренний чай, а третьи целый день пропадали на катке в Зоологическом саду, куда забирали с собой гору бутербродов. Со стола никогда не убрали, и буфет стоял открытым с утра до вечера. Несмотря на это, случалось, что молодежь, проголодавшись совсем в неуказанное время, после коньков или поездки на балаганы, отправляла на кухню депутацию к Акинфичу с просьбой приготовить «что-нибудь вкусненькое». Старый пьяница, но глубокий знаток своего дела, Акинфич сначала обыкновенно долго не соглашался и ворчал на депутацию. Тогда в ход пускалась тонкая лесть: говорили, что теперь уже перевелись в Москве хорошие повара, что только у стариков и сохранилось еще неприкосновенным уважение к святости кулинарного искусства, и так далее. Кончалось тем, что задетый за живое Акинфич сдавался и, пробуя на большом пальце острие ножа, говорил с напускной серьезностью:

— Ладно уж, ладно... будет петь-то... Сколько вас там, галчата?

Ирина Алексеевна Руднева — хозяйка дома — почти никогда не выходила из своих комнат, кроме особенно торжественных официальных случаев. Урожденная княжна Ознобишина, последний отпрыск знатного и богатого рода, она раз навсегда решила, что общество ее мужа и детей слишком «пошло и грубо» и потому равнодушно игнорировала его, развлекаясь визитами к архиереям и поддержанием знакомства с такими же, как она сама, окаменелыми потомками родов, уходящих в седую древность. Впрочем, мужа своего Ирина Алексеевна не уставала даже и теперь тайно, но мучительно ревновать. И она, вероятно, имела для этого основания, так как Аркадий Николаевич, известный всей Москве гурман, игрок и щедрый покровитель балетного искусства, до сих пор еще, несмотря на свои пятьдесят с лишком лет, не утратил заслуженной репутации дамского угодника, поклонника и покорителя. Даже и теперь его можно было назвать красавцем, когда он, опоздав на десять минут к началу действия и обращая на себя общее внимание, входил в зрительную залу Большого театра — элегантно и самоуверенно, с гордо поставленной на осанистом туловище, породистой, слегка седеющей головой.

Аркадий Николаевич редко показывался домой, потому что обедал он постоянно в Английском клубе, а по вечерам ездил туда же играть в карты, если в театре не шел интересный балет. В качестве главы дома он занимался исключительно тем, что закладывал и перезаклаживал то одно, то другое недвижимое имущество, не заглядывая в будущее с беспечностью избалованного судьбой грансенъора. Привыкнув с утра до вечера вращаться в большом обществе, он любил, чтобы и в доме у него было шумно и оживленно. Изредка ему нравилось сюрпризом устроить для молодежи неожиданное развлечение и самому принять в нем участие. Это случалось большей частью на другой день после крупного выигрыша в клубе.

— Молодые республиканцы! — говорил он, входя в гостиную и сияя свежим видом и очаровательной улыбкой. — Вы, кажется, скоро совсем заснете от ваших серьезных разговоров. Кто хочет ехать со мной за город? Дорога прекрасная: солнце, снег и морозец. Страдающих мировой скорбью и зубной болью прошу оставаться дома под надзором нашей почтеннейшей Олимпиады Савичны...

Посылали за тройками к Ечкину, скакали сломя голову за Тверскую заставу, обедали в «Мавритании» или в «Стрельне» и возвращались домой поздно вечером, к большому неудовольствию Ирины Алексеевны, смотревшей брезгливо на эти «эскапады дурного тона». Но молодежь нигде так безумно не веселилась, как именно в этих эскападах, под предводительством Аркадия Николаевича.

Неизменное участие принимал ежегодно Аркадий Николаевич и в елке. Этот детский праздник почему-то доставлял ему своеобразное, наивное удовольствие. Никто из домашних не умел лучше его придумать каждому подарок по вкусу, и потому в затруднительных случаях старшие дети прибегали к его изобретательности.

— Папа, ну что мы подарим Коле Радомскому? — спрашивали Аркадия Николаевича дочери. — Он большой такой, гимназист последнего класса... нельзя же ему игрушку...

— Зачем же игрушку? — возражал Аркадий Николаевич. — Самое лучшее купите для него хорошенький портсигар. Юноша будет польщен таким солидным подарком. Теперь очень хорошенькие портсигары продаются у Лукутина. Да, кстати, намекните этому Коле, чтобы он не стеснялся при мне курить. А то давеча, когда я вошел в гостиную, так он папироску в рукав спрятал...

Аркадий Николаевич любил, чтобы у него елка выходила на славу, и всегда приглашал к ней оркестр Рябова. Но в этом году с музыкой произошел целый ряд роковых недоразумений. К Рябову почему-то послали поздно, оркестр его, разделяемый на праздниках на три части, оказался

уже разобранным. Маэстро в силу давнего знакомства с домом Рудневых обещал, однако, как-нибудь устроить это дело, надеясь, что в другом доме переменят день елки, но по неизвестной причине замедлил с ответом, и когда бросился искать в другие места, то во всей Москве не оказалось ни одного оркестра. Аркадий Николаевич рассердился и велел отыскать хорошего тапёра, но кому отдал это приказание, он и сам теперь не помнил. Этот «кто-то», наверное, свалил данное ему поручение на другого, другой — на третьего, переврав, по обыкновению, его смысл, а третий в общей сумятице и совсем забыл о нем...

Между тем, пылкая Тина успела взбудоражить весь дом. Почтенная экономка, толстая, добродушная Олимпиада Савична, говорила, что и взаправду барин ей наказывал распорядиться о тапёре, если не приедет музыка, и что она об этом тогда же сказала камердинеру Луке. Лука, в свою очередь, оправдывался тем, что его дело ходить около Аркадия Николаевича, а не бегать по городу за фортепьянщиками. На шум прибежала из барышнинных комнат горничная Дуняша, подвижная и ловкая, как обезьяна, кокетка и болтуня, считавшая долгом ввязываться непременно в каждое неприятное происшествие. Хотя ее никто и не спрашивал, но она совалась к каждому с жаркими уверениями, что пускай бог разразит ее на этом месте, если она хоть краешком уха что-нибудь слышала о тапёре. Неизвестно, чем окончилась бы эта путаница, если бы на помощь не пришла Татьяна Аркадьевна, полная, веселая блондинка, которую вся прислуга обожала за ее ровный характер и удивительное умение улаживать внутренние междоусобицы.

— Одним словом, мы так и не кончим до завтрашнего дня, — сказала она своим спокойным, слегка насмешливым, как у Аркадия Николаевича, голосом. — Как бы то ни было, Дуняша сейчас же отправится разыскивать тапёра. Пока ты будешь одеваться, я тебе выпишу из газеты адреса. Постарайся найти поближе, чтобы не задерживать елки, потому что сию минуту начнут съезжаться. Деньги на извозчика возьми у Олимпиады Савичны...

Едва она успела это произнести, как у дверей передней громко затрещал звонок. Тина уже бежала туда стремглав, навстречу целой толпе детишек, улыбающихся, румяных с мороза, запушенных снегом и внесших за собою запах зимнего воздуха, крепкий и здоровый, как запах свежих яблок. Оказалось, что две большие семьи — Лыковых и Масловских — столкнулись случайно, одновременно подъехав к воротам. Передняя сразу наполнилась говором, смехом, топотом ног и звонкими поцелуями.

Звонки раздавались один за другим почти непрерывно. Приезжали все новые и новые гости. Барышни Рудневы едва успевали справляться с ни-

ми. Взрослых приглашали в гостиную, а маленьких завлекали в детскую и в столовую, чтобы запереть их там предательским образом. В зале еще не зажигали огня. Огромная елка стояла посредине, слабо рисуясь в полутьме своими фантастическими очертаниями и наполняя комнату смолистым ароматом. Там и здесь на ней тускло поблескивала, отражая свет уличного фонаря, позолота цепей, орехов и картонажей.

Дуняша все еще не возвращалась, и подвижная, как ртуть, Тина сгорала от нетерпеливого беспокойства. Десять раз подбегала она к Тане, отводила ее в сторону и шептала взволнованно:

— Танечка, голубушка, как же теперь нам быть?.. Ведь это же ни на что не похоже.

Таня сама начинала тревожиться. Она подошла к старшей сестре и сказала вполголоса:

— Я уж и не придумую, что делать. Придется попросить тетю Соню поиграть немного... А потом я ее сама как-нибудь заменю.

— Благодарю покорно, — насмешливо возразила Лидия. — Тетя Соня будет нас целый год своим одолжением донимать. А ты так хорошо играешь, что уж лучше совсем без музыки танцевать.

В эту минуту к Татьяне Аркадьевне подошел, неслышно ступая своими замшевыми подошвами, Лука.

— Барышня, Дуняша просит вас на секунду выйти к ним.

— Ну что, привезла? — спросили в один голос все три сестры.

— Пожалуйте-с. Извольте-с посмотреть сами, — уклончиво ответил Лука. — Они в передней... Только что-то сомнительно-с... Пожалуйте.

В передней стояла Дуняша, еще не снявшая шубки, закиданной комьями грязного снега. Сзади нее копошилась в темном углу какая-то маленькая фигурка, разматывавшая желтый башлык, окутывавший ее голову.

— Только, барышня, не браните меня, — зашептала Дуняша, наклоняясь к самому уху Татьяны Аркадьевны. — Разрази меня бог, в пяти местах была и ни одного тапёра не застала. Вот нашла этого мальчика, да уж и сама не знаю, годится ли. Убей меня бог, только один и остался. Божится, что играл на вечерах и на свадьбах, а я почему могу знать...

Между тем, маленькая фигурка, освободившись от своего башлыка и пальто, оказалась бледным, очень худощавым мальчиком в подержанном мундирчике реального училища. Понимая, что речь идет о нем, он в неловкой выжидательной позе держался в своем углу, не решаясь подойти ближе. Наблюдательная Таня, бросив на него украдкой несколько взглядов, сразу определила про себя, что этот мальчик застенчив, беден и самлюбив. Лицо у него было некрасивое, но выразительное и с очень тонкими чертами, несколько наивный вид ему придавали вихры темных во-

лос, завивающихся «гнездышками» по обеим сторонам высокого лба, но большие серые глаза — слишком большие для такого худенького детского лица — смотрели умно, твердо и не по-детски серьезно. По первому впечатлению мальчику можно было дать лет одиннадцать-двенадцать.

Татьяна сделала к нему несколько шагов и, сама стесняясь не меньше его, спросила нерешительно:

— Вы говорите, что вам уже приходилось... играть на вечерах?

— Да... я играл, — ответил он голосом, несколько сиплым от мороза и от робости. — Вам, может быть, оттого кажется, что я такой маленький...

— Ах, нет, вовсе не это... Вам ведь лет тринадцать, должно быть?

— Четырнадцать-с.

— Это, конечно, все равно. Но я боюсь, что без привычки вам будет тяжело.

Мальчик откашлялся.

— О нет, не беспокойтесь... Я уже привык к этому. Мне случалось играть по целым вечерам, почти не переставая...

Таня вопросительно посмотрела на старшую сестру, Лидия Аркадьевна, отличавшаяся странным бессердечием по отношению ко всему занганному, подвластному и приниженному, спросила со своей обычной презрительной миной:

— Вы умеете, молодой человек, играть кадрили?

Мальчик качнулся туловищем вперед, что должно было означать поклон.

— Умею-с.

— И вальс умеете?

— Да-с.

— Может быть, и польку тоже?

Мальчик вдруг густо покраснел, но ответил сдержанным тоном:

— Да, и польку тоже.

— А лансье? — продолжала дразнить его Лидия.

— Перестаньте же, Лидия, вы невозможны, — строго заметила Татьяна Аркадьевна.

Большие глаза мальчика вдруг блеснули гневом и насмешкой. Даже напряженная неловкость его позы внезапно исчезла.

— Если вам угодно, mademoiselle, — резко повернулся он к Лидии, — то, кроме полек и кадрилей, я играю еще все сонаты Бетховена, вальсы Шопена и рапсодии Листа.

— Воображаю! — деланно, точно актриса на сцене, уронила Лидия, задевая этим самоуверенным ответом.

Мальчик перевел глаза на Таню, в которой он инстинктивно угадал заступницу, и теперь эти огромные глаза приняли умоляющее выражение.

— Пожалуйста, прошу вас... позвольте мне что-нибудь сыграть...

Чуткая Таня поняла, как больно затронула Лидия самолюбие мальчика, и ей стало жалко его. А Тина даже запрыгала на месте и захлопала в ладоши от радости, что эта противная гордячка Лидия сейчас получит щелчок.

— Конечно, Танечка, конечно, пусть сыграет, — упрашивала она сестру, и вдруг со своей обычной стремительностью, схватив за руку маленького пианиста, потащила его в залу, повторяя: — Ничего, ничего... Вы сыграете, и она останется с носом... Ничего, ничего.

Неожиданное появление Тины, влекшей на буксире застенчиво улыбавшегося реалистика, произвело общее недоумение. Взрослые один за другим переходили в залу, где Тина, усадив мальчика на выдвинутой табурет, уже успела зажечь свечи на великолепном шредеровском фортепиано.

Реалист взял наугад одну из толстых, переплетенных в шагрень нотных тетрадей и раскрыл ее. Затем, обернувшись к дверям, в которых стояла Лидия, резко выделяясь своим белым атласным платьем на черном фоне неосвещенной гостиной, он спросил:

— Угодно вам «Rapsodie Hongroise» № 2 Листа?

Лидия пренебрежительно выдвинула вперед нижнюю губу и ничего не ответила. Мальчик бережно положил руки на клавиши, закрыл на мгновение глаза, и из-под его пальцев полились торжественные, величавые аккорды начала рапсодии. Странно было видеть и слышать, как этот маленький человечек, голова которого едва виднелась из-за пюпитра, извлекал из инструмента такие мощные, смелые, полные звуки. И лицо его как будто бы сразу преобразилось, просветлело и стало почти прекрасным, бледные губы слегка полуоткрылись, а глаза еще больше увеличились и сделались глубокими, влажными и сияющими.

Зала понемногу наполнялась слушателями. Даже Аркадий Николаевич, любивший музыку и знавший в ней толк, вышел из своего кабинета. Подойдя к Тане, он спросил ее на ухо:

— Где вы достали этого карапуза?

— Это тапёр, папа, — тихо ответила Татьяна Аркадьевна. — Правда, отлично играет?

— Тапёр? Такой маленький? Неужели? — удивлялся Руднев. — Скажите, пожалуйста, какой мастер! Но ведь это безбожно заставлять его играть танцы.

Когда Таня рассказала отцу о сцене, происшедшей в передней, Аркадий Николаевич покачал головой.

— Да, вот оно что... Ну, что ж делать, нельзя обижать мальчугана. Пускай поиграет, а потом мы что-нибудь придумаем.

Когда реалист окончил рапсодию, Аркадий Николаевич первый захлопал в ладоши. Другие тоже принялись аплодировать. Мальчик встал с высокого табурета, раскрасневшийся и взволнованный, он искал глазами Лидию, но ее уже не было в зале.

— Прекрасно играете, голубчик. Большое удовольствие нам доставили, — ласково улыбался Аркадий Николаевич, подходя к музыканту и протягивая ему руку. — Только я боюсь, что вы... как вас величать-то, я не знаю.

— Азагаров, Юрий Азагаров.

— Боюсь я, милый Юрочка, не повредит ли вам играть целый вечер? Так вы, знаете ли, без всякого стеснения скажите, если устанете. У нас найдется здесь, кому побренчать. Ну, а теперь сыграйте-ка нам какой-нибудь марш побравурнее.

Под громкие звуки марша из «Фауста» были поспешно зажжены свечи на елке. Затем Аркадий Николаевич собственноручно распахнул настежь двери столовой, где толпа детишек, ошеломленная внезапным ярким светом и ворвавшейся к ним музыкой, точно окаменела в наивно изумленных забавных позах. Сначала робко, один за другим, входили они в залу и с почтительным любопытством ходили кругом елки, задирая вверх свои милые мордочки. Но через несколько минут, когда подарки уже были розданы, зала наполнилась невообразимым гамом, писком и счастливым детским хохотом. Дети точно опьянели от блеска елочных огней, от смолистого аромата, от громкой музыки и от великолепных подарков. Старшим никак не удавалось собрать их в хоровод вокруг елки, потому что то один, то другой вырывался из круга и бежал к своим игрушкам, оставленным кому-нибудь на временное хранение.

Тина, которая после внимания, оказанного ее отцом Азагарову, окончательно решила взять мальчика под свое покровительство, подбежала к нему с самой дружеской улыбкой.

— Пожалуйста, сыграйте нам польку.

Азагаров заиграл, и перед его глазами закружились белые, голубые и розовые платяца, короткие юбочки, из-под которых быстро мелькали белые кружевные панталончики, русые и черные головки в шапочках из папиросной бумаги. Играя, он машинально прислушивался к равномерному шарканью множества ног под такт его музыки, как вдруг необычайное волнение, пробежавшее по всей зале, заставило его повернуть голову ко входным дверям.

Не переставая играть, он увидел, как в залу вошел пожилой господин, к которому, точно по волшебству, приковались глаза всех присутствующих. Вошедший был немного выше среднего роста и довольно широк в

кости, но не полн. Держался он с такой изящной, неуловимо небрежной и в то же время величавой простотой, которая свойственна только людям большого света. Сразу было видно, что этот человек привык чувствовать себя одинаково свободно и в маленькой гостиной, и перед тысячной толпой, и в залах королевских дворцов. Всего замечательнее было его лицо — одно из тех лиц, которые запечатлеваются в памяти на всю жизнь с первого взгляда: большой четырехугольный лоб был изборожден суровыми, почти гневными морщинами, глаза, глубоко сидевшие в орбитах, с повисшими над ними складками верхних век, смотрели тяжело, утомленно и недовольно, узкие бритые губы были энергично и крепко сжаты, указывая на железную волю в характере незнакомца, а нижняя челюсть, сильно выдвинувшаяся вперед и твердо обрисованная, придавала лицу отпечаток властности и упорства. Общее впечатление довершала длинная грива густых, небрежно заброшенных назад волос, делавшая эту характерную, гордую голову похожей на львиную...

Юрий Азагаров решил в уме, что новоприбывший гость, должно быть, очень важный господин, потому что даже чопорные пожилые дамы встретили его почтительными улыбками, когда он вошел в залу, сопровождаемый сияющим Аркадием Николаевичем. Сделав несколько общих поклонов, незнакомец быстро прошел вместе с Рудневым в кабинет, но Юрий слышал, как он говорил на ходу о чем-то просившему его хозяину:

— Пожалуйста, добрейший мой Аркадий Николаевич, не просите. Вы знаете, как мне больно огорчать вас отказом...

— Ну, хоть что-нибудь, Антон Григорьевич. И для меня, и для детей это будет навсегда историческим событием, — продолжал просить хозяин.

В это время Юрия попросили играть вальс, и он услышал, что ответил тот, кого называли Антоном Григорьевичем. Он играл поочередно вальсы, польки и кадрили, но из его головы не выходило царственное лицо необыкновенного гостя. И тем более он был изумлен, почти испуган, когда почувствовал на себе чей-то взгляд, и, обернувшись вправо, он увидел, что Антон Григорьевич смотрит на него со скучающим и нетерпеливым видом и слушает, что ему говорит на ухо Руднев.

Юрий понял, что разговор идет о нем, и отвернулся от них в смущении, близком к непонятному страху. Но тотчас же, в тот самый момент, как ему казалось потом, когда он уже взрослым проверял свои тогдашние ощущения, над его ухом раздался равнодушно-повелительный голос Антона Григорьевича:

— Сыграйте, пожалуйста, еще раз рапсодию № 2.

Он заиграл, сначала робко, неуверенно, гораздо хуже, чем играл в первый раз, но понемногу к нему вернулись смелость и вдохновение. Присут-

ствии того, властного и необыкновенного человека почему-то вдруг наполнило его душу артистическим волнением и придало его пальцам исключительную гибкость и послушность. Он сам чувствовал, что никогда еще не играл в своей жизни так хорошо, как в этот раз, и, должно быть, не скоро будет еще так хорошо играть.

Юрий не видел, как постепенно прояснялось хмурое чело Антона Григорьевича и как смягчалось мало-помалу строгое выражение его губ, но когда он кончил при общих аплодисментах и обернулся в ту сторону, то уже не увидел этого привлекательного и странного человека. Зато к нему подходил с многозначительной улыбкой, таинственно подымая вверх брови, Аркадий Николаевич Руднев.

— Вот что, голубчик Азагаров, — заговорил почти шепотом Аркадий Николаевич, — возьмите этот конвертик, спрячьте в карман и не потеряйте, — в нем деньги. А сами идите сейчас же в переднюю и одевайтесь. Вас доведет Антон Григорьевич.

— Но ведь я могу еще хоть целый вечер играть, — возразил было мальчик.

— Тсс!.. — закрыл глаза Руднев. — Да неужели вы не узнали его? Неужели вы не догадались, кто это?

Юрий недоумевал, раскрывая все больше и больше свои огромные глаза. Кто же это мог быть, этот удивительный человек?

— Голубчик, да ведь это Рубинштейн. Понимаете ли, Антон Григорьевич Рубинштейн! И я вас, дорогой мой, от души поздравляю и радуюсь, что у меня на елке вам совсем случайно выпал такой подарок. Он заинтересован вашей игрой...

Реалист в поношенном мундире давно уже известен теперь всей России как один из талантливейших композиторов, а необычайный гость с царственным лицом еще раньше успокоился навсегда от своей бурной, мятежной жизни, жизни мученика и триумфатора. Но никогда и никому Азагаров не передавал тех священных слов, которые ему говорил, едучи с ним в санях, в эту морозную рождественскую ночь, его великий учитель... □

1900 г.

Наталья Дроботько

СЩЕНЫ

из супружеской

*Лив
Ульман*

Родилась она в семье норвежского инженера. В то время отец работал в Японии, и все свое детство Лив провела в Токио. Несколько лет спустя семья вернулась домой, в Осло. Школьные годы запомнились ей разве что бесконечной чехардой уроков, на смену которым приходили спасительные перемены. Уже в старших классах модные юбки волновали Лив куда больше отметок, и ее будущее с каждым днем принимало все более неясные очертания. Наконец, собравшись с духом, девушка заявила, что будет актрисой. В ее почтенном семействе эта новость произвела эффект разорвавшейся бомбы. За чаем жеманные тетушки и дядюшки, в туго повязанных галстуках, единодушно качали головой, сетуя на то, что Лив уродилась «бог весть в кого». А все потому, что род Ульманов всегда был весьма почитаемым в Норвегии.

Тем не менее, в семнадцать лет она уехала в Англию, почувствовав

«Это рассказ о любви, об одной встрече на острове и о человеке, который изменил мою жизнь. А самое главное о том, как важна любовь, и как непросто бывает людям понять друг друга», — так написала Лив Ульман в своем дневнике

ЖИЗНИ

себя хозяйкой собственной судьбы. Брала уроки декламации, посещала кинотеатры. Тоска по родине выражалась разве что в поедании норвежских блюд и международных телефонных разговорах с просьбой выслать немного денег. Увы, год спустя попытка поступить в театральную школу в Осло закончилась провалом.

И все же ей суждено было стать актрисой. Услышав, что маленькому театру требуется инженеру восемнадцати лет, она тут же отправилась к режиссеру. Небольшой сценический опыт и занятия в лондонской школе, видимо, не прошли даром, и Лив получила свой первый ангажемент. Ее приняли в театр, и теперь вместе с другими актерами она колесила в «развалюхе-автобусе» по дорогам Норвегии...

По прошествии нескольких лет Лив Ульман была уже актрисой Национального театра, к тому же, успела выйти замуж.

*Ингмар
Бергман*

«Сказать по правде, мои чувства к мужу, врачу по профессии, были скорее братскими. Мы познакомились на обеде у общих знакомых, — рассказывала она. — Мне нравилось, что он был сильнее, что заботился обо мне. Мы строили планы на будущее и каждый месяц планировали расходы, но деньги заканчивались уже через три дня. Тем не менее, мы отлично ладили. Наш брак продлился пять лет. Во время развода мы сидели в зале, по привычке держась за руки. Перебирая бумаги, адвокат то и дело поглядывал в нашу сторону, недоумевая, о чем мы так беззаботно болтаем, наверное, не так уж часто ему приходилось видеть подобного рода разводы. Потом мы стояли с мужем на улице и прощались. Прощались, пока не кончились ободряющие слова. «Пока», — наконец сказал он и пошел, так ни разу не обернувшись. Было странно видеть, как он уходит. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду. Я тоже пошла. Мне надо было торопиться и собрать кое-что из вещей, потому что в тот день я уезжала на остров Форё.

Меня ждал Ингмар Бергман».

До чего же долгов был этот путь. Из Осло ей пришлось лететь самолетом до небольшого городка Висбю, затем проехать почти через весь скалистый остров Готланд, и уже на торговом судне переплыть залив Форесунд. Здесь, на краю света, и лежал остров Форё.

Впервые Лив оказалась здесь год назад. Бергман долго подыскивал место для съемок своего фильма «Персона», пока не остановился на этом почти безлюдном острове на самом севере Швеции, где не было ни дорог, ни даже почты. Но тогда эта земля показалась ей совершенно другой. Было лето, много солнца, и повсюду царило счастье. В перерывах между съемками она бродила босиком по песку, сидела у моря, любовалась безбрежной далью. Ей казалось, что она живет в каком-то необыкновенном мире, сотканном из солнца, наслаждений и радости. И все это только благодаря Ингмару. И не только потому, что он признанный режиссер и обладатель двух «Оскаров», не только потому, что сумел создать атмосферу, в которой она, Лив, впервые раскрыла такие чувства и мысли, о которых даже не подозревала. Нет. Просто им было хорошо вдвоем. Вечерами они гуляли по берегу и говорили обо всем на свете. Признаться, она ничего не ожидала от этих отношений. Ингмар же ловил себя на том, что Лив, хотя и моложе его на двадцать лет, все больше начинает занимать его мысли. Он подолгу останавливал камеру на ее лице, снимая крупные планы, восхищался ее игрой, талантом, голубишной глаз, ее необычной индивидуальностью. Его тянуло к ней, но вправе ли он соединить их жизни?

Она вдруг стала приходиться в его сны, и если, опять же во сне, что-то

*Лив Ульман
и Ингмар
Бергман*

не ладилось, и она уходила, то наутро, проснувшись, он чувствовал себя совершенно разбитым. Они часто уходили к морю, бродили по пустынному берегу и зарывали в песок монетки. На счастье. Однажды они ушли очень далеко и увидели небольшую возвышенность. Сели неподалеку на камень и какое-то время просто молчали, прислушиваясь к шуму волн. «Знаешь, — сказал Ингмар, — сегодня я видел сон, словно тебя и меня что-то мучительно связывает». И вдруг понял, что и он, и эта земля, и Лив — и есть слагаемые одного целого.

Там, где они сидели, Бергман решил построить дом. И построил. Спустя год. Это навсегда изменило их жизнь. И его, и ее.

Как и другие работы Бергмана, фильм «Персона» был принят и критиками, и зрителями. Это первый фильм Лив Ульман, который принес ей признание. Впереди еще двенадцать фильмов, и навсегда закрепившийся за ней статус «бергмановской актрисы». А пока...

Она, наконец, добралась до этого места. Но то, что когда-то казалось ей раем, теперь, в эти непогожие

осенние дни, выглядело совсем иначе. Земля была каменистой и скудной, холод и ветер пронизывали до костей, и это стало для нее потрясением. Она замерла на пороге их дома, в одной руке — чемодан, в другой — маленькая такса Пет.

Сказать по правде, Ингмар не ожидал увидеть Пет. Он как-то не подумал, что ему придется делить Лив еще с кем-то. И Пет словно почувствовала это. С первого же дня между псом и женщиной, в неизменной лыжной шапочке, надвинутой на глаза, и в высоких сапогах, установилась самая настоящая неприязнь. Ласки, которыми Лив одаривала Пет, вызывали у Ингмара странные вспышки гнева, и собака инстинктивно платила тем же. *«Когда Ингмар брал меня за руку, —*

вспоминала Лив, — Пет издавала злобное рычание».

Но поначалу от подобного рода недоразумений их спасала любовь. Лив любила и была любима. Ночами они лежали, тесно прижавшись друг к другу, и он тихо, очень тихо говорил о том, как любит ее, как она нужна ему. Его жажда взаимности была неутолимой. И не только физически. Теперь они понимали, их действительно связывало нечто намного большее.

Жизнь на острове текла, ничем не нарушая раз навсегда установленного порядка. Ингмар много работал, писал, время от времени ездил на материк, чтобы договориться о новых съемках. Влюбившись в Лив, он влюбился и в этот остров, и все последующие картины — «Час волка», «Стыд», «Страсть Анны», «Шепоты и крики», «Сцены из супружеской жизни» — он будет отныне снимать тоже здесь (и в каждой из них играла Лив).

И режиссера, и актрису с радужием принимали по всей Европе и в Америке. Хотя на съемочной площадке они прекрасно понимали друг друга, в их личной жизни начинало что-то не складываться. Возвращаясь на Форё, Ингмар становился все более замкнутым. Что касается Лив, то в ее представлении остров все больше стал походить на крепость, так как общаться ей приходилось только с ним. Дружья, встречи, родные, даже воспоминания — все уходило на второй план и представляло

угрозу для их любви. Ее первый робкий протест вызвал у Ингмара приступ столь сильной ярости, о которой Лив даже не предполагала. Както во время одной из ссор, когда она попыталась скрыться от него в туалете, Ингмар изо всех сил ударил ногой в дверь, да так, что проломил в ней огромную дыру, через которую пролетела его туфля, угодив прямо в унитаз. Таких вспышек ярости становилось все больше. Но когда гнев угасал, наступало молчание, которое было еще более тя-

гостным. Ингмар мог днями не выходить из кабинета, несмотря на слезы и мольбы Лив. И тогда она в отчаянии садилась за свой дневник:

«Когда я была маленькой, — писала она, — я, как все дети, наверное, мечтала об острове, где будет тепло, где растут пальмы, и много фруктов. Здесь же дует обжигающий ветер, а над землей, усыпанной валунами, стелется туман. Тут ничего не растет, разве что низкорослые ели, с искореженными ветками. Правда, в летнюю пору, когда под скупыми лу-

*Кадр из кинофильма
«Сцены из супружеской
жизни»*

чами солнца разбрызгиваются маленькие красные огоньки — земляничные поляны, — становится не так грустно. С приходом же первых осенних дней и дом, и остров превращаются в мрачную крепость. Я брожу по каменному берегу, убеждая себя, что составляю часть островной природы, и буду жить здесь всегда. Пытаюсь полюбить это холодное море, эти скупые краски, такие скромные в своей красоте. То, что раньше было моей жизнью, теперь кажется мне нереальным. И я спрашиваю себя, что же со мной будет?»...

С рождением дочери пришли новые испытания. Лив погрузилась в новый для себя мир, мир своего ребенка. Ингмар все больше времени проводил на материке, где ставил спектакли. Когда он возвращался, дом на какое-то время оживал. «Как же я радовалась, когда наступали те редкие минуты отдыха, когда он брал дочку на руки и уносил в свой кабинет, когда летними погожими днями я, он и малышка Линн сидели на пороге дома, и смотрели на море, на птиц, на камни», — рассказывала Лив.

Ее не отпускало какое-то странное чувство вины. «Я словно разрывалась между ними: им, сидящим в своем кабинете и желающим единолично распорядиться мною, и ею, едва научившейся ходить. Линн спала в одном конце дома, мы — в другом. И ночами, лежа без сна, я прислушивалась, не проснулась ли она. Я начинала отчетливо понимать, что скоро, ох как скоро ответ-

ственность за дочь ляжет только на мои плечи, потому что он, Ингмар Бергман, должен жить своей жизнью». Она устала от этого напряжения. Она была еще так молода, и ей хотелось совсем другой жизни.

Пробовала ли она уехать? Да, и не раз. Преодолевала четверо ворот, которые каждый раз приходилось открывать и закрывать за собой. Дождавшись парома, переплывала на нем пролив. А потом, испугавшись чего-то, хотя какая разница — чего именно, возвращалась. И он всегда ждал ее. То у одних, то у других ворот. Все повторялось. На смену осени приходила зима, на смену лета — снова осень. Она всегда помнила его слова: «Нас с тобой что-то мучительно связывает». Но что? И почему порой, видит Бог, ей так хотелось превратиться в его перьевую ручку, чтобы только быть с ним?! Если бы он захотел хоть что-то изменить, их жизнь, возможно, стала бы совсем другой. Но этого не случилось.

И тогда пришел тот, последний, день. Лив стала собирать вещи так спокойно, словно уезжала на несколько дней. Ингмар молча наблюдал за ней. Линн же радостно щебетала, собирая разбросанные игрушки: «Мама, это правда? Мы едем с тобой погостить?»... «Ну, конечно же», — отвечала она.

Лив покидала этот дом, держа в одной руке чемодан, в другой — Линн. Потому что Пет... осталась на острове.

Такие странные лики любви! Они попытались соединить свои, такие разные, жизни, но судьба распорядилась иначе. Странные, потому что ближе, намного ближе они стали друг другу лишь только тогда, когда расстались. И расставшись, увидели все совершенные ими ошибки.

Правда, понадобилось какое-то время, прежде чем между ними снова протянулась связывающая их нить. Ингмар по-прежнему оставался на острове, Лив жила в Осло, она переехала в дом, который купила еще до Форё. Вечерами Ингмар звонил, говорил о себе, о планах, ставил любимую музыку. Он, как и прежде, считал Лив самой талантливой своей актрисой. Она же читала ему свои записи, говорила о доме и о ребенке. Но знала одно, отец Линн должен жить своей жизнью, не с ними. Ингмару нужна была совсем другая женщина, с цельной натурой, практичнее, что ли, которая могла бы вести дела, отвечать на телефонные звонки, живя с которой можно было бы не заботиться ни о чем, кроме творчества. Бесценное качество спутницы жизни — это когда шкафы, телефонные счета и бумаги в полном порядке. Когда ничего не нужно делать, потому что все делается, вроде, само по себе. *«Я же была совсем другой. Я была не практичная, и попросту крошилась на кусочки».*

Теперь Лив должна была учиться жить одна, ведь их брак с Ингмаром Бергманом не был официально зарегистрирован. Соседи, заглядывая

через забор, забежали выпить на кухне чашечку кофе. Из кранов капала вода, перегорали пробки. Правда, в театре ее встретили так, словно она и не уезжала. «Привет», — сказали они, и Лив вновь вышла на сцену.

Дни были похожи один на другой. Днем — репетиции, ночью — все та же кровать. Оставалось лелеять надежду, что, когда Линн подрастет, ей уже не придется так торопиться домой, что она, наконец, сможет выспаться, отдохнуть и провести время, как захочется.

«Кто-то и впрямь подумает, что моя жизнь лишена удовольствий, — писала Лив. — А поцелуи, которые ожидают меня дома, а записочки, оставленные на моей подушке, или та детская безмятежность, когда она погружается в сон, повернувшись, вздохнув и чему-то улыбаясь, потому что рядом лежит взрослый и никуда не торопится. И я вспоминаю, как она, совсем еще крошка, брела в мою спальню через весь дом. Скоро ты вырастешь, Линн, и поймешь, что тебе досталась мать, обнимавшая тебя на ходу, и выслушивала твои новости, мысленно твердя заученные фразы из сценария, нетерпеливо постукивая пальцами по столу. Помнишь, как я уставала и просила тебя не ныть, как наблюдала за тобой из окна, как ты копаешься в земле, протирая штаны на коленках.

Как часто предобеденные три часа уходили у меня на то, что я пыталась употребить по назначению воду, которую налила в ванную еще

утром. Меня постоянно одолевала мысль, что я плохая мать, что меня не хватает на все это, что я, в конце концов, не могу починить краны, из которых капает вода. И чтобы завоевать уважение, мне следует убирать комнаты и печь блины. Если бы я была мужчиной, все выглядело бы совсем иначе. Ведь профессия мужчины, его потребность сконцентрироваться, работа по дому, и даже его усталость, вызывают у окружающих чаще всего куда больше уважения по сравнению с женскими хлопотами. И попробуйте-ка объяснить все это маленькому ребенку, объяснить, что мама работает, что она занята, в то время, как, по его мнению, она только и делает, что сидит и пишет. Что уж говорить о вечерних спектаклях. Занавес еще не успевает опуститься, а ты уже мчишься к теле-

фону, и слышишь, как на другом конце провода, плачет ребенок. И что ответить на детский вопрос, почему я так долго не прихожу? Обещаю подарки, и с облегчением вздыхаю, потому что на другом конце провода плач затихает. И как же соединить ее детство с моей взрослой жизнью?»

Конечно, она стала свободнее, когда Линн подросла. И вот уже новые фильмы Бергмана с участием Лив Ульман выходят на экраны мира — «Лицом к лицу», «Волшебная флейта», «Змеиное яйцо», «Осенняя соната». И снова — самые престижные награды, номинации на «Оскар». В течение четырех лет подряд американские кинокритики называют ее «лучшей актрисой года». Она принимает приглашение посетить США,

живет в Беверли-Хиллз, где ей предоставляются роскошные апартаменты. Снимается в Голливуде, играет в классических спектаклях на Бродвее. Ее образы в пьесах Ибсена до сих пор признаны сценическими шедеврами XX-го века. Она желанный гость в Белом доме, ей оказывают внимание видные политики, знаменитости. Но, несмотря на такое внимание американцев, Голливуд так и не стал ей близок по духу. Беверли-Хиллз — это место, где солнце, апельсиновый фреш, деньги, дорогие машины и роскошные виллы. Часто соседи даже не знают друг друга, никто не гуляет, и никогда не

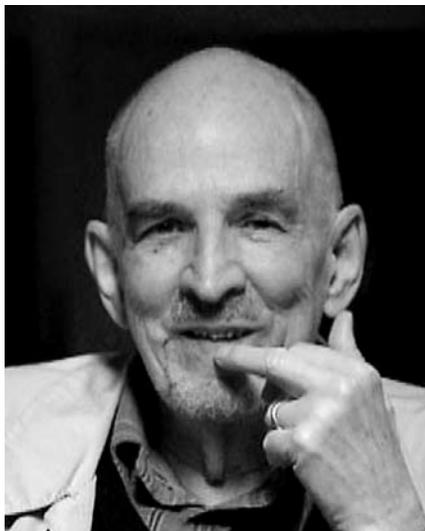
увидишь играющих детей, только опущенные занавеси, ограждающие от солнца и посторонних взглядов. Лишь одно доставляет радость. Это уважение к профессионализму, к истории кино, ведь на вечеринках можно встретить живую легенду, и стены студий еще помнят атмосферу былых голливудских времен, она постоянно витала в любом разговоре.

Каким бы чудесным ни был прием в Штатах, надо было возвращаться домой. Здесь, в Осло, и вообще в Европе, она чувствовала себя намного свободнее и с успехом играла в театрах Стокгольма, Мюнхена, Лондона. Но иногда все же ловила себя на мысли: а что, если вернуться на остров, туда, где без особого комфорта, в примитивных летних бунгало, без электричества и горячей воды, они снимали «Персону», и где впервые в своей жизни она была по-настоящему счастлива?

Лив вспомнила и Пет, хитрюгу Пет, которой все же удалось «приручить» своего сурового хозяина. Тот отвел ей место на коврик, в углу прихожей, запретив появляться в комнате. А ведь на материке, где она жила с Лив, ей было позволено все, она могла свободно перемещаться по дому и ложиться там, где понравится. Но Пет и не думала сдаваться, она поступила иначе. Месяц за месяцем, по метру, не более, она осторожно продвигалась к центру гостиной, пока не отвоевала место у камина. Правда, не сразу, но ей все же было позволено сопровождать

*Лив
с дочерью
Линн*

хозяина во время прогулок. Прошло какое-то время, и она уже радостно повизгивала при звуке его приближающихся шагов, когда он возвращался из города.

В одном из своих писем, много лет спустя, Лив напишет Ингмару такие строки: «Я слышала, что Пет уже позволяет лежать на... «святая святых» — твоим письменном столе».

Она все-таки вернулась на Форё. Тут ничего не изменилось. Даже мебель стояла на своих местах, и за обеденным столом пользовались теми же ножами, вилками и стаканами, которые она когда-то купила. Вот только на пороге ее встретила другая женщина, и это слегка кольнуло в сердце. Но Лив была благодарна ей, потому что та не стала вытеснять ее из этого уютного мирка, оставив

все на своих местах. Ингрид фон Русен, бывшая жена графа фон Русен, была давней подругой Ингмара, и, расставшись с Лив, он вскоре женился на ней. (В последнем интервью, отвечая на вопрос, как ему удалось прожить с Ингрид двадцать четыре года, Ингмар сказал: «Она была практичным человеком».)

И вот сейчас, в этом странном возвращении в прошлое, Лив видела перед собой все те же картины — одинокие деревья, пыль вдоль дороги, и, чуть поодаль, — целые россыпи земляники. Ингмар не изменил своим привычкам: он по-прежнему носит фланелевые рубашки, а вечерами свитера грубой вязки, высокие сапоги и шерстяные, как у лыжников, шапочки, которые надвигал почти на самые брови. Он был предельно скуп в повседневной жизни, ел

немного: по утрам — кислое молоко, а летом — пригоршнями землянику, которую собирал сам. Позавтракав, отправлялся в свой кабинет, где стоял дубовый стол и несколько таких же дубовых стульев. Нигде и никогда ему не писалось так хорошо, как здесь, на острове.

Девять раз Бергмана номинировали на «Оскар», трижды он возвращался домой, привозя золотую статуэтку. Были и престижные награды Каннского, Берлинского, Венецианского кинофестивалей. Виртуозная, чисто бергмановская, образная выразительность ввела его в сонм лидеров «авторского» направления в мировом искусстве. Он снял более 50 фильмов, поставил 150 спектаклей, написал несколько книг. Вот только обо всем ли он успел сказать?

Странно, но у людей, которые когда-то соприкоснулись друг с другом, совершенно независимо от их воли появляется вдруг желание возобновить отношения, несмотря на то, что когда-то пути их разошлись. Никто никому при этом не принадлежит, они просто вместе, — с той па-

мятью, и новым временем, в котором они сейчас. Тридцать лет назад, расставаясь с Лив, Бергман снимал свои знаменитые «Сцены из супружеской жизни», историю развода семейной пары, вложив в уста своего героя Йохана слова, обращенные к Марианне (Лив):

«Я могу сказать, что люблю тебя, как умею, несовершенной и эгоистичной любовью. И мне кажется, что ты меня тоже любишь, по-своему, непокладистой и нетерпеливой любовью. Попросту, мы с тобой любим друг друга. Земной и несовершенной любовью».

Бергман хотел показать, что значит жить с другим человеком и как важно при этом воспринимать людей такими, как они есть.

И вот теперь, спустя тридцать лет, он вновь решил подарить им встречу, посадить их друг против друга. И какая разница, о чем они станут говорить? Дело ведь совсем в другом. Это был последний фильм Бергмана «Сарабанда», снятый в 2003-м году. И это было время, когда застилала землю, пригретые солнцем, земляничные поляны...

P.S.

Ингмар Бергман ушел из жизни 30 июля 2007 года, в своем доме на острове Форё.

Лив Ульман живет в Осло. В 2004 году в Барселоне она получила почетный приз «За вклад в киноискусство». Не раз возглавляла жюри Каннского, а также Московского кинофестивалей, где в 2008 году прошла ретроспектива ее фильмов. Пишет книги, снимает фильмы.

Линн стала известной журналисткой. Она замужем, и у нее двое детей. □

НАШЕ

ВСЁ

Женская борьба с одиночеством — распространенный вид спорта, но, если занимаешься им непрофессионально, лишь время от времени, победы случаются реже, чем поражения. А пораженная в сердце женщина — существо не просто несчастное, но еще и зловредное, и мстительное!

Мимо помощника в приемной я прошла твердым шагом, нарочито не замечая его вопросительно вздернутых бровей. Наверняка Санчо заметил, что глаза у меня мокрые и красные, а тушь размазана, но я не собиралась откровенничать.

— А что? — встревоженно вякнул помощник, но я осадила его предостерегающим жестом и рявкнула:

— Что, что... Аллергия у меня!

В кабинете я швырнула на диван сумку, включила компьютер, бухнулась в кресло и уставилась на свое отражение в мониторе, как на врага народа. Монитор не выдержал психической атаки и малодушно посветлел. Я открыла файл с недопи-

санным текстом и выдохнула, собираясь с мыслями.

Итак, милые читательницы, расскажу вам про одиночество...

Тихо скрипнула дверь. Я подняла глаза: на пороге, сдвинув пятки, развернув плечи и без всякого выражения глядя поверх моей головы, высился Санчо. Образ чопорного английского дворецкого шел ему чрезвычайно.

— Кгхм...

— Да? — обронила я с ледяной вежливостью некстати потревоженной благородной леди.

— Вы, мадам, эту свою аллергию чем лечить изволите? Опять спиртным? Или мне в аптеку сгонять? — не глядя на меня, спросил мой помощник таким хамским тоном, за который чопорного английского дворецкого турнули бы с туманного Альбиона без рекомендаций и выходного пособия.

— На сей раз нашу аллергию мы будем лечить работой! — с вызовом

ответила я и демонстративно придвинула к себе клавиатуру.

— А-а, значит, дело совсем плохо, — пробормотал Санчо и тихо испарился.

В растрепанных нервах мне обычно превосходно работается. Нет лучшего способа забыть о своих проблемах, чем создать таковые кому-то другому!

Я ворвалась в третью главу незаконченного романа, как смерть с косой.

Изначально на данном этапе предполагалась небольшая романтическая история, но я вычеркнула ее из своих творческих планов и бестрепетной рукой лишила жизни всех подходящих кандидатов в героилюбовники. Главную героиню я заточила в тюрьму, тюрьму водрузила на одинокую скалу, вокруг скалы квадратно-гнездовым порядком расположила объединенную армию канибалов и зомби, этих окружила раскаленными песками пустыни, а пустыню населила двухметровыми скорпионами-мутантами с нездоровой тягой к общению. После того, как насекомые монстры жестоко расправились с группой туристов-мужчин, мне немного полегчало, поэтому женщин я не тронула. Синими зубчатыми молниями с неблагоприятных небес я выборочно — по половому признаку — испепелила зомби, и на этом мой разрушительный порыв окончательно иссяк.

Я даже проявила гуманизм и позволила главной героине по случаю

разжиться крепкой стальной ложкой для рытья подземного хода на волю, но эта неблагодарная девица, почувствовав, что я подобрела, первым делом попыталась соблазнить своего тюремщика, и мне пришлось напомнить ей старый добрый советский лозунг: «У нас в стране секса нет!» А раз его нет у нас, то и у других не будет — во всяком случае, в том мире, где бог и царь — я, автор художественного произведения.

Выплеснув негатив на бумагу, я устало откинулась в кресле и в наступившей тишине услышала женский голос в приемной:

— Что, она сейчас занята?

— Так, немного, — небрежно ответил Санчо. — Полагаю, набрасывает сценарий апокалипсиса!

Я тихо застонала, потому что узнала этот женский голос. Моя двоюродная сестрица из Павлодара Машера, про которую я совсем забыла!

— Ну, тогда, может, хоть второе пришествие пройдет, как приличное шоу! — заметила кузина и бесцеремонно распахнула дверь в мой кабинет: — Тепа, неужели у тебя уже склероз?

— Здравствуй, дорогая!

Я сделала приветливое лицо, привстала в кресле и повела рукой, приглашая родственницу не церемониться. Впрочем, этого от Машеры не дождешься. Она бухнулась на диван, попрыгала на подушках и показала мне большой палец:

— А ты тут хорошо устроилась! Молодец!

Я натужно улыбнулась, вышла из-за стола, мимоходом прикрыла окно (во дворе уже с полминуты бешено визжала автомобильная сигнализация), переступила через Машкины вытянутые ноги, выглянула в приемную и распорядилась:

— Саш, тащи кофе и сладкое, что у нас есть!

— Тепа? — вне прямой связи с моими словами заинтересованно повторил Санчо и умиленно поморгал ресницами.

— Забудь, — хмуро велела я.

Машку захотелось отдать на растерзание каннибалам, зомби и скорпионам-мутантам.

В нашей семье испокон веков существует очаровательная традиция награждать детишек милыми домашними прозвищами. И, поскольку нет ничего более постоянного, чем временное, эти заменители приличных ФИО прилипают, как банный лист, — не оторвешь! В нежном возрасте девяти месяцев я получила от любящих родственников в пожизненное пользование домашнее прозвище Тепа — за то, что сосредоточенно озвучивала свои первые шаги: «Топ, топ, топ». Лет в пятнадцать, когда ко мне в гости стали заглядывать мальчики, я устроила родичам дикий скандал, категорически потребовав в присутствии посторонних людей называть меня человеческим именем, но это не очень помогло. Машка вот по-прежнему кличет меня, как младенца. Впрочем, сама она невозмутимо от-

зывается и на Машерочку, и на Машанделя.

— Мань, прости, я забыла оставить тебе ключи, — повинилась я за кофе с пирожными.

— Ты забыла, что мы приезжаем? — не поверила сестрица.

— Мы?

У меня упало сердце. Это Машкино «мы» могло означать только одно: она приехала не в единственном числе, а со своими «короедами». В таком случае, мою забывчивость, действительно, можно было объяснить только очень тяжелой формой склероза, если вообще не амнезией. Машкины потомки Дуся и Руся производят стойкое и тяжелое впечатление даже на очень закаленных людей — цирковых укротителей, сотрудников террариумов и заслуженных работников переполненных сумасшедших домов.

— Детки ждут меня во дворе, — сообщила Машера.

Сразу стало понятно, почему в одном дворе с Дусей и Русей слаженным хором орут автомобильная сигнализация, коты и дворник дядя Митя. Я поспешно поставила чашку, с не прожеванным куском пирожного за щекой метнулась к столу и вытряхнула на него все содержимое своей сумки:

— Вот ключи от квартиры, ежайте домой!

— Не спеши, успеется, давай сначала поболтаем, посекретничаем по-женски, пока нам детки не мешают! — отмахнулась Машера.

У нее нервы, как якорные цепи «Титаника».

— Не мешают? — повторила я, обеспокоено прислушиваясь к нарастающему шуму во дворе.

Там что-то грохнуло, и мимо окна ночными бабочками полетели серебристо-черные хлопья.

— Разве может нормальный ребенок с петардой пройти мимо пустого мусорного бака? — пожав плечами, философски ответила сестрица на мой невысказанный вопрос. — Всякому же ясно — стальной контейнер ухнет так, что закачаешься!

Я закатила глаза и увидела, что на потолке качается хрустальная люстра, не менее отзывчивая, чем стальной контейнер.

— Ладно, я пойду. — Машера встала и подхватила со стола тарелку с пирожными. — Не задерживайся на работе, тебя ждет праздничный ужин в семейном кругу!

Я вздрогнула, но сестрица этого не увидела — она уже удалилась. Через тридцать секунд во дворе раздался богатырский посвист, и почти сразу же замолчали коты и дворник. Сигнализация еще завывала, но в сольной партии звучала так себе — как Николай Басков вне дуэта с Монсеррат Кабалье.

— Что это было? — опасливо спросил Санчо, явившись убрать посуду со стола.

— Моя семья.

— А я-то думал, что ты — самый яркий ее представитель!

— Да уж куда мне.

Захватив поднос, Санчо удалился.

Я немного подумала и открыла файл с текстом. Отняла у героини стальную ложку и отдала ее Дусе и Русе, которых заточила в каменный мешок двумя этажами ниже. Они пробьются, куда им захочется, хоть с инструментом, хоть без него!

Потом быстренько окружила скалу глубоким рвом, вернула к жизни «сильную половину» зомби и основательно бронировала панцири двухметровых скорпионов, чтобы они хоть как-то могли противостоять вооруженным ложкой «короедам». Под тучей, полыхающей молниями, радужными буквами написала: «Не влезай, убьет!» Все равно полезут, но я хотя бы предупредила.

Машеру с тарелкой из-под пирожных я поставила на краю пустыни. Непринужденно обмахиваясь тарелочкой, она светски беседовала с каннибалами, периодически покрякивая в сторону эпицентра побоища: «Детки, ко мне!»

Тюрьма рассыпалась в пыль и в прах — по завалившей ров протоплазме на призыв любимой мамы победоносно протопали Дуся и Руся с любимой тетей на руках. Моя героиня растроганно всхлипывала и гладила своих спасителей по вихрастым головам.

— Хэппи энд! — возвестила я и поставила точку.

Какое одиночество, милые читательницы, что вы?

Семья — это наше все! □

У Паоло Уччелло

«Битва при Сан-Романо»

Историю человечества легко представить как череду самых разных сражений. О многих люди забыли, но некоторые вошли в хроники: одни — благодаря важности и политическим последствиям для сражавшихся сторон, другие — из-за числа погибших, третьи — благодаря мужеству воинов, проявленному на поле боя. Но, наверное, только одно сражение — сражение при Сан-Романо в 1432 году, в долине реки Арно, — осталось в памяти людей и в мировой культуре благодаря художнику, посвятившему ему свою картину

Воскресным днем, 1 июля 1432 года, в долине реки Арно под Флоренцией разыгралось жестокое сражение. На поле боя сошлись войска Флоренции и объединенные силы Сиены и Милана. Бой продолжался целый день. Дрожала земля под всадниками в тяжелых латах, пыль поднималась до небес. Один за другим падали на зем-

лю жертвы этой бойни. К вечеру все поле было усеяно трупами людей и лошадей. Это было, в общем-то, вполне рядовое сражение — в истории средневековой Италии таких очень много. И, конечно же, его бы забыли, если бы не великий Паоло Уччелло, чья картина «Битва при Сан-Романо» навсегда прославила это

сражение и его героев. В работе Уччелло сконцентрированы все достижения живописи той эпохи: владение цветом и светом, выразительность красок и, главное, композиция сделана с учетом законов перспективы, которая воспринималась тогда, как некое волшебство, как настоящее чудо.

У этого шедевра Раннего Возрождения оказалась трудная судьба. Созданная по заказу богатого флорентинца, она стала жертвой жестокого преступления — циничного грабежа. В XV веке ее считали несомненным шедевром, в XIX веке она была подвергнута осмеянию, и лишь в веке XX получила всемирное признание.

Первая половина XV столетия была ярким периодом в истории Флорентийской республики, временем конфликтов, часто вооруженных, и союзов, которые не всегда оказывались крепкими и долгими. Так, в начале 30-х годов Флоренция боролась с богатым городом Луккой, которую вдруг поддержала соседка Флоренции Сиена, а Сиену — Милан. Во Флоренции военными действиями руководил Военный совет, Совет 10-ти. В начале июня войска Флоренции двинулись на врага. Решающее сражение произошло недалеко от местечка Сан-Романо 1 июля 1432 года. Во главе флорентинской армии стоял кондотьер Никколо да Толентино. В те времена флорентинцы, да и правители других итальянских городов, часто нанимали опыт-

ных военачальников, кондотьеров (кондот — контракт). Жизнь этих отважных авантюристов была непростой — нужно было уметь ориентироваться в постоянно меняющейся политической ситуации, а иногда приходилось опасаться не только врагов, но и своих хозяев, а потому они часто их меняли. Порой, когда такой кондотьер завоевывал слишком большую популярность в войсках, его наниматели без всякого сожаления убивали его, в ход шло все — от кинжала до яда. Так же трагично сложилась и судьба героя сражения при Сан-Романо Никколо да Толентино. В 1434 году он попал в плен и погиб. Говорили, что отважного кондотьера отравили.

В сражении при Сан-Романо участвовали три самых знаменитых кондотьера тех лет — Никколо да Толентино, Микелетто да Котиньола и Бернардино делла Карда. Последний в это время был на службе у миланского герцога и выступал на стороне сиенцев. Кстати, до того, как встать во главе миланского войска, делла Карда успел послужить Флоренции. Кондотьеры были яркими, поистине ренессансными личностями. Многие из них не отличались высокородностью. К примеру, знаменитый флорентийский кондотьер Джон Хоквуд, портрет которого оставил нам Уччелло, происходил из семьи простого ремесленника, кожевника. Жизнь этих «солдат удачи» была нескончаемой чередой соблазнов и опасностей, но, несмотря ни на что, многие

из них отличались доблестью и благородством. Недаром им на площадях итальянских городов ставили памятники, и фресками с их портретами украшались соборы.

В июле в Тоскане бывает очень жарко. Было жарко и в тот день, 1 июля 1432 года. Легко представить, как тяжело приходилось солдатам в их тяжелых душных доспехах. Войско противника насчитывало 8 тысяч солдат, у флорентинцев было в два раза меньше — 4 тысячи. Впоследствии обе стороны из всех сил приукрашивали свою доблесть и воинское мастерство, но, так или иначе, в сражении при Романо, несмотря на численное превосходство противника, победили флорентинцы. Толентино, хитрый и опытный военачальник, использовал внезапность и неожиданность ходов. Однако сражение было трудным и долгим — оно продолжалось почти весь день. Сам Толентино чуть не попал в плен к сиенцам, но флорентинцы все-таки смогли переломить ситуацию и победили. С помощью пришедшего очень во время подкрепления под предводительством Микелетто да Котиньола армия противника была повержена. Враг бежал, но флорентинцы были так измучены, что даже не стали их преследовать. Спустя несколько лет в память этой победы богатый флорентинец, домовладелец, хозяин целого флорентинского квартала и, к тому же, преуспевающий банкир

Паоло Уччелло

Лионардо Бартолини Салимбени (1404–1479) заказал Паоло Уччелло картину, на которой и должен был быть запечатлен этот важный бой.

Салимбени страстно любил искусство и собирал живопись. Овдовев, в 1438 году он женился во второй раз. Тогда было принято в таких случаях менять убранство дома, и особенно спальни. Вот Салимбени и решил украсить свою спальню батальной сценой, которая напоминала бы о его личных заслугах в важной победе (он был членом Совета Десяти, спонсировавших флорентийское войско) и прославляла бы любимый город. С просьбой выполнить эту работу он обратился к Паоло Уччелло, художнику, которого уже хорошо знали во Флоренции.

Паоло ди Доно (позднее — Уччелло) родился в 1397 году в Прато-

веккио. Его отец, Доно ди Паоло, переехал во Флоренцию в 1373 году. Он был неплохим лекарем, и к нему за исцелением шли убогие и страждущие со всей округи. Мать будущего художника, Антония ди Джованни дель Кастелло дель Бечутто, была представительницей знатного флорентийского рода.

Талант Паоло проявился очень рано, и уже в 10 лет он работал в мастерской знаменитых скульпторов Гиберти и Брунеллески. В 1415 году Уччелло, освоивший уроки своих гениальных учителей, уже член Цеха флорентийских докторов, аптекарей и живописцев — союза, покровительствовавшего архитекторам, художникам и скульпторам, а в 1424 году становится и членом Цеха художников Святого Луки. У него появились заказы, и он с удовольствием работал, создавая замечательные творения. К сожалению, многие не дошли до нашего времени, а потому наши представления о творчестве художника не совсем полны.

Уччелло много путешествовал. Бывал в разных городах Италии, и везде изучал достижения местных художников. Так, с 1425 по 1430 год он жил в Венеции, где восхищался творчеством Джентиле да Фабриано, работами своего современника Пизанелло и вместе с Гиберти выполнял фрески в соборе Сан Марко. В январе 1431 года Уччелло вернулся во Флоренцию. Недостатка в заказах у него не было, и потому уже через три года он купил просторный

дом в центре Флоренции — явное свидетельство его стабильного финансового положения. Однако пройдет еще несколько лет, прежде чем он получит настоящее признание. В 1436 году Уччелло создал замечательную фреску в Санта Мария дель Фьоре — «Памятник кондотьеру Джованни Акуто (Джону Хоквуду)». На фреске Хоквуд был изображен как всадник, гордо восседающий на великолепном коне. Фреска, выполненная по законам перспективы, выглядит мощно, выпукло, словно скульптура. Именно тогда впервые, ставя свою подпись, Паоло называет себя Уччелло (итал.: «птица»). (Вазари считает, что художник выбрал такой псевдоним потому, что очень любил животных, в особенности птиц, однако многие искусствоведы сомневаются в этой версии.)

После этой работы, имевшей большой успех, Салимбени и решил, что картину, посвященную битве при Романно, он закажет именно Уччелло, художнику, умеющему столь великолепно изображать воинов и лошадей. Работа заняла несколько лет. По сути, Уччелло написал сразу три картины, расписывая три деревянные (из древесины тополя) панели. Каждая панель имела размеры примерно 3х2 м, а их толщина порядка 2 см. На первой панели художник изобразил начало битвы, вторая панель — кульминация сражения, а третья — конец дня, прибытие подкрепления и исход сражения. На первой панели герой битвы Никколо

да Толентино ведет воинов в бой. Это уже разгар сражения — на земле обломки копий, сбитые шлемы, поверженный латник. Перед предводителем скрестили мечи четыре рыцаря, а за ним идет на врага отряд флорентийцев. Над Толентино развевается его штандарт — узел Соломона. Знамя держит юный знаменосец. И кто знает, сколько ему еще суждено жить?

На второй панели — образ поверженного врага, Бернардино делла Карда, падающего с коня на землю. На третьей — воины-флорентинцы, возглавляемые Микелетто да Коти-

ньола, идут на помощь солдатам Толентино. Вот он, Микелетто, с поднятым мечом в центре, а его войско, тем временем, перестраивается, готовясь к атаке. Ярость сражающихся солдат, оскал лошадей, мерцание лат, звон мечей...

Во всех трех композициях главное действие разворачивается на переднем плане, словно на своеобразной сцене, которая отделена от дальнего плана естественной оградой из кустов и деревьев. Уччелло одним из первых ввел в живопись пейзаж. Все выписано ярко, объемно. При работе художник использо-

вал документальные свидетельства, но при этом его картина — не буквальное описание битвы, а некое обобщение, образ боя. И еще ему очень хотелось, чтобы все было красиво, и потому он изображал своих героев с плюмажами и доспехами, которые бывали только на турнирах. Вот и здесь оба кондотьера в парадных головных уборах. Конечно же, никто в таких шляпах не выходил на поле боя, но так художник выделяет победителей, зато лицо побежденного Бернардино делла Карда скрыто под забралом шлема.

Все три панели висели в одном помещении, под арками, перелива-

ясь серебром и золотом (Уччелло мастерски использовал золотую и серебряную фольгу, делая блестящие накладки на изображение) и поражая зрителей красотой форм и цвета, мощью, энергией и, конечно же, объемом и глубиной, достигнутой с помощью законов перспективы. Уччелло прекрасно понимал возможности, которые давала художникам перспектива. Его же она просто завораживала. Недаром Вазари начинает биографию Уччелло так: *«Уччелло посвятил перспективе большую часть своей жизни, и если бы он не потратил на эти изыскания столько времени, то смог бы*

стать самым знаменитым живописцем со времен Джотто», а в XIX веке Джон Рескин писал: «Уччелло потерял голову от своей любви к персептиве».

Но именно перспектива позволила Уччелло создать настоящий шедевр — «Битву при Сан-Романо». Каждая деталь этой композиции, от лежащих на земле сломанных копий до фигур сражающихся солдат, написана в соответствии с ее законами. И мы видим, как хаос битвы у нас на глазах превращается в безупречно точный, математически выверенный узор.

Неудивительно, что заказчик триптиха был в восторге и с гордостью

демонстрировал творение Уччелло гостям своего дома.

В 1452 году Уччелло женился на девятнадцатилетней Томассе ди Бенедетто Малифичи, подарившей художнику двух детей — сына Донато, который появился на свет через год после свадьбы, и дочь Антонию, родившуюся спустя три года. (Антония, ставшая монахиней-кармелиткой, видно, унаследовала талант от отца, о ней писали как о замечательной художнице, но, к сожалению, работы ее не сохранились.)

Уччелло не испытывал недостатка в заказах, и по-прежнему его

*Фреска
«Памятник
кондотьеру Джованни
Акуто», созданная
Паоло Уччелло*

больше всего увлекала перспектива. Томасса часто вспоминала, как Паоло ночи напролет изучал в своей мастерской принципы перспективы. Он казался одержимым какой-то идеей, и, когда она в беспокойстве окликала его, долго смотрел на нее с отрешенным видом, а затем, придя в себя, восторженно восклицал: «О! Какая же сладостная наука — эта перспектива!» Но изучение перспективы довело художника почти до помешательства, сделало его одино-

ким, чудаковатым стариком. Правда, это скорее всего миф, как и миф о его бедности. В 1474 году Уччелло заявил в декларации о налогах, что у него на руках тяжело больная жена, и он очень беден, живет, можно сказать, в нищете. На самом деле это было совсем не так, вероятно, жена его и болела, но в деньгах прославленный художник не нуждался, а его слова были лишь попыткой уклониться от налогов (типичное для тогдашних флорентинцев стремление).

Замечательный итальянский художник Паоло Уччелло умер во Флоренции 10 февраля 1475 года. Похоронили его в семейном склепе в церкви Санта Спирито.

Вскоре покинул сей бранный мир и счастливый обладатель «Битвы при Романо». Его наследники, сыновья Андреа и Домиано, перевезли триптих в свой загородный дом. И вот тут за «Битвой...» началась охота. Дело в том, что герцог Медичи, Лоренцо Великолепный, блистательный правитель Флоренции, возжелал завладеть драгоценными панелями. Андреа служил у Медичи, а потому не посмел отказать сиятельному патрону, однако Домиано не желал расстаться с «Битвой...» Медичи все же удалось спрятать доски в своем доме. И вот однажды, придя в комнату, где они хранились, Домиано их не увидел, и это был для него страшный удар — творение Уччелло похищено! А вскоре оно обнаружилось, конечно же, во дворце Медичи! Теперь триптих украшал герцогскую спальню. Домиано решил судиться с Лоренцо Великолепным, но, понятное дело, быстро раздумал. Тут нужно было выбирать — или «Битва...», наследство отца, или спокойная жизнь..

Прошли годы, слава Уччелло померкла, и уже мало кто помнил, что за битва изображена на его триптихе. В 1783 году он перешел в собственность города, а потом центральная панель осталась в Уффици, а две другие покинули Флоренцию: одна панель попала в 1855 году в Лондонскую на-

циональную галерею, а другая — в 1863 году в Лувр. В Лондоне и в Париже панели не произвели большого впечатления — ну, действительно, странные лошади, неживые воины, и вообще, вся композиция довольно тяжеловесна. В те времена картины художников Раннего Возрождения не считались чем-то ценным, и об Уччелло и его «Битве...» забыли. Но прошли годы, человечество познало весь ужас мировых войн, и творение Уччелло неожиданно приобрело новый смысл и новое значение. Его темы и образы вошли в полотна художников XX века. Так, в «Гернике» Пикассо и в батальных картинах других художников нашего времени снова появились животные Уччелло, страшные разломы форм, дикие оскалы ужаса... Сегодня части грандиозного триптиха Уччелло находятся в разных музеях. Их нельзя соединить даже на время — при перевозке можно повредить панели, и только с помощью воображения можно представить, как они когда-то висели рядом, создавая целостную картину боя.

В картине Уччелло нет религиозного экстаза, нет страсти и любви. Только схватка сильных и отважных воинов, великолепный танец смерти, ждущей своей следующей жертвы. И за всем этим — восторг художника, сумевшего подчинить себе цвет, свет и пространство, сумевшего превратить хаос кровавой бойни в изображение — прекрасное, математически выверенное и эстетически совершенное. □

ИСТОРИЯ

Деньги — неотъемлемая часть нашего бытия, не только надежно обосновавшаяся в наших кошельках, но и основательно закрепившаяся в нашем сознании. Испокон веков они являлись символом богатства и власти. Решали социальные, культурные и политические вопросы, оказывали огромное влияние на развитие общества, к сожалению,

Картинная галерея под открытым небом

Если заглянуть в далекое прошлое Земли, можно убедиться, что Сахара не всегда являлась той безжизненной пу-

стыней, какой представляется нам сегодня. Кстати слово «Сахара» означает «пустыни» (именно множественное

БАШКОТО

не всегда положительное. Люди и сегодня продолжают гибнуть «за металл»...

Однако деньги это не только средство платежа, призванное облегчить процесс купли-продажи, это, как ни странно, сокровищница неисчерпаемых знаний

число!). Во время последнего ледникового периода, когда территория современной Европы была закована в панцирь из снега и льда, в Сахаре росли леса и зеленели обширные саванны. Их

населяли слоны и носороги, жирафы и бесчисленные стада антилоп. Наши далекие предки сохранили для нас бесспорные тому доказательства. Это наскальные рисунки Тассили, изобража-

ющие животных, обитавших в Сахаре в древности.

Тассилин-Аджер — гигантское плато (до 800 м в высоту) на юго-востоке Алжира с общей площадью в 80 тыс. кв. км. С языка туарегов слово «Тассили» переводится как «речное плато». Хотя рек там и в помине нет. А все дело в удивительных каньонах, вырытых спускавшимися с гор водными потоками. Фрагменты этого фантастического пейзажа можно наблюдать на банкноте Алжира в 1000 динаров 1998 года.

ков, в задачи которых входило как можно точнее передать изображения, оставленные древними. И исследователи великолепно справились с поставленными задачами.

1000 динаров, оборотная сторона

Алжир — 1000 динаров 1998 г.

«Наш путь лежит среди высоких колонн, напоминающих руины громадного средневекового города с обезглавленными башнями, церковными шпилями, папертями соборов, химерами, диковинными архитектурными ансамблями...». Так описывал свои впечатления от увиденного один из первых исследователей Тассили француз Анри Лот.

Его экспедиция в начале 50-х гг. XX века состояла в основном из художни-

Они успели скопировать и перерисовать более 10 тысяч наскальных изображений, самые ранние из которых датируются 8 тыс. лет до н.э.

Схожие мотивы украсили и однодолларовую купюру Австралии. На старательно выведенных аборигенами материка наскальных «картинах» можно без труда различить сцены охоты, силуэты людей и зверей, в том числе и таких экзотических, как австралийский варан и кенгуру.

Австралия —
1 доллар

Небесные девы Сигирии

Наскальными «картинами», правда, несколько иного плана, украшены и некоторые банкноты ост-ровного государства Шри-Ланка. Это фрагменты фресок из Сигирии, изображающие, вероятнее всего, так называемых небесных танцовщиц апсар. Апсары, или апсарасы — полубожества древнеиндийской мифологии. В мифах небесным девам приписывали магические силы. Они проживали во дворце бога Индры и ублажали его гостей танцами.

По другой версии — это богини молний и дождя. Впрочем, вполне может стать, что неизвестный художник запечатлел и какую-то бытовую сцену. Например, купающихся в озере придворных красавиц или наложниц из гарема правителя.

Фрески Сигирии были созданы во времена правления царя Кассапы (478–495). Первоначально их было около 500, и покрывали они площадь в 40 х140 м. Но на сегодняшний день сохранились ри-

сунки только 21 молодой женщины. При этом они разбиты по парам: одна девушка светлокожая, другая — темнокожая. Выполненные в натуральную величину фигуры небесных танцовщиц ниже пояса окутаны как бы облаками тумана.

После гибели Кассапы на месте его крепости был основан монастырь, и в нем поселились монахи. Изображения обнаженной

Шри-Ланка —
2000 рупий 2005 г.

*Цейлон —
100 рупий 1963 г.*

женской груди мешали им медитировать, что неминуемо повлекло за собой пусть частичное, но намеренное

уничтожение единственного примера светской живописи средневековой Шри-Ланки.

Страсти вокруг древней красавицы

Единственное на сегодняшний день банкнотное изображение знаменитого бюста египетской царицы Нефертити — это скромный рисунок с банкноты (вышедший из обращения денежный знак) в 5 пиастров Египта 2002 года.

Кстати, оно не совсем точное! Художник передал только повреждение ушной раковины у левого уха, но явно «смалодушничал» с глазом... У оригинала левая глазница пустая.

Открытием этого замечательного произведения древнеегипетского искусства мы обязаны немецкому археологу Людвигу Борхардту (1863–1938). По официальной версии, Борхардт наткнулся на раскрашенный бюст из песчаника в мастерской древнего скульптора Тутмеса 6 декабря 1912 года. С этого момента в истории знаменитой 47-сантиметровой скульптуры сплошные белые пятна. В не-

Египет — 5 пиастров 2002 г.

которых источниках утверждается, что бюст был официально передан Германии Египтом (не совсем ясно тогда, почему родина фараонов до сих пор требует вернуть реликвию). По другой версии, Нефертити была тайно вывезена из страны. Говорят, к этой скульптуре был не равнодушен и Гитлер. Он будто бы распорядился изготовить точную ее копию, а оригинал спрятать в одном из своих многочисленных тайников.

Интересно, что специалисты и сегодня не в силах определить точный возраст прекрасной царицы. С 13 августа 2005

года знаменитая «невольница» экспонируется в старом здании Музея древностей в Берлине.

Александрова мозаика

На оборотной стороне греческой купюры в 1000 драхм 1956 года запечатлен фрагмент удивительного произведения искусства, которому более 2000 лет.

Греция — 1000 драхм 1956 г.

Это так называемая Александрова мозаика — самая известная из доставшихся нам по наследству от античных времен. Она была обнаружена 24 октября 1831 года в разрушенных землетрясением Помпеях, в развалинах помещения, которое археологи окрестили домом Фавна. И с тех пор не сходит со страниц научных книг и школьных учебников. Размеры набранного из крохотных цветных кубиков (полтора миллионов штук) художественного «полотна» впечатляют — 313х582 см. Можно лишь догадываться, сколько времени затратили античные мастера (около 200 г. до н.э.), чтобы выложить напольную картину общей площадью в 15 кв. м.

На мозаике запечатлено вооруженное столкновение войск Александра Македон-

ского и царя персов Дария III. Историки и искусствоведы сходятся во мнении, что это одно из первых в мире произведений, которое изображает действительное историческое событие. Вот только какое именно? Битву при Иссе в 333 г. до н.э. или при Гавгамеле двумя годами позже? Теперь это уже вряд ли удастся узнать наверняка. Принято считать, что попавшая в руки археологов мозаика всего лишь античная копия, а оригинал утерян навсегда.

Доспех на груди Александра украшен горгонейоном — изображением головы горгоны Медузы, призванным отпугивать врагов. С 1843 года мозаика хранится в Национальном археологическом музее Неаполя, а в доме Фавна выставлена искусная копия. Чтобы у посетителей была возможность лучше рассмотреть картину, ее поместили на стену.

Античные мозаики на деньгах мира не редкость. Один Тунис украсил их сюжетами несколько банкнот. В том числе и представленный здесь динар 1965 года.

Тунис — 1 динар 1965 г.

Загадки Прокаженного Короля

В 1850 году французский миссионер Шарль Эмиль Буйво в непроходимых джунглях северо-западной Камбоджи наткнулся на гигантские развалины древнего города Ангкор Тхом (Большой город). Местные жители объяснили европейцу, что это останки королевского дворца.

Культовое сооружение, с 1863 г. украшающее и герб Камбоджи, было возведено в XI веке царем Сурьяварманом II (1112–1152) и посвящалось индуистскому богу Вишну. Существует мнение, что его центральная башня, символизовавшая мифический центр мира, играла роль царской усыпальницы.

Камбоджа — 20 000 риелей 2008 г.

Постройки Ангкора носят оригинальные имена. Например, Священный меч (Храм Пре-Кхан) или Священный бык (Храм Пре-Ко). А вот с террасой Прокаженного Короля связана одна до сих пор неразгаданная тайна. В прошлом она, вероятно, служила местом кремации царственных останков. Свое экстравагантное прозвище терраса получила по установленной на ее широкой платформе статуе. В настоящий момент постамент занимает копия, а древний оригинал хранится в Национальном музее Пномпеня. Скульптуру

Прокаженного Короля можно увидеть и на бумажных деньгах. Ее банкнотное изображение можно найти на пиастрах Французского Индокитая середины прошлого века.

*Французский Индокитай —
20 пиастров 1942–1945 гг.*

Кто именно из правителей Ангкора являлся «прокаженным» королем, неизвестно. Его имя затерялось в архивах истории, а может быть, и вполне намеренно было вычеркнуто оттуда. Не нашла исторической (документальной) «поддержки» и смелая версия о том, что им мог быть король Джаявармана VII (1181–1219), который, якобы, умер от проказы. Впрочем, она могла изображать и кхмерского бога богатства и достатка Каберу. В некоторых легендах упоминается, что он тоже был прокаженным. Но, вероятнее всего, миф о Прокаженном Короле возник в результате неверной интерпретации скульптурного изображения, что и привело к конфузной ошибке... Дело в том, что поверхность скульптуры (оригинала) в области лица, шеи и груди серьезно повреждена лишайником, поэтому при созерцании древней реликвии создается впечат-

ление, что ее прототип имел какие-то физические недостатки. Или страдал от проказы — в прошлом весьма распро-

страненного заболевания, которое не видело различия между простыми смертными и их венценосными владыками.

Жемчужина Востока

Площадь Регистана в Самарканде не всегда была такой, какой запечатлена на узбекской боне в 50 сумов 1994 г.

Узбекистан — 50 сумов 1994 г.

Еще во времена Тимура она служила тем местом, где провозглашались новые законы и вершились казни. Тогда она еще не была выложена аккуратными плитами и облагорожена фонтанами. Под ногами самаркандцев скрипел обычный песок. Кстати, Регистан и переводится как «песчаное место». Во времена Тамерлана на площади стояли и совершенно другие

здания. Первое из трех известных нам сегодня было возведено уже после его смерти. Это медресе Улугбека — на рисунке крайнее слева строение. Возводили его при внуке Тимура — великом амире и ученом Улугбеке в первой четверти XV в. Прямо напротив расположился знаменитый на весь мир портал медресе Шир-Дор, название которого переводится как «Обитель львов». Знаменитым Шир-Дор стал благодаря оригинальному оформлению своего фасада. Причудливая мозаика — два полосатых хищника (тигр-львы) на фоне цветочного орнамента — выложена глазурованным кирпичом. В Средние века эти мифические существа должны были символизировать солнце. Занимательно, что ничего подобного больше нигде в Средней Азии найдено не было. Эффектное изображение тигр-львов с медресе Шир-Дор украсило узбекскую купюру в 200 сумов 1997 года.

*Узбекистан —
200 сумов
1997 г.*

Гении Высокого Возрождения

Было бы ошибочным полагать, что художники и граверы, работавшие над созданием банкнотных изображений, были о величайших из художников. О Леонардо да Винчи, Рафаэле, Микеланджело... Ни в коем случае! Все эти гении Ренессанса давным-давно заняли почетные места на бумажных денежных знаках своей родины. Первым этой чести удостоился автор знаменитых скульптур «Давид» (1501–1504) и «Моисей» (1515) — Микеланджело Буонарроти (1475–1564). Его портрет (1535) кисти Марчелло Венусти, украсил лицевую сторону 10 000 лир 1966 года.

Сегодня трудно найти образованного человека, который бы не знал имен великих мастеров эпохи Возрождения. Когда называется имя итальянского скульптора,

Италия — 10 000 лир 1966 г.

живописца, архитектора и мыслителя Микеланджело Буонарроти, воображение сразу рисует роскошные хоромы отцов католической церкви в Ватикане, расписанные рукой этого мастера. Помимо росписей потолков Сикстинской капеллы (1508–1512) Микеланджело создавал скульптуры (статуя Давида во Флоренции до сих пор счита-

ется эталоном красоты мужского тела), украшал папские гробницы и проектировал божьи храмы. Например, эскизы купола Ватиканского собора (собор Святого Петра) тоже дело его рук.

Следующим на итальянских банкнотах появился великий Леонардо да Винчи (1452–1519).

Именно этого человека, чей автопортрет смотрит с купюры номиналом в 50 000

Италия — 50 000 лир 1967–1974 гг.

лир 1967–74 гг., принято считать основателем искусства Высокого Возрождения.

В Леонардо прекрасно уживались талантливый художник и график, даровитый ученый и естествоиспытатель. Не зря современники называли его «универсальным человеком». За что бы он ни брался, все в его искусных руках превращалось в шедевр. Но, наверное, самым знаменитым его детищем была и остается хранящаяся в Лувре «Мона Лиза».

А вот банкноту с самым крупным номиналом, когда-либо выпускавшуюся Банком Италии, занял портрет (автопортрет) непревзойденного итальянского живописца Рафаэля Санти (1483–1520). Это купюра в 500 000 лир 1997 года.

*Италия —
500 000 лир
1997 г.*

*500 000 лир
1997 г.,
оборотная
сторона*

Один из «титолов», придуманных ему благодарными потомками, звучит так — Самый выдающийся рисовальщик всех времен! Обратная сторона той же банкноты отдана под репродукцию одной знаменитой работы Рафаэля. Нет, не «Сикстинской мадонны» (1513)! Эта картина (фреска) носит название «Афинская школа» и посвящена величию человеческого разума. Художнику удалось продемонстрировать не только преемственность поколений, но и целую плеяду умнейших и талантливейших представителей нашей цивилизации. В центре фрески, под высоким сводом, мило беседуя друг с другом, прогуливаются Аристотель и Леонардо

да Винчи (в образе Платона). А на широких ступенях, у их ног, развалился Диоген. Ближе к созерцателю (тоже на ступенях) Рафаэль изобразил Гераклита, придав ему черты Микеланджело. Есть на фреске и Сократ, и Эпикур, Александр Македонский и, наконец, сам Рафаэль Санти. Однако на фрагменте с банкноты их не увидеть.

Кроме мастеров Ренессанса на итальянских деньгах имеются портреты художника Тициана (20 000 лир 1975 г.) и замечательного скульптора Бернини (50 000 лир 1984 г), автопортрет тезки великого Микеланджело и не менее значительного живописца Караваджо (1573–1610).

Италия — 100 000 лир 1994 г.

Художник, оказавший решающее влияние на развитие неаполитанской школы живописи, показан на фоне собственной картины «Гадалка» (1596,

100 000 лир, оборотная сторона

Лувр). На обороте — натюрморт «Корзина с фруктами» (1597), оригинал которого находится в пинакотеке (хранилище картин) Милана.

Шедевры французских мастеров

Интересно, что большая часть картин, изображенных на европейских банкнотах, выставлена в музеях Парижа. Например, полотно французского живописца Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ» (1830), больше известное как «Свобода на баррикадах», можно увидеть в Лувре. Картина эта сразу же привлекает к себе внимание посетителей выставки. И не столько своими внушительными размерами (260х325 см), сколько величи-

ем и символизмом. Судьба у этой картины не заурядная. Писалась она всего три месяца и была куплена Министерством внутренних дел Франции на первой же выставке в мае 1831 года. Правда, затем, на протяжении 25 лет, она хранилась то в заказниках министерства, то снова под опекой автора, и нигде не выставлялась. И только во второй половине XIX века окончательно попала в Лувр. Центральную сцену с картины можно

Франция —
100 франков
1978–1994 гг.

увидеть на 100 французских франках 1978–1994 гг.

Там же и автопортрет Делакруа. Несмотря на то, что художник сам не принимал участия в революционных действиях, именно июльская революция 1830 года, положившая конец режиму Реставрации монархии Бурбонов, сподвигла его на создание «Свободы, ведущей народ». По сей день в кругах искусствоведов не затихают споры, кто же «позировал» мастеру при работе над типажом обнаженной революционерки в фригийском колпаке... Кстати, одной из претенденток на роль модели выступает античная статуя Венеры Милосской, обнаруженная археологами незадолго до начала работы Делакруа над картиной.

Еще одним экспонатом Лувра, позаимствованным для оформления национальной валюты Французской Республики,

стал незаконченный портрет Наполеона Бонапарта (1798), выполненный с натуры Жаком Луи Давидом. Этот замечательный и очень натуральный рисунок лег в основу сюжета 100 франков 1960 г.

Давид не успевал закончить портрет молодого полководца. Наполеон позировал ему всего три часа. Понимая, что другого такого случая может просто не быть, художник ограничился лишь прорисовкой головы и верха синего генеральского мундира с розово-красным отворотом воротника, остальное лишь пометил контуром. После того как Наполеон покинул его мастерскую, Давид вышел к ученикам и еще долго восхищался выразительным, энергичным обликом будущего монарха. Художник увидел в нем столько мужества, решимости, что не преминул сказать: «У него прекрасная голова! Это чисто, возвышенно, прекрасно, как античность!»

Франция —
100 франков
1960 г.

Как видите, деньги, помимо своей основной функции, выполняют не менее важную — это потрясающая галерея произведений искусства всех времен и народов, доступ к которой открыт любому любознательному человеку. А подробнее прочитать об этом можно в книге «Тайны банкнот. Легенды и факты», посвященной удивительным изображениям на банкнотах мира и украшенной пятьюстами иллюстрациями редких купюр. Рольфа Майзингера, вернее, его книги на темы коллекционирования, путешествий и мистических феноменов, хорошо знают в Германии, Швейцарии, Австрии, Израиле, США, Канаде и, конечно, в России и странах СНГ. □

Татьяна Харламова

ДОРОГАЯ СЕРДЦУ

Новый год — это праздничная суета, бой курантов, звон бокалов, наполненных шампанским. Праздник, пахнущий мандаринами и хвоей, расцвеченный яркими игрушками, гирляндами, мишурой, о происхождении которых нам напоминает выставка «Дед Мороз», ежегодно проводимая на ВВЦ. Здесь можно увидеть старинные елочные украшения, детские игрушки, даже открытки, оставшиеся от наших бабушек и прабабушек. Все это — живая история, которую помогают сохранить выставленные в экспозиции фамильные реликвии

МИШУРА...

В России впервые елки появились в XIX веке на крышах и заборах питейных заведений — в качестве украшений. Украшать елки игрушками стали в 1860-1870 годах (в подражание европейской моде). Их заказывали в Европе. Уже тогда елочные игрушки делились на те, что были предназначены для состоятельных людей, и для тех, кто победнее. Купить игрушку из стекла для жителя России конца XIX века было то же самое, что современному россиянину купить автомобиль.

Первые стеклянные игрушки на территории СССР начали делать

только к началу XX-го века, в период Первой мировой войны, в Клину. Клинская фабрика «Елочка» до сих пор остается единственной в России фабрикой, изготавливающей стеклянные бусы для елок.

Помимо стекла, игрушки делали и из картона. В дореволюционной России был популярен «дрезденский картонаж» — игрушки, склеенные из двух половинок выпуклого тонированного картона. На елки вешали и красивых куколок с бумажными лицами, приклеенными к «телу» из ткани, кружев, бумаги, бисера. Потом появились фарфоровые личики. Бы-

ли игрушки и из ваты, накрученной на проволочный каркас. Так оформляли фигурки ангелочков, клоунов, моряков. На елках развешивали бутафорские фрукты из папье-маше, бархата. На верхушке закрепляли Вифлеемскую звезду, шестиконечную, в отличие от советской. А традиция увенчивать елку украшением в форме пики связана не с формой ледяных сосулек, а военных касок времен кайзеровской Германии: пикообразные верхушки для елок начали делать именно там.

Новогодние елки, и тем более празднование Рождества, в СССР были под запретом с 1925 по 1935 год. Это считалось религиозным культом.

Писательница Лидия Либединая в своей книге «Зеленая лампа» рассказывает, что в начале двадцатых елку приходилось прятать за занавеской. А когда она заболела и не явилась в школу на Рождество, ее попытались исключить из октябрят. Сколько было переживаний!

В 1935 году празднование Нового года в России было возобновлено. Но все здорово изменилось — он

стал советским праздником. Соответственно, другими стали и новогодние игрушки. Вместо ангелочков появились фигурки пионеров, красноармейцев из папье-маше или картона, шары со звездами. Эра воздухоплавания отразилась на елках игрушками — дирижаблями с надписью «СССР», самолетиками, парашютистами.

В конце тридцатых на елках появились фигурки танков, сталинских броневиков. И в то же время — герои детских книжек: Иван Царевич, Руслан и Людмила, Красная Шапочка, Доктор Айболит. С выходом на экраны фильма «Цирк» стали популярными фигурки на цирковую тематику. Освоение Севера было отмечено фигурками полярников.

В 60-е, с приходом моды на минимализм и авангардизм, все предельно упростилось. И новогодние елки стали другими, более простыми и скучными.

Но, конечно, самым главным символом Нового года всегда был Дед Мороз.

На выставке представлено множество самых разных Дедов Морозов. Интересно, что со временем его образ сильно изменился. Поначалу это был такой вредный Дед-Трескун, а потом у него постепенно появились добрые черты, большая борода. Например, Дед Мороз с маленьким заплечным мешком, как у демобилизованного солдата, — один из самых старых Дедов в коллекции

выставки, настоящая ручная работа. Уже после него появились голубые тулупы, большие мешки. А примерно в семидесятые годы, когда стали устраивать масштабные детские праздники, возникли официальные циркуляры, предписывавшие, каким быть Деду Морозу и подаркам. Самодеятельность не одобрялась — только красные кафтаны и колпаки, подарки — всем одинаковые. То есть, у Деда Мороза появилась официальная форма.

Большинство Дедов Морозов, представленных в выставочной экспозиции, сделаны вручную, по определенным лекалам. В основном этим занимались артели инвалидов, так как на фабриках игрушки из папье-маше и ваты не изготавливали. Домашних «Дедушек» очень берегли, если вытирались варежки или рвался тулуп, ставили заплатки. Самый эффектный Дед Мороз пришел из 1954 года. Он сделан полностью

из папье-маше, у него роскошный, красиво расшитый тулуп, необычное выражение лица. Над этой куклой работал явно неплохой художник.

В семидесятые годы появились, наконец, фабричные Деда Морозы из пластмассы. Но они уже не излучали такого тепла, как старенькие дедушки в ватных тулупах. А вот ватных Снегурочек в домашних собраниях, к сожалению, практически не сохранилось.

Некоторые из кукол и плюшевых мишек, которые обычно встречали Новый год веселой компанией под елкой, просто уникальны — им более ста лет. Одна из самых старых

и ценных игрушек на выставке — деревянные фигурки собачки и мужика, подаренные Василием Ивановичем Качаловым маленькому мальчику Егорке. Его мама Ольга Шпец работала в театре кукол Образцова. И не просто работала, а участвовала в становлении этого театра. Не удивительно, что именно эта семья, в которой существовал и существует своеобразный культ игрушки, предоставила наибольшее количество своих реликвий...

Промышленная же традиция изготовления новогодних украшений достаточно консервативна. Прообраз современных блестящих шаров

и шишек — натуральные яблоки и шишки, растущие на дереве. Сначала елки так и украшались, потом их заменили ватные фрукты и пряники, а теперь вместо них появились пластмассовые и стеклянные шары, современные «баунти», «чоко-пай», шоколадные зверюшки...

Живую елку на выставке украшают сами ребята, здесь работают «мастерские Деда Мороза». На пушистых ветках каждый день появляются новые самоделки из бумаги, пластилина. Полный простор для фантазии!..

Сначала организаторы выставки хотели показать просто старые

игрушки — у кого что сохранилось в семьях, помочь вспомнить детство, семейные традиции. Но когда увидели, как публика на них реагирует, то поняли, что выставка имеет гораздо более глубокий смысл, чем просто показ новогодних украшений. Удалось зацепить душу, заставить волноваться, вспоминать, удивляться и радоваться.

Может быть, вернувшись с этой выставки домой, чьи-нибудь бабушки и дедушки достанут из старых коробок елочные украшения, и в доме сразу повеет чем-то давно забытым, добрым и волнующе-волшебным... □

Андрей Шацков

В ТОМ ДОМЕ

По дому, где гуляют сквозняки,
Где брошен якорь верности
и долга,
Опять брожу без цели и без толка,
В предчувствии рождения строки...

Стучал октябрь мокрою листвою,
Бросал декабрь белый снег
горстями —
В окно, что заигалось в старой
раме
Под самой крышей, в сутемь,
над Москвой.

Под тем окном кормили голубей.
И на прохожих лаяли собаки.
Случались свадьбы, похороны,
драки...
А ты была — отрадою моей!

И дом, кренясь от ветра, уплывал
Черпая лужи стенами-бортами.
И рифмы засыхали — там, в гортани.
И я тебя по шагу узнавал

Когда в нарядном платье, налегке,
Ты по весенней лестнице взбегала.
И лампочка горела в полнакала,
И золотилась пыль на каблуке

Французских туфель — тех, что до утра
Лежат на пестром коврике в передней.
Моей надеждой, верю последней.
Что наша жизнь печальна, но добра.

Что наши дни тревожны, но легки.
А ночи на двоих не так уж долги.
И брошен якорь верности и долга
В том доме, где гуляют сквозняки!

В ДРУГОМ ИЗМЕРЕНЬЕ

В другом измеренье живу.
Твое невниманье прощаю.
Тебя погостить не зову,
А только позвать обещаю.

Здесь долог рассвет поутру,
И сумерки вечера — длинны...
Я вереск в лесу собираю.
И алые гроздья калины.

И чтоб не застала зима,
И чтоб не просилась ночлегом,
Цветов полевых бахрома
В дверном косяке — оберегом

Повиснет, спасая мой дом,
Мой быт — в одиноком запое.

А берег покроется льдом...
Но нам не пристало с тобою

Грустить о потерянных днях,
О счастья пропавших минутах...
Вдруг дверь заскрипела в сенях,
И вспомнилась ты почему-то.

И уши торчком — волкодав
Поставил, в безмолвном вопросе.
И лег на пороге, устав.
Как лето, почившее в бозе.

А маятник — там, на стене
Намерен стучать до рассвета.
И счастья не хватит вполне
На каждого, в жизни, поэта

РАЗМЫШЛЕНИЕ О РУССКОМ СЛОВЕ

Убегут тараканы за теплую печь,
И кузнечик закончит звенеть бестолково...
Мы остались вдвоем, я — и русская речь,
Заповедное, Богом дареное слово.

Как его уберечь? Как его удержать?
Чем его прикормить, может хлебом с ладони?
То оно неухватней речного ерша,
То оно норовистей, чем дикие кони.

И ломая порядок одических строк,
Поменяв на классический ямб — амфибрахий,
Снова слово бушует, как вешний поток,
И поэты рифмуют в надежде и страхе

Перед этой неистовой силой словес,
После коих, как очередь — дробь многоточья.

И молитвы слова достают до небес,
И проклятий слова в пепелящую порчу

Превращаются... Но — размахнись от плеча
И в баталии слов, именуемой спором,
Заповедною рифмой, как сталью меча.
Положи окончанье пустым разговорам!..

Как светла эта ночь. Как темна ее тень.
Как кружат в притяженье луны козодои,
Как горчит на кострах поздней осени тлен:
Знаем слово и я. Только мы. Только двое.

И не надо другого. В другом не найду,
Что зовется в романах «любовью большою»...
Жить со словом упавшим на душу в ладу —
Значит, жить с озаренной любовью душою!

АВГУСТ 2011

У нас под Рузой верески цветут
И птичья молодежь бороздит округу
Привет июль, ты долго правил тут
Ну что же август, протяни мне руку!

Здорово, сам! Так в юности моей
Мы повстречав, приветствовал
друга.

Я помню, август, все из теплых
дней,
Которые потом взяла разлука

С собою, в неожиданный отъезд,
В полупустой последней
электричке.

От этих губ и глаз, от этих мест,
Где задержалась память
по привычке

Среди берез и рыжих тополей,
Средь узких улиц от пруда к закату.

Здорово, август! В юности моей
Плечом к плечу бродили мы
когда-то

В прекраснейшем из созданных
миров,
На день шестой, по мановенью
Божью...

Качались гроздья золотых шаров,
И осыпалось поле спелой рожью.

И я, сквозь бересклет и краснотал.
На стареньком своем велосипеде.
На жесткой раме девочку катал
За речкой, чтоб не видели
соседи.

И это не отпустит никогда.
И это не прибудет, не убудет...

Ночное небо, первая звезда,
Воспомяненье о минувшем чуде!

Тяжелых дум в преддверии зимы,
Уже наславшей лету злые кары:
И бесов легион, и стаи тьмы,
И первоснежья призрачные хмары.

К обедне снег растает и земля —
В постыдной наготе предстанет снова.
И медью зазвенят, не веселя,
Колокола Великого Покрова.

Как Судный день — бестрепетно суров
По Новому и Ветхому заветам,
Ты наступил, октябрьский Покров,
Предзимье предварив по всем приметам.

За смертный грех Уныния — прости,
И затвориться дай, в безмолвной келье...
Играют свадьбы где-то на Руси,
Но что мне на чужом пиру похмелье.

Когда в душе сомненья и разлад,
Верши молитвы праведное слово.
И станет звездопадом — снегопад
В урочный день российского Покрова!

ЯУЗСКАЯ АЛЛЕЯ

Что — Яуза? Узкий и темный проток
В черте городского бедлама.
Но в жизни не будет заветнее

строк:

Поэт и Прекрасная Дама

В процветшем июне влюблено
брели

По Яузской долгой аллее,
Стопой не касаясь постылой
земли —

Над поймой речною летели.

Зеленый смыкался вокруг коридор,
И солнце — не падало долу...

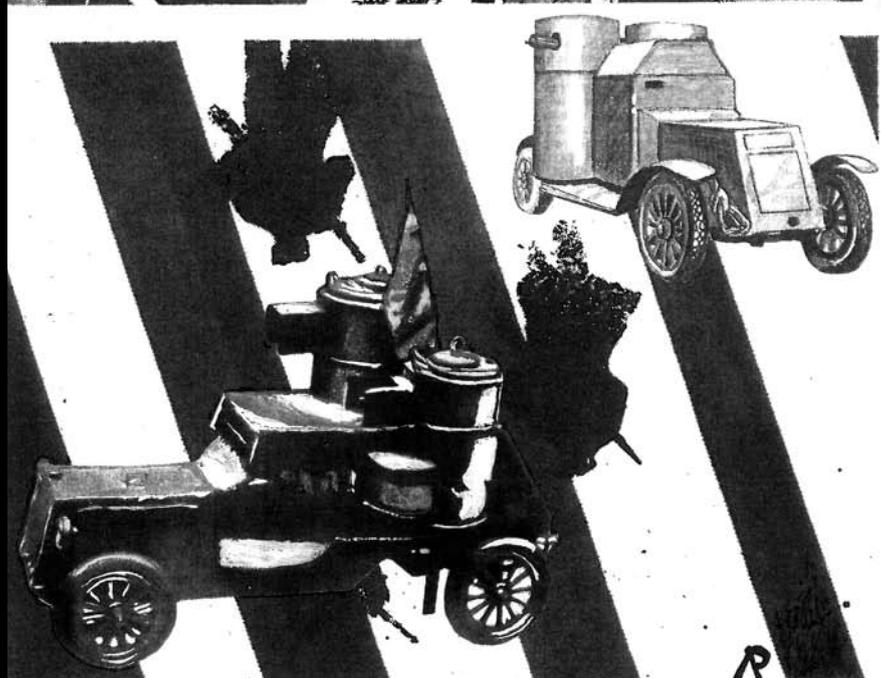
Я помню до слова былой разговор,
И верен последнему слову!

Поэты, известно, сейчас не в чести.
Их слог — романтически пылок...
Вот так бы за счастьем брести
и брести,
Но осень задышит в затылок,

И хлынет на землю губительный
дождь...

Лишь вспомню, бессонницей маясь,
Как ты все идешь, где-то рядом
идешь

К плечу моему прижимаясь! □

Несколько страничек из школьной, еще советской тетрадки удивили меня не столько уникальностью описанных событий (сколько их таких в нашей истории), а тем, как и ради чего, рискуя жизнью, люди сохранили для своих потомков маленькую крупицу истории Гражданской войны на Кубани? Именно поэтому я оставил без изменений и редактуры текст, аккуратно записанный в тетрадку пожилым человеком со слов отца, который пятнадцать лет назад рассказал ему перед смертью эту историю

Стрекоза и Муравей

Владимир Бочаров

В августе 1918 года красные, после упорных боев, оставили Екатеринодар, уступив его разъездам конной сотни, вслед за которыми в город начали стягиваться основные части белой армии. Самое время было подсчитать потери, пополнить запасы продовольствия и боеприпасов. Саперные части и хозяйственный взвод разъезжали по городу на телегах, собирая амуницию, боеприпасы, инструменты и прочий скарб, брошенный красными.

По конюшне, подбирая хомуты и ремни лошадиных упряжек, бродили подпоручик Жемнов и прапорщик Сомов. В темном углу что-то блеснуло металлом, и прапорщик Сомов удивленно воскликнул:

— А это что за зверь? Отродясь такого не видел!

— Эка невидаль, не удивляйся, это всего-навсего бронемашины. Видно, горячее кон-

чилось, или сломались, вот красные их и бросили. Надо передать это добро в хозяйство Чететкина, а то у него одно название — автомобильная рота, а на деле всего три велосипеда, — усмехнулся Жемнов.

Еще какое-то время порывшись в конюшне, они поехали на телеге, до краев нагруженной всяким хламом, искать штаб. На городской площади увидели двухэтажный дом под зеленой крышей, перед которым группа солдат сгружала с телег ящики и коробки, перевязанные веревками.

— Сергей! Тормози! Похоже, это то, что нам нужно, — спрыгивая на ходу, крикнул Жемнов.

— Тпру, приехали, — натягивая вожжи, пробубнил Сомов и, остановившись, закурил в ожидании приятеля.

Узнав у дежурного офицера, что автомобильная рота расположилась на соседней улице, Жемнов снова запрыгнул в телегу.

— Гони! А то мы с тобой до утра будем Чететкина разыскивать, — обратился он к Сомову.

Искать пришлось недолго. Они сразу заметили неказистый деревянный домишко за полуразрушенным забором, к стене которого сиротливо прислонились три велосипеда. Во дворе никого не было, а из открытого окна доносились негромкие голоса.

Жемнов открыл дверь, снял фуражку, перекрестился на образа и подошел к столу, за которым несколько офицеров молча ели похлебку. Они даже не повернули головы в сторону вошедшего. Только подпоручик Крылов лукаво улыбнулся и предложил:

— Что стоишь в дверях, подпоручик? Садись с нами щи хлебать.

— За приглашение спасибо, но от щей откажусь, меня на улице дружок дожидается. Да и у вас, понимаю, своих дел по горло. Надолго не отвлеку.

— Не тяни резину, Петр, говори быстрее, — отложив в сторону ложку, заговорил прапорщик Поляков.

— В старых конюшнях мы нашли два броневика. На ходу они или сломаны, это вам решать, я же заскочил только сообщить об этом. — Жемнов надел фуражку и, попрощавшись, вышел.

Забыв про еду, офицеры вскочили с мест:

— Не торопись! Пойдем, покажешь дорогу.

Войдя в конюшню, они подошли к машинам и остановились, будто завороченные.

— «Остин», образца 1916 года, — проговорил Иван Чететкин, вытирая ладонью пыль с дверцы броневика. Затем он тщательно обследовал обе

машины внутри — войлочная обивка не тронута, обутые в шины колеса тоже в порядке.

— Ух, вот это сила! — воскликнул подпоручик Крылов.

Автомобилисты провозились с броневиками до самого вечера. Васильев и Поляков привели четырех лошадей, запрягли их толстыми канатами к каждой машине и перевезли броневики к себе в роту, после чего, выставив у машин охрану, собрались за столом.

Рота была сформирована с самого начала Гражданской войны и состояла из пяти офицеров, но бронемашин никогда не имела, и эта находка порадовала их. Машинам решили дать имена, и тут инициатива осталась за Крыловым, предложившим назвать броневики в честь басни любимого тезки — «Стрекоза» и «Муравей».

— Я завтра буду в штабе и попрошу, чтобы к нам откомандировали прапорщика Ершова, он до войны работал инженером на Путиловском заводе, и подпоручика Орлова, он был механиком на пароходе. Хорошо бы еще одного офицера для полного комплекта, — произнес Чететкин.

— Думаю, найденные машины необходимо обновить и заправить, поэтому на поиски краски и бензина я отправлюсь вместе с Поляковым, если не будет возражений. — И Крылов вопросительно посмотрел на командира роты.

— Я — не против. Возьмите лошадей, пару металлических бочек и не забудьте нарисовать на бортах стрекозу и муравья. Да, вот еще что, Пичугин и Васильев, прикиньте, какой максимальный запас патронов к пулеметам можем взять, и как лучше разместить их в машинах. Утром еще раз повнимательнее осмотрим броневики, — приказал Чететкин. — А сейчас — всем отдыхать, ночь на дворе.

Следующим утром, на рассвете, рота была уже на ногах и, не дождав-шись самовара с чаем, занялась осмотром машин. Один броневик был полностью готов, второй требовал ремонта двигателя, замены одного пулемета и левой оторванной дверцы. Все это можно было исправить своими силами, и офицеры дружно взялись за работу.

Придя в штаб, Чететкин доложил, что в городе найдены два броневика, и с этой минуты их рота становится настоящей боевой единицей, а не велосипедной командой. В штабе пообещали незамедлительно откомандировать нужных людей и снабдить роту всем необходимым и приказали ускорить ремонт и подготовить машины к боевым действиям.

Свое обещание штабисты выполнили — вечером в роту прибыли прапорщик Ершов, подпоручик Орлов и кадет Петр Осташков.

Поляков и Крылов, обшарив город, вернулись довольные, добыв две бочки бензина и бочонок краски, которыми разжились в подвале водокачки.

Васильев с Пичугиным тоже вернулись еще засветло, привезя три пулемета, шесть коробок с пулеметной лентой, два карабина и даже артиллерийский бинокль.

Всю неделю рота трудилась от зари до зари, занимаясь покраской и ремонтом машин. Наконец работа была завершена. Броневики стояли как новенькие — они были выкрашены в темно-зеленый цвет, а на бортах белой краской написано «Стрекоза» и «Муравей». Пулеметы были в полной боевой готовности, коробки с лентами закрепили вдоль бортов, а запасные канистры с бензином пристроили под сиденьями водителей.

На следующий же день рота получила приказ: выдвинуться вдоль шоссе за город, по направлению противника, и произвести разведку.

Машины медленно катили по дороге с интервалом пятьдесят метров, наблюдатели в башнях внимательно всматривались в узкие щели. Все было спокойно, и экипажи слегка расслабились. Вдруг из-за переезда на броневики неожиданно выскочил красный разъезд. Обнажив сабли, всадники устремились на железные чудовища, но были скошены пулеметным огнем «Стрекозы». Убедившись, что в живых никого не осталось, Поляков и Крылов выбрались из машин и собрали оставшиеся у убитых карабины и патроны, а лошадей привязали веревками к «Муравью». После короткого совещания было решено, что «Муравей» с трофеями под командованием Пичугина вернется в город, а «Стрекоза» с Четкинским продолжит разведку.

Проехав примерно две версты и увидев справа от дороги небольшой хутор, «Стрекоза» остановилась. Четкин принял решение на полном ходу ворваться в хутор, а там уже действовать по обстановке, используя фактор неожиданности.

В первый момент красные растерялись от такого наглого маневра броневика — «Стрекоза» косила всех и вся из пулемета, но потом быстро развернули три тачанки и открыли огонь по машине.

«Стрекоза» сделала резкий поворот на девяносто градусов и буквально выскочила из хутора.

Личный состав экипажа не пострадал, не считая легкого ранения в руку Орлова, да царапины на лбу у Полякова. Офицеры были горды боевым крещением, и теперь бронемшины выезжали на боевое дежурство ежедневно, гоня по дорогам красные разъезды.

Но через две недели ситуация в районе Екатеринодара резко изменилась.

Красные сосредоточили крупные силы на правом крыле и с помощью прибывшего полка и двух частей дезертиров на рассвете прорвали фронт, пытаясь ворваться в город. Пока белым удавалось отбивать эти атаки, но в Екатеринодаре началась паника, у войск были уже на исходе патроны, и командование приняло решение оставить город и двигаться к реке Кубань, прикрывая обозы с ранеными и беженцами.

В полдень в штаб был вызван капитан Чететкин.

— То, что я сейчас скажу, никто, кроме личного состава, знать не должен, — начал полковник. — Вверенные вам броневики должны доставить к станции Усть-Лабинская шесть ящиков с золотом, предназначенным для наших английских союзников. Оно необходимо для закупки военной техники и боеприпасов. Вот здесь, — указал карандашом полковник на обведенный участок развернутой карты, — вас будет ждать поезд, в который вы и должны перегрузить эти ящики.

— Но... — начал было Чететкин.

— Вам что-то непонятно, господин капитан? — жестко перебил его полковник.

— Никак нет! Когда выезжать? — так же жестко спросил Чететкин.

— Выступаете через час, ящики подвезут прямо к машинам. Дорога нелегкая, самое главное — доставить золото по назначению. Еще вопросы есть?

— Вопросов нет. — Чететкин поднялся и, козырнув на прощание, вышел из штаба.

Весь состав роты был в сборе и ждал его возвращения.

— Новое задание? — спросил Крылов.

— Да, новое, — подтвердил Чететкин. — На все про все — полчаса. Поляков и Орлов, возьмите в помощь Васильева и Пичугина, бегом укомплектовывать машины, выступаем!

Через полчаса Поляков доложил командиру:

— Пулеметы укомплектованы, запасные баки залиты бензином, сухой паек на борту.

— А вот и подводы с ящиками. Все на выход! — глядя в окно, приказал Чететкин и, выйдя во двор, подошел к броневикам. — Везем золотой запас. Каждый оставшийся в живых должен до конца понимать задачу — любой ценой довести этот груз. В случае гибели командира, командование экипажами принимает на себя следующий по званию из оставшихся в живых членов экипажа.

— А прикрытие будет? — спросил Поляков.

— Мы сами себе прикрытие. О какой помощи может идти речь, когда основные части покидают город вместе с обозами раненых и беженцев? — ответил капитан и крикнул: — По машинам! Вперед!

Броневики медленно покатали по улицам, оставляя за собой притихший в ожидании город.

Решили держать дистанцию в 100 метров и останавливаться перед каждым хутором по пути следования.

— Нет, чтобы это золото закопать в лесу или еще где-то, а потом забрать, когда вернемся, — недовольно пробурчал подпоручик Орлов.

— А если оно в ближайшее время понадобится? Задаром никто ничего нам не даст, — ответил Поляков.

— «Стрекоза» остановилась у хутора, — доложил водитель Ершов.

Подъехав поближе, «Муравей» тоже встал, и Пичугин, открыв дверцу, побежал, пригибаясь, к лежащему в траве Чететкину, который внимательно разглядывал хутор в бинокль.

— Такое впечатление, что нас здесь ждут, — тихо проговорил капитан, передавая бинокль Пичугину.

— Похоже, что так. У второй от конца улицы избы из окна торчит ствол пулемета.

— Предлагаю ударить с ходу. Как только подъедем, сразу поливай огнем, а я заеду слева, и так мы с двух сторон закроем хутор.

«Стрекоза» рванулась вперед и, выскочив на дорогу, стремительно покатила по направлению к хутору. Там их ждали и встретили огнем из двух пулеметов. «Муравей» медленно ехал вниз, прикрывая «Стрекозу», и поливал свинцом близстоящие мазанки. Отовсюду слышались винтовочная стрельба и треск пулеметных очередей. Но «Муравей» неожиданно попал правым колесом на обочину и забуксовал.

— Василий! Ты что, сгубить нас надумал? — заорал на водителя Орлов.

— В яму попали, — оправдывался тот, нервно хватаясь за рычаги.

— Не кричать! Орлов, бери «Максим», и перебежками вон к тому плетню, прикрывай! Полный огонь из пулеметов! А ты, Василий, не психуй, я лопаткой подкопаю грунт. Как услышишь ее стук о броню, двигай вперед, — командовал Чететкин.

Воспользовавшись замешательством, отряд красных бросился к броневику, но пулеметы сразу скосили атакующих. А Орлов, выскочив из машины, тут же нарвался на брошенную кем-то ему под ноги ручную гранату и замертво рухнул на землю. Чететкин продолжал лихорадочно подкапывать колесо. Ему удалось снять саперной лопаткой несколько пластов

грунта, после чего он вернулся обратно в броневик. В последний раз взглянув в смотровую щель на погибшего Орлова, капитан перекрестился и приказал:

— Вася, родной, гони! Нельзя им дать опомниться!

«Муравей» рванулся вперед и поехал по опустевшей улице, на окраине которой встретился со «Стрекозой». Некоторое время машины катили рядом, а затем остановились в тени плачущих ив, согнувших свои ветви к небольшой речушке. Решили переночевать здесь, поочередно меняясь на часах, а с рассветом продолжить путь по маршруту, указанному полковником.

Чуть только рассвело, машины снова тронулись в путь, соблюдая между собой стометровую дистанцию. Часа два ехали спокойно, но вдруг слева, метрах в двадцати, неожиданно разорвался снаряд, затем ухнуло справа, а третий снаряд упал совсем близко от «Стрекозы», обдав машину мелкими осколками металла.

— Вася! Гони! Обойди пушку слева! — крикнул Чететкин, и броневики, ревя моторами, покатали навстречу орудию, не прекращавшему стрельбы.

Но вдруг «Стрекоза» встала, и «Муравей» рванулся на вырубку, прикрывая ее пулеметным огнем. Оказалось, что у «Стрекозы» оторвало правое заднее колесо, поэтому члены экипажа быстро перенесли ящики с золотом в «Муравья», и броневик покатил по ухабистой дороге.

Больше впереди не встретилось ни одного населенного пункта, и они, наконец, добрались до станции Усть-Лабинская. На путях уже стоял поезд, поджидавший броневики, и ящики благополучно перегрузили в эшелон...

Эту тетрадку показал мне далекий родственник в Усть-Лабинске, куда меня пригласили на свадьбу племянника. Я честно прочитал текст, но, что называется, «не вдохновился», да и не очень поверил в правдивость сюжета, о чем и сказал родичу. Тот, несколько не удивившись, загадочно улыбнулся и пригласил к себе, благо недалеко — через три двора.

Во дворе его дома, как водится на Кубани, был погреб. Мы спустились по каменным ступеням, и я увидел еще одну, необычную для этих мест, металлическую дверь. Хозяин зажег свет, взял тряпку, тщательно протер ее, и я вдруг увидел несколько едва заметных букв: ...вей. □

При упоминании имени этого французского поэта сразу возникают ассоциации с чем-то зловещим, разрушительным, едва ли не сатанинским. Собственно говоря, так его начали воспринимать чуть ли не полвека спустя после смерти. А при жизни он был всего лишь мало известным широкой публике, зато принесшим неисчислимые страдания своим родным и близким, на которых его творчество отражалось самым прискорбным образом.

Речь идет о Шарле-Пьере Бодлере, родоначальнике символического направления в поэзии, о чем он вряд ли подозревал, и обвиненном в безнравственном поведении и подрыве моральных устоев общества: судебный процесс был громким, и именно он привлек внимание публики к поэту...

Но обо всем по порядку.

суждения

ЦВЕТЫ

Денис Логинов

Когда почти тридцатилетняя бесприданница Каролина Дюфан получила неожиданное предложение руки и сердца от шестидесятилетнего вдовца Жозефа-Франсуа Бодлера, бывшего начальника канцелярии французского Сената и художника-любителя, она посчитала это чудом и дивным подарком судьбы. Ни солидным возрастом жениха, ни наличием у него четырнадцатилетнего сына от первого брака — Клода Альфонса ее не смущали. Немного беспокоило то, что обвенчаться они не могли: в молодости Жозеф-Франсуа Бодлер был священником, но потом сложил с себя сан и навсегда потерял право на церковное благословение. Но во Франции начала девятнадцатого века гражданский брак давно уже не был диковинкой.

Правда, много позже Шарль Бодлер называл брак своих родителей «патологическим, старческим и несуразным», поскольку отец его был на тридцать с лишним лет старше матери. Тем не менее, через полтора года после свадьбы в Париже на улице Орфей появился второй сын господина Бодлера, что сделало госпожу Каролину самой счастливой женщиной на свете: любящий и любимый муж, почтительный, воспитанный пасынок, просторная квартира, обеспеченное существование и собственный ребенок, такой хрупкий, хорошенький, ласковый...

Чего еще могла желать обычная женщина, когда-то смирившаяся с неизбежной участью старой девы и приживалки в чужой семье?

Биографы (преимущественно иностранные) любили распространяться о том, что отец с раннего детства прививал сыну любовь к искусству, водил его по музеям и галереям, знакомил со своими друзьями-художниками. Возможно, господин Бодлер этого бы и хотел, но, увы, скончался, когда Шарлю едва исполнилось шесть лет. Сомнительно, чтобы до этого возраста он успел приобщиться к искусству живописи, поскольку, как минимум, до пяти лет находился под неусыпной опекой матери.

Франсуа Бодлер умер в 1827-м, а через полтора года все еще красивая вдова вышла замуж за майора Опики, впоследствии генерала, французского посла в Испании и сенатора. Полагающийся приличиями трехлетний срок траура не был соблюден, но причина для этого была самая уважительная: госпожа Бодлер находилась в интересном положении. И ее никто не осудил: Жак Опики был благороден, элегантен и обаятелен, с безупречной репутацией. Уже взрослый Клод-Альфонс Бодлер отнесся к появлению отчима более чем лояльно, а вот восьмилетний Шарло...

По общему мнению, второй брак матери навсегда лишил Бодлера душевного равновесия, и его характер сформировался под воздействием классического Эдипова комплекса. Возможно. Во всяком случае, он до самой своей смерти называл замужество матери «предательством», добавляя, что она не имела права

выходить замуж повторно, «имея такого сына, как я».

В общем-то, он был прав: на женщине с таким сыном немногие отважились бы жениться. А майор Опик, человек консервативный, к тому же военный до мозга костей, старался воспитывать своего младшего пасынка в духе дисциплины и строгой морали. Увы, пасынок возненавидел и первое, и второе, а заодно и свою мать, которая «позволила себе» пойти на поводу плотских вожделений и «осмелилась» любить еще кого-то, кроме сына.

Вторая беременность мадам Каролины закончилась печально: она родила раньше срока мертвую девочку. Супруги больше не надеялись иметь общих детей, поэтому майор

шительную), и вовсе перестал обременять супругов Опик своими проблемами.

А вот вся дальнейшая жизнь его единокровного младшего брата — Шарля Бодлера — строилась по принципу «всем назло». Отчим отдал его в самый престижный во Франции колледж Святого Людовика, в котором, кстати, получили в свое время образование Вольтер и Дидро.

— Вот вам мой подарок: ученик, который прославит ваш колледж, — с такими словами в феврале 1836 года полковник Опик ввел приемного сына в кабинет директора колледжа.

Он даже не представлял себе, насколько был прав! Только слава бывает разной...

1839 году Шарль заявил шокированным родным, что хочет посвятить себя литературе. Неважно, что пока он не написал ни строчки, которую можно было опубликовать, зато в его дневнике появилась потрясающая по своей циничности запись: «Быть полезным человеком мне всегда казалось невероятно гнусным»

Опик основные надежды возлагал на Шарля и любил его как родного сына. Впрочем, он так же относился и к взрослому пасынку Каролины — благоразумному и примерному Клоду-Альфону, который уже жил собственной жизнью, а получив причитающуюся ему по завещанию долю отцовского наследства (весьма вну-

Учился Шарль весьма небрежно, хотя, по общему мнению преподавателей, обладал большими способностями. В конце концов он вовсе был исключен «за неблаговидное поведение». Остается только догадываться, что такого мог натворить семнадцатилетний юноша, если даже влияние ставшего к тому време-

ни генералом отчима оказалось недостаточным для восстановления Бодлера в колледже. Зато хорошо известно, как переживала мать, уже видевшая в своем воображении любимого сына чуть ли не главой французского правительства.

Но Шарль-то считал, что был изгнан из мира любви «предательст-

вом» матери, а посему начал его последовательное уничтожение, нимало не заботясь о последствиях. В 1839 году он заявил шокированным родным, что хочет посвятить себя литературе. Неважно, что пока он не написал ни строчки, которую можно было бы опубликовать, зато в его дневнике появилась по-

трясающая по своей циничности запись:

«Быть полезным человеком мне всегда казалось невероятно гнусным».

Правда, в то время его «литературная деятельность» сводилась к тому, что он, все-таки получив, наконец, диплом бакалавра, стал студентом юридического факультета в Сорбонне и фактически поселился в студенческом Латинском квартале. Лекции Шарль прогуливал, за два месяца наделал долгов на две тысячи франков (годовой доход среднего чиновника того времени), попробовал наркотики, проводил ночи с самыми дешевыми проститутками и, наконец, заразился сифилисом, что тщательно и безуспешно скрывал ото всех.

Встревоженные родственники собрали семейный совет, на котором решили отправить непутевого юношу на два года в Индию, подальше от неподходящей компании и слишком сильных соблазнов Парижа. Генерал Опик был сторонником кардинальных мер исправления, а Каролина была слишком потрясена тем, что узнала о любимом сыне, чтобы возражать. Разумеется, в Индии обожаемый ею Шарль остепенится и станет нормальным человеком, как его отец и старший брат.

Большинство биографов Бодлера тактично пишут, что невыносимая тоска по оставленной Франции заставила молодого человека вернуться с полпути, хотя экзотика южных островов произвела на него неизгладимое впечатление. Увы, все гораздо про-

заичнее. Выданные на путешествие деньги закончились как раз на полпути, а капитан корабля был рад-радешенек избавиться от странного пассажира, который то сутками сторонился людей, сидя на палубе и бормоча себе что-то под нос, то вдруг начинал донимать попутчиков странными разговорами, в которых осмеивал все подряд: любовь, семью, религию, государство...

С острова Реюньон, два месяца спустя после отъезда, Бодлер вернулся в Париж в 1841 году: как раз ко времени вступления в права наследства, оставленного ему покойным отцом. Наследство было завидным: 75 тысяч франков на банковском счету, участки земли в Нейи, акции Банка Франции. Все это гарантировало спокойную и очень обеспеченную жизнь даже при полном безделье.

Но вместо того, чтобы снять квартиру в респектабельном квартале, как советовали ему мать и отчим, Шарль занял роскошные апартаменты в отеле «Пимодан», обставив их дорогой антикварной мебелью и любовно украсив изысканными безделушками. Все бы ничего, да только в этом помпезном здании времен Людовика XIV располагался известный всему богемному Парижу «Клуб гашишистов», придуманный доктором Жозефом Моро, который с огромным апломбом утверждал, что изучение людей, находящихся под воздействием гашиша, внесет крупный вклад в развитие психиатрии.

Но «злые» языки утверждали другое: гашиш, подаваемый вместо аперитива в «Красной гостиной» клуба, стоил немало, а большинство отведавших его уже не в состоянии отказаться от этого экзотического «лакомства». Так что доктор Моро быстро разбогател, а на развитие психиатрии это оказало ничтожное влияние.

Зато сильно повлияло на мир искусства и литературы. В «Клубе гашишистов» бывали Виктор Гюго, Оноре

себе особо вульгарную или даже мерзкую выходку, ее любовник только разводил руками:

— Она всегда такая, какой сама хочет быть...

Для него это, по-видимому, стало идеалом женщины.

Он и сам старался следовать этой теории: быть таким, каким хотел быть. Заказывал элегантнейшие брюки, шляпы и жилеты, рубашки — исключительно из тончайшего мус-

нешне Бодлер всеми силами старался выглядеть настоящим «денди» — это было единственное важное для него дело, поглотившее за два года половину полученного им наследства. Это понятие он довел практически до абсурда: восхищался лишь болезненно-извращенными явлениями, откровенно презирал женщин и... не мог без них жить. Они и были зрителями его «театра одного актера», которым исполнитель платил, и платил щедро

де Бальзак, Александр Дюма, многие известные художники и, разумеется, поэты. Бодлер поэтом пока еще не был, но гашиш вкушал с наслаждением. Нравился восточный наркотик и любовнице Шарля — Жанне Дюваль, квартиранке с острова Гаити, театральной субретке и проститутке, скандально известной своим невыносимо склочным характером.

Но Бодлер был просто околдован ее грубостью, беспардонностью и откровенным презрением к другим людям. Когда Жанна позволяла

ли. Облачая себя в изысканную одежду, продумывая до мелочей ритуал поведения дома, на улице, в кафе, Бодлер пытался создать для своей, в общем-то, еще неоформившейся души, изящную оправу продуманного, элегантного одеяния, экзотической прически, грациозных жестов.

Современники Бодлера вспоминали, как он любил маринованные, перенасыщенные острыми специями продукты, как обед превращался для него в некий церемониал, как ненавидел он свободно текущие

реки, не окаймленные гранитными берегами, не перерезанные тяжелыми мостами... На самом деле любой современный психиатр заметил бы в этом проявление страха перед реальной жизнью. И это чувство с годами становилось все сильнее, пока не захватило Бодлера целиком.

Внешне же он всеми силами старался выглядеть настоящим «денди» — это было единственное важное для него дело, поглотившее за два года половину полученного им наследства. Целиком заимствованное из английских романов понятие Бодлер довел практически до абсурда: восхищался лишь болезненно-извращенными явлениями, откровенно презирал женщин и... не мог без них жить. Они, в основном, и были зрителями его «театра одного акте-

ра», зрителями, которым исполнитель платил, и платил щедро.

А ведь нужно еще было содержать Жанну (их связь продолжалась почти двадцать лет), снимать ей квартиру (жить вместе с кем-либо Бодлер не желал категорически), водить по ресторанам и театрам...

Родственники спохватились, когда молодой человек начал распродавать свою земельную собственность, и в 1844 году суд постановил передать управление наследством его матери, а самому Шарлю отныне выдавать ежемесячно лишь скромную сумму «на карманные расходы».

Именно эта очередная «несправедливость» и подвигла его начать зарабатывать литературным трудом. Пока еще не стихами — искусствоведческими эссе. Бодлер начал с критических статей о живописи Давида и Делакруа. Первой его опубликованной статьей «Салон 1845 года» восхищался весь образованный Париж. Автору прочили славу и блестящее будущее художественного критика, а еще несколько статей, последовавших за ней, лишь укрепили это мнение.

Шарль Бодлер, известный лишь в узких кругах богомного Парижа, в 1845–1846 годах написал целую серию статей об искусстве, причем мнение, высказанное им о современных художниках, впоследствии полностью подтвердилось оценками потомков, а сами статьи бесспорно принадлежат к лучшим страницам, когда-либо написанным о французской живописи.

Но однажды Шарль почти случайно открыл для себя американского писателя Эдгара Алана По, и искусствоведение было мгновенно забыто. Теперь Бодлер занимался только переводами на французский язык причудливого американского писателя, в творчестве которого находил очень много общего с собственным мироощущением того времени. Он как бы встретил родственную душу — и переводы имели такой же большой успех, как и статьи. Но...

«Быть полезным человеком мне всегда казалось невероятно гнусным».

С 1844-го по 1848 год Бодлер регулярно посещал «Клуб гашишистов» и употреблял гашиш. Теофиль Готье, тоже активно участвовавший в жизни клуба, считал Бодлера основателем психоделического направления в литературе, хотя этот термин появился гораздо позднее. Сам же Бодлер прекрасно понимал, что скатывается в пропасть, откуда нет шансов выбраться.

И тут, как будто специально для него, вспыхнула революция 1848 года. Забыв о наркотиках, Бодлер сражался на баррикадах вместе с рабочими, одно время был редактором радикальной газеты «Salut Public», но после победы Луи Бонапарта, ставшего императором Наполеоном III, отошел от политики навсегда — а заодно и окончательно порвал с реальной жизнью. Если что и связывало его с «пошлой прозой быта», то только кредиторы, поскольку положенного ему ежемесячного содержания всегда хватало лишь на несколько дней. Гашиш сменил-

ся опиумом — теперь уже до конца жизни.

И связь с матерью почти оборвалась: полковник Опик стал сенатором и получил назначение на дипломатическую должность сначала в Испании, а потом — в Турции. На сына он давно махнул рукой, но жену обожал по-прежнему и совершенно выходил из себя, когда заставлял ее за чтением очередного слезного послания от непутового сыночка.

А письма приходили регулярно — тошнотворно-лицемерные, ханжеские, заискивающие, переполненные клятвами в вечной и несокрушимой любви к «бесценной мамочке» и... просьбами о деньгах. Шарль подробно описывал свои творческие планы, намекал на умопомрачительные гонорары, которые вот-вот получит за свою очередную книгу, хотя знал, что ничего подобного не произойдет. Он перестал писать прозу и целиком переключился на стихи, а они писались мучительно трудно, да и издателям не нужна была «высокая поэзия», без которой Бодлер уже не мыслил существования.

В 1857 году вышел его первый и самый известный поэтический сборник «Цветы зла» («Fleurs du mal»), точнее сказать, скандальный сборник. Название книги немедленно привлекло внимание Главного управления общественной безопасности. А прочитав книгу, чиновники буквально оторопели: «Скверный монах», «Падаль», «Бочка ненависти», Хмель убийцы», «Литании сатане» — и это только несколько наиболее эпатажных

заголовков не менее эпатажных стихов.

Автора немедленно привлекли к суду за оскорбление морали. Слабым утешением было то, что недавно по той же причине на скамью подсудимых угодил Густав Флобер за роман «Мадам Бовари». Его, правда, оправдали, но за него хлопотала кузина самого императора, принцесса Матильда. А кто замолвит словечко за Бодлера — не знакомые же проститутки, которые и читать-то толком не умеют?

Конечно, матушка могла бы хлопотать за сына: генерал Опик недавно скончался, и вдове сенатора, генерала, кавалера ордена Почетного легиона и тридцати шести иностранных орденов, конечно, пошли бы навстречу. Но разве эта ханжа и скряга опустится до просьбы о безбожнике и наркомане? И еще утверждает, что нежно любит его!

20 августа 1857 года суд вынес приговор по делу сочинителя Бодлера: шесть стихотворений из ста, составлявших книгу «Цветы зла», были запрещены к печати, а на их автора наложен штраф в триста франков. И Бодлер мгновенно стал «гонимым поэтом», «совестью народа», «поэтом с настрадавшейся душой». Правда, книгу от этого не стали раскупать быстрее: большинству французов были абсолютно непонятны и неинтересны откровения «настрадавшейся души».

Парадоксально, но факт: великим поэтом Бодлера сделали... русские. Когда самые известные поэты России в конце девятнадцатого века

взапуски кинулись переводить скандального француза, выяснилось, что его поэзия — это источник символизма, и что он просто опередил свое время, да и писал не на том языке. В России — вот где были истинные почитатели «поэта с демонической силой гения».

А второе издание 1861 года, куда Бодлер добавил еще полсотни стихотворений, ничуть не более нравственных, чем запрещенные, вообще осталось незамеченным и неизвестным широкой публике. Разумеется, и огромные гонорары, о которых Шарль постоянно твердил в письмах своей матери, тоже оказались иллюзией. «Цветы зла» не принесли своему садовнику ни счастья, ни славы, ни богатства.

Смысл названия сборника всегда вызывал много вопросов, а сам поэт так и не дал на них внятного ответа. В 1857 году он писал, что в целом его стихи преисполнены «отвращением к злу», но позже, в предисловии ко второму изданию, подчеркивал, что его увлекала возможность «извлечь красоту из зла». Сатана в «Цветках зла» — не просто один из персонажей, но герой, с которым автор связывает свои надежды, обманутые Богом, а потерянный рай становится символом некоего идеального мира, к новому обретению которого в далекой и, по существу, бесконечной перспективе будущего можно приблизиться лишь по пути искусства...

«Цветы зла» считаются началом нового этапа в истории поэзии XIX века. Вердикт суда — это всего лишь

один из полюсов восприятия книги современниками, полюс крайнего неприятия. Гонителям поэта противостояли выдающиеся французские писатели, такие, например, как Рембо, Верлен, Маллармэ, Гюго и Флобер.

Стоит отметить, что название книги можно интерпретировать и по-другому. «Mal» по-французски — не только зло, но и боль, болезнь, страдание, и этот оттенок значения

«странной», необычной, иногда причудливой и даже шокирующей. Это привело поэта к стремлению расширить сферу поэзии, отведя в ней заметное место безобразному, отвратительному и даже мерзкому. Знаменитое стихотворение «Падалъ» стало манифестом подобных устремлений.

Сейчас подобными «новшествами» трудно кого-нибудь удивить, множество поэтов давным-давно пере-

1857 году вышел его первый и самый известный поэтический сборник «Цветы зла». Название книги сразу привлекло внимание Главного управления общественной безопасности, а прочитав ее, чиновники буквально оторопели, и автор немедленно был привлечен к суду за оскорбление морали

слова сам Бодлер обыграл в посвящении книги своему другу Т. Готье:

«...посвящаю эти болезненные цветы...»

В такой трактовке книга кажется уже не столь вызывающей и аморальной: болезненное воображение рисует болезненные образы. Бесценный материал для психиатров, почему-то почти не использованный ими. А ведь бодлеровские «Цветы зла» — не просто зарисовки проявлений зла, наблюдаемые поэтом-созерцателем, но и плоды страданий, причиняемых злом.

Наблюдая реальную жизнь, Бодлер искал в ней не идеальную красоту, а лишь проявления красоты

плюнули в цинизме и безверии родоначальника жанра. Но тогда, во второй половине девятнадцатого века...

Бодлер — поэт, ненавидящий природу, художник, по выражению Жан-Поля Сартра, «являющийся судорожным протестом против собственной природности, презирающий все спонтанное и естественное, стремящийся видеть лишь то, что подскажет каприз воображения; человек, весь свой талант положивший на то, чтобы вступать в отношения лишь с самим собой. Его отношения с женщинами, как это ни парадоксально, служили тому, чтобы выполнить его тайное желание — остаться в полном одиночестве».

Чем старше становился Бодлер, тем старательнее он воздвигал непреодолимый барьер между собой и реальным миром, притворяясь, что тщательно анализирует его.

В написанных о женщинах прозаических отрывках Бодлер был предельно откровенен:

«Женщина — противоположность денди. Женщина испытывает голод — и хочет есть, испытывает жажду — и хочет пить... Великая заслуга! Женщина естественна, то есть омерзительна».

Впрочем, это могло быть эпатажем, призванным надежнее скрыть от людей подлинного Шарля Бодлера. Выкрашенные в зеленый цвет волосы, странного цвета и покроя камзолы, вызывающее поведение — все это не более чем камуфляж. Более того, он

только так он чувствовал себя удовлетворенным и более или менее спокойным. Отсюда же и самоуничижительные, раболепные письма к матери, переполненные самобичеванием: уж лучше он припишет себе несуществующие грехи, чем будет осужден за образ жизни и мыслей.

Грезой Бодлера, навязчивой идеей, преследовавшей его всю жизнь, был образ мраморной женщины с бесстрастным взором. И чем грязнее были наслаждения, которым он предавался, тем необходимей ему было вызывать в своем воображении этот сверкающий образ. Возможно, это — образ матери, которую он не простил даже после того, как она овдовела.

Его роман с некой мадемуазель Дюпрэ, которую Бодлер осыпал лю-

И

рÓклятый поэт и его осужденные цветы... И он, и они расцвели слишком рано, чтобы быть понятыми и оцененными современниками. Зато потомки сделали из психически нездорового человека мученика, а из его книги — икону

сам распространял о себе самые скандальные слухи: о своем гомосексуализме, о том, что он — тайный полицейский агент... Добивался очередного общественного порицания и — едко высмеивал «ханжей и мещан».

Можно сказать, что Бодлер был духовным мазохистом: порицание и осуждение были ему необходимы,

бывшими письмами, стал притчей во языцах для всего Парижа. Едва они сблизились, поэт, как от чумы, бежал от ее страсти, поскольку жаждал... бесстрастия. Идеальна лишь та женщина, которая позволяет овладеть собой только и исключительно из глубочайшего равнодушия — квинт-эссенция проститутки.

Но стремительно ухудшавшееся состояние здоровья положило конец «эротическим опытам»: к концу жизни Бодлер избегал даже смотреть на женщин, а в 1864 году, смертельно уставший от навязанной самому себе роли «денди», уехал в Бельгию, хотя испытывал настоящее отвращение к скучной и размеренной жизни «в этой огромной деревне». Там он тяжело заболел — и тут же в деталях описал мельчайшие симптомы своего недуга: наступает удушье, путаются мысли, возникает ощущение падения, кружится голова, появляются сильные головные боли, проступает холодный пот, наступает непреодолимая апатия. Почему-то Бодлер ни словом не упоминал о незалеченном толком сифилисе, хотя именно он мог быть основной причиной ухудше-

ния здоровья. Рвота и головная боль стали его постоянными спутниками — без них не проходило ни дня.

3 апреля 1867 года Шарля за пьяную драку выставили из небольшого ресторанчика «Дьявол», где он был довольно часто. Избитый, слабый, он еле доковылял до церкви «Сан Пьер» и здесь, окончательно обессилив, упал на паперти. Его окружили выходившие с вечерней службы прихожане, прибежал и хозяин ресторанчика, кляня себя за содеянное. Именно он заплатил проезжавшему извозчику и, бережно подстелив под голову несчастного Бодлера свой фартук, проводил его в близлежащую больницу «Святой Елизаветы».

Узнав о случившемся, мать Шарля примчалась в больницу и добилась

*Церковь
«Сан Пьер»
(фото
наших дней)*

перевода сына из переполненной общей палаты в дорожную гостиницу, с установлением за ним круглосуточного медицинского наблюдения.

Бодлер выглядел ужасающе — перекошенный рот, остановившийся взгляд, практически полная потеря возможности произносить слова. Болезнь прогрессировала, и уже через несколько недель он не мог формулировать мысли, часто погружался в проstration, перестал покидать постель. Несмотря на то, что тело еще продолжало сопротивляться, разум поэта угасал.

Мадам Опик перевезла умирающего сына в Париж, где он и скончался 31 августа в одной из небольших частных клиник, в возрасте срока шести лет. Мать похоронила

его на Монпарнасском кладбище, в одной могиле с генералом Опиком, надеясь хотя бы так примирить двух самых дорогих для нее людей, ушедших из жизни.

Ирония судьбы заключается в том, что все, написанное Бодлером в течение последнего десятилетия жизни и значительно превосходящее по уровню «Цветы зла», было опубликовано уже после его смерти. «Парижский сплин» и «Искусственный рай», а также два сборника статей об искусстве и литературе вышли в свет в 1878 году. За них издатели заплатили наследникам поэта тот самый вождельный «колоссальный гонорар», которого Бодлер тщетно добивался при жизни.

Но в истории литературы он навсегда остался только автором «Цве-

тов зла», предвестником и основателем символизма. Кстати, шесть запрещенных к печати стихов из этого сборника «получили помилование» лишь в 1949 году, когда такими стихами уже невозможно было не только шокировать, даже просто удивить кого бы то ни было.

Проклятый поэт и его осужденные цветы... И он, и они расцвели

слишком рано, чтобы быть понятыми и оцененными современниками. Зато потомки, стремясь «восстановить справедливость», сделали из психически нездорового чело­века мученика, а из его книги — икону.

Что ж, по мощам, как говорится, и елей.

P.S. Интересная деталь: в Брюсселе на авеню Алсенберг есть небольшой ресторан. Здесь не бывает туристов, но всегда полный аншлаг. Горожане ходят сюда вкусно поесть и полакомиться роскошным пивом «Вестмалле», которое ласково называют «Витамин». В ресторане ничего не изменилось с тех пор, как 150 лет назад за столиком у окна часто сиживал Шарль Бодлер. Здесь он не только пил свой «Витамин» (который тоже за 150 лет не изменился, поскольку это пиво много веков варят монахи), но и писал свои вирши.

Ресторан этот и сегодня называется «Дьявол». □

Слева:
*тот самый
ресторан «Дьявол».
Со времен Бодлера
здесь практически
ничего не изменилось
(фото наших дней)*

Справа:
*у этого окна сиживал
Бодлер, попивая
«Wesmalle»
(фото наших дней)*

Первый мотив

Варвара Клюева

Ника вернулась в дурном расположении духа. Выложила на стол диктофон, бросила: «Она врет», и скрылась в своей комнате. Игнат повертел в руках электронную игрушку, колеблясь между желанием выслушать свидетельские показания жены подозреваемого и выяснить, что нашло на помощницу, понял, что состояние Ники волнует его больше, и пошел за ней следом.

Она сидела на подоконнике, подтянув колени к груди, и скользила невидящим взглядом по бесконечным крышам.

— Что-нибудь случилось?

— Нет.

— Тогда почему у вас такой хмурый вид?

Вместо ответа — лишь раздраженное движение плечами. Игната взяла досада. Где ты, благословенная эпоха, когда гениальные сыщики пользовались всеобщим почтением, могли позволить себе любые чудачества и, тем не менее, оставались божествами для помощников, прославляющих своих

эксцентричных друзей и боссов в нескончаемых мемуарах?

— Ника, вам никогда не приходило в голову, что у меня тоже может быть плохое настроение и приступы отвращения к ближнему? Почему же только я верчусь вокруг вас, когда вы дуетесь? Почему бы нам иногда — ради разнообразия — не поменяться местами?

Ника неохотно оторвалась от созерцания панорамы мегаполиса и перевела взгляд на шефа:

— Я могу говорить только за себя, Ганя. Я не верчусь вокруг вас, потому что центр моего мира и его же ось вращения — я сама. По-моему, это естественно. И я искренне не понимаю, почему у вас это устроено иначе. Вы-то сами знаете?

Игнат молча вышел и вернулся к диктофону. Еще бы он не знал! Центр его мира — тайны и загадки. А Ника — воплощенная загадка. Женщина без прошлого, без возраста, биографии, профессии и даже без имени. Никой он назвал ее сам: имя показалось ему удачным псевдонимом для женщины, которую НИКАК не звали. Он нашел ее три года назад — связанную, избитую, в беспомощности. По некоторым причинам ему нельзя было обращаться к представителям закона, поэтому Игнат отвез ее к себе и вызвал частного врача, которому заплатил небольшое состояние — не столько за осмотр и консультацию, сколько за молчание. Девушка скоро пришла в себя, но на попытки своего спасителя заговорить с ней не реагировала. Лежала пластом и молча тарасилась в потолок. Больше месяца Игнат ее выхаживал: перевязывал, кормил с ложечки, носил в ванную. К концу пятой недели она встала, сама дошла до ванной комнаты и даже ответила на его вопрос.

— Не спрашивайте меня. Я ничего не помню. Правда. Совсем ничего.

Еще месяц она безмолвной тенью слонялась по его пентхаусу, временами брала и читала книги, временами — смотрела телевизор, но по боль-

шей части сидела на подоконнике отведенной ей комнаты и глазела в окно. А однажды пришла к Игнату в кабинет и сказала, что хочет отработать свой хлеб. Не возьмет ли он ее к себе в помощницы?

Нельзя сказать, чтобы Игнат пришел в восторг. По характеру он был отшельником, одиночкой, и привык работать один. Конечно, помощники у него были: он часто нанимал журналистов, актеров, пенсионеров, студентов и прочих фрилансеров для сбора нужных ему сведений. Но сработается ли он с этой женщиной? И какая помощница выйдет из Ники? Сможет ли женщина, ничего о себе не знающая, вступать в разговоры с людьми, внушать им доверие, вызывать на откровенность?

Однако, несмотря на сомнения, Игнат согласился. Как ни оберегал он свое уединение, возможность разгадать загадку Ники привлекала его сильнее. Может быть, занявшись делом, она задействует дремлющие участки мозга и разбудит память?

Его расчеты не оправдались. Прошло больше трех лет, но Ника оставалась все такой же загадкой. Кем она была в прошлой жизни? Где жила? Чем занималась? В какой семье выросла? У Игната по-прежнему не было не только ответов, но даже гипотез.

Но и страхи его оказались напрасными. Деловые отношения с Никой лишних эмоциональных затрат от него не потребовали. Она молча выслушивала задание, кивала, брала диктофон и/или фотокамеру и на несколько часов исчезала из дома, а по возвращении так же молча выкладывала «добычу» на его стол. Кроме того, сборщиком информации Ника оказалась прекрасным. Слушая диктофонные записи ее бесед с разными людьми, Игнат не мог отделаться от навязчивой мысли, что взял в помощницы ведьму. Ника не льстила, не задабривала, не кокетничала, не угрожала — просто задавала вопросы. Но собеседники, все, как один, отвечали пространно и охотно.

Вот и Оксана Подольская — вредная избалованная дамочка, трижды отвечавшая отказом на просьбу адвоката ее мужа поговорить с помощницей сыщика, которого наняли, чтобы найти доказательства невиновности Подольского — после нескольких холодно-высокомерных фраз, брошенных Нике, как подаяние, в начале их встречи, вдруг распелась соловьем:

«Конечно, я не сомневалась, что у Леонида есть любовница, и, скорее всего, не одна. Видите ли, я отдавала себе отчет, что выхожу замуж за плейбоя, но меня это вполне устраивало. Я не отношусь к убогим страдальцам, которые превыше всего ценят супружескую верность. Свободные отношения супругов — верная гарантия того, что их сексуальная жизнь не обеднеет, не истощится со временем. У меня тоже бывают свои маленькие увлечения, и я не вижу причин отказывать в подобном удовольствии мужу.

Но если вы спрашиваете, знала ли я о связи Леонида конкретно с этой старлеткой, ответ — нет. В глаза ее никогда не видела».

«И никто из доброжелателей не пытался вас просветить? Никто даже не намекнул, что Леонид поселил любовницу в демонстрационном коттедже своей фирмы — в двадцати километрах от вашего загородного дома?»

«Представьте себе, нет. Люди моего окружения прекрасно знают, что меня такие вещи не интересуют. А с прочими я не общаюсь».

«Как вы думаете: ваш муж способен убить человека? Несколько раз ударить ножом женщину, с которой был близок?»

«Думаю, вполне. Пускай вас не обманывает его английская сдержанность. Леонид — человек сильных страстей. Когда он злится, я стараюсь держаться как можно дальше. Лучше всего — в другом городе. Где-нибудь в Париже или в Милане».

«Где вы были вечером третьего и ночью с третьего на четвертое?»

«Здесь. Я провела весь день в салоне красоты, очень устала и решила побаловать себя тихим одиноким вечером в компании с любимыми фильмами».

«Кто-нибудь может это подтвердить?»

«Нет. Прислугу я отпустила. Я по вечерам не ем, а Леонид по средам никогда не ночует в городской квартире».

«Может быть, вам сюда кто-нибудь звонил?»

«Может быть. Не знаю. Я отключила телефон. Мне совершенно не хотелось отрываться от фильма ради пустых разговоров».

На этом Ника и Оксана распрощались.

Игнат выключил диктофон. Итак, алиби у жены Леонида Подольского нет, как и у его первого компаньона Серегина, который просто отказался отвечать на вопрос, где был в ночь убийства Анны Терещенко, любовницы Подольско-

го. Но о Серегине Ника уверенно сказала, что к убийству он не причастен, а про Подольскую только бросила: «Она врет».

Если исходить из того, что Подольская соврала, получается... Ничего не получается. Пристроить ее в картинку, где она убила бы ножом любовницу мужа, притащила бы нехилое бесчувственное тело супруга в спальню убитой, подменила бы видеозапись, выпустила бы из вольера двух доbermanов и укатила домой, невозможно. Начнем с того, что Анна Терещенко не открыла бы на ночь глядя ворота постороннему человеку, тем более, жене своего любовника, которая вряд ли питала к ней теплые чувства. Анна была в доме одна, ближайшие соседи по коттеджному поселку разъехались, и элементарное чувство самосохранения удержало бы ее от неуместного проявления гостеприимства.

Ну ладно, допустим, Оксана приехала на машине мужа, позвонила с его мобильного телефона и придумала какую-то историю, которая заставила Анну позабыть об осторожности и открыть ворота. Допустим даже, что Терещенко помогла Подольской перетащить беспробудно спящего Леонида в свою постель, после чего получила несколько ударов ножом в грудь. Как после этого Подольская вышла из дома, учитывая двух ревящих на воле доbermanов? И на чем бы она уехала, если машина ее мужа осталась стоять перед домом?

Нет, по всему получается, что Подольский расправился с любовницей сам. Может быть, он этого не помнит, потому что упился до неменяемого состояния, но больше просто некому. Только Подольскому Анна открыла бы ворота без вопросов. Единственный звонок, поступивший на ее мобильник после десяти вечера, был сделан с телефона Подольского. Все остальные знакомые Терещенко были в курсе, что по средам у нее ночует любовник, и не докучали актрисе своим вниманием. Судя по следам, на территории, прилегающей к коттеджу, со дня последнего снегопада побывали только две машины: «фольксваген» Терещенко и «тойота» Подольского. Доберманы хорошо знали Подольского. Кроме того, они не могли на него наброситься, потому что он оставался в доме до тех пор, пока приходящая домработница не загнала собачек в вольер и не обнаружила хладный труп своей хозяйки. Нет, не так. Сначала домработница обнаружила труп, а потом вызвала полицию и загнала собак в вольер. Но, по сути, это ничего не меняет, потому что в постели — в двух шагах от убитой женщины — крепко спал не кто иной, как пребывающий в алкогольной нирване Подольский. На внутренней стороне его левого предплечья — до самого локтя — багровели три борозды: следы ногтей Терещенко. И, разумеется, именно его «пальчики» обнаружили на рукоятке ножа, которым трижды ударили убитую.

Так что у полиции были все основания отправить пьяного архитектора в камеру. А у Игната практически нет возможности выполнить заказ адвоката и найти доказательства невиновности Подольского. По-хорошему, следовало бы сразу отказаться от безнадежного задания, но сыщика заинтриговали показания подозреваемого — в сочетании с видеозаписью, копию которой принес ему адвокат.

Подольский уверял, будто тем вечером и не собирался ехать к любовнице. На девять часов у него была назначена деловая встреча с владельцем заводика стройматериалов, и архитектор не знал, сколько времени она продлится, поэтому позвонил Анне около восьми вечера (звонок есть в распечатке) и отменил свидание. Освободившись без нескольких минут десять, сел в машину и поехал в свой загородный дом. Уже выехав за МКАД, почувствовал, что его неудержимо клонит в сон, съехал с дороги, заглушил мотор и уснул. А проснулся уже в полицейской машине — с дикой головной болью и другими признаками сильнейшего алкогольного отравления.

При этом на видеозаписи, сделанной камерой наружного слежения коттеджа, где жила Терещенко, видно, что Подольский приехал к любовнице трезвым. По тому, как он выходит из машины, улыбается и машет рукой в глазок видеокамеры, достает с заднего сиденья букет и коробку с пирожными, закрывает машину и идет к дому, невозможно заподозрить, что этот человек прилично набрался. А набраться к тому времени он должен был весьма и весьма основательно, в противном случае, совершенно непонятно, почему визит к Анне начисто изгладился из его памяти.

Идею, что Подольский попросту врет, Игнат отмел как нелепую. Леонид Григорьевич имел репутацию интеллектуала. Он знал про видео-

камеру, его просветили насчет других вещдоков, свидетельствующих о его виновности. Нужно быть полным идиотом, чтобы в таких обстоятельствах сплести в свое оправдание совершенно неубедительную байку и держаться за нее с тупым упрямством подростка, которого застигли в туалете с дымящейся сигаретой, но который, тем не менее, продолжает нудно бубнить: «Я не курил».

А поскольку Подольский не полный идиот и не тупой подросток, объяснить его настойчивость можно только одним: он говорит правду. Иными словами, он или не помнит, что передумал: решил-таки поехать и поехал к Терещенко, или действительно к ней не ездил. Его туда доставили — как посылку.

Первый вариант Игната не устраивал, ибо о невинности клиента в этом случае можно забыть. А со вторым у него не складывалось. Теоретически подставить Подольского было возможно. Некто подсыпает ему в кофе снотворного, садится в свою машину, едет за жертвой до того места, где Леонида окончательно сморило, пересеживается за руль «тойоты», звонит Терещенко с мобильного Подольского, рассказывает какую-то историю и привозит к ней любовника. Они вдвоем выгружают Подольского из машины и доставляют в спальню. Потом некто бьет Терещенко ножом, царапает ногтями убитой руку Леонида и вливает в него бутылку коньяка. Затем садится к компьютеру, подключенному к видеокамере, вытаскивает из архива файл со старой видеозаписью, меняет дату, вводит самоликвидирующуюся программу, которая включит видеокамеру под утро и обеспечит, чтобы новая запись наложилась на последний кусок старой, убирает все следы своего пребывания в доме и уходит. Через двор, по которому бегают пара обученных в спецпитомнике «сторожей».

Для того чтобы осуществить все это на практике, некто должен был:

Во-первых, иметь доступ к кофе (или другим напиткам) Подольского, то есть находиться в среду в офисе фирмы «Витрувий» незадолго до девяти часов вечера. Во-вторых, входить в число лиц, приближенных к Подольскому. В-третьих, хорошо знать саму Терещенко или, по крайней мере, ее доbermanов и систему обеспечения безопасности в коттедже, и, в-четвертых, иметь веский мотив для устранения Подольского и/или Терещенко.

Первому пункту удовлетворяли только два человека: вологодский мужичок — хозяин производственной фирмы ООО «Кирпич», надеющийся заключить с модным «Витрувием» договор о поставке стройматериалов, и секретарь Подольского Римма Александровна Бруно.

Вологодский мужичок по всем остальным пунктам «пролетал» однозначно. Он имел хорошее алиби, подтвержденное попутчиками и про-

водником поезда «Москва-Архангельск», стартовавшего с Ярославского вокзала незадолго до полуночи. К тому же, этот бизнесмен-самородок создавал свой «Кирпич» по кирпичику — с нуля, собственными мозолистыми руками, и за просторы Вологодской губернии вырвался впервые в жизни, то есть ни Терещенко, ни доберманов он в глаза не видел, а Подольского до вечера роковой среды знал только по деловой переписке и двум телефонным разговорам.

С Риммой Александровной дело обстояло не так просто, ибо ее, безусловно, можно смело причислить к лицам, приближенным к Подольскому. Правда, она буквально боготворит своего шефа и, по выражению Ники, любому перегрызет за него глотку. Подольский не только забрал Римму из конторы, где работал до женитьбы на богатенькой Оксане, но и помог ей купить квартиру, покончив с многолетними скитаниями по съемным углам. Кроме того, и сама Бруно, и Подольский отрицают, что Римма была знакома с Терещенко и бывала в коттедже, где жила актриса.

Зато в коттедже неоднократно бывали оба компаньона Подольского — Петр Серегин и Антон Воробьев. Если исходить из того, что Подольского подставили, то его компаньоны казались Игнату самыми многообещающими кандидатурами. Начать с того, что этот триумvirат сложился еще в МАРХИ, который друзья окончили четырнадцать лет назад. Известно ведь, что сильнее всего способны ненавидеть самые близкие люди, а тот, кто втравил Подольского в эту историю, должен ненавидеть его от всей души. В этой троице Подольский был несомненным лидером — красавец, остроумец, любимец женщин, талантливый архитектор. Если все это не повод для зависти, что же тогда можно считать поводом? Мало того, Подольский еще и облагодетельствовал друзей,

не просто взяв их к себе в фирму, которую жена преподнесла ему в качестве свадебного подарка, но и сделав полноправными партнерами. Жест великодушного человека, но принять его с благодарностью может только тот, кто действительно равен дарителю великодушием. А если в душе есть изъян, то такой жест вполне способен породить вместо благодарности злобу.

Наиболее подозрительным казался Игнату Серегин. Воробьев в ту среду уехал из офиса в шестом часу вечера и покатил в славный город Валдай, в окрестностях которого фирма «Витрувий» возводила очередной элитный поселок. Возвратиться в Москву он должен завтра, так что Ника с ним еще не беседовала. Но адвокат Подольского, по поручению Игната, выяснил, где Воробьев остановился. Игнат нашел в интернете телефон и электронный адрес мотеля и связался с администрацией. Воробьев действительно зарегистрировался у них, а дежурившая той ночью девушка узнала его по фотографии, присланной Игнатом. Если учесть, что расстояние от Москвы до Валдая без малого четыреста километров, то Антон Николаевич никак не успевал отвезти Подольского в означенный коттедж, убить Терещенко, замести следы и добраться до своего мотеля без четверти три утра.

А вот Серегин, который провел вечер 3-го и ночь с 3-го на 4-е неведомо где, и, к тому же, разбирался в системах видеонаблюдения, не без натяжки, но все-таки годился на роль злодея. Но в его непричастности к убийству абсолютно уверена Ника, а она до сих пор ни разу не ошиблась. Кстати, надо бы спросить ее, почему она так уверена в Серегине. И почему считает, что Подольская врет. Скорее всего, ее хандра уже рассеялась — эти приступы дурного настроения никогда не длятся долго.

Постучав в комнату помощницы и не получив ответа, Игнат подумал, что на этот раз хандра, похоже, затягивается, и уже отошел от двери, но, поддавшись внезапному импульсу, вернулся и приоткрыл дверь.

Ника по-прежнему сидела на подоконнике, но в какой позе! Сгорбившись, съездившись в комок. Уши зажаты ладонями, глаза зажмурены, а лицо искажено таким страданием, что у Игната перехватило дыхание. Не меньше минуты он стоял столбом в дверях, потом опомнился, кинулся к девушке, схватил ее за плечи и сильно встряхнул:

— Ника! Что с вами? У вас что-нибудь болит?

Она открыла глаза и долго смотрела на него пустым взглядом, потом взгляд словно бы сфокусировался, лицо разгладилось.

— Нет. Все в порядке, Ганя, не пугайтесь. Просто, кажется, пришел час, которого вы так долго ждали...

— Вы вспомнили?!

— Пока еще нет, но уже на пороге. Побудьте со мной, пожалуйста. Расскажите мне о чем-нибудь.

— О чем? — Игнат растерялся.

— Неважно. О чем угодно. Главное, чтобы я отвлеклась и не пыталась вспомнить. Это очень мучительно. — Она обвела комнату взглядом. — Знаете, я недавно сообразила, что вы богаты. Эта спартанская обстановка и ваше пристрастие к джинсам с толстовками долго вводили меня в заблуждение, но потом я заметила, что техника у вас в доме из самых дорогих, ездите вы на «майбахе», а эта квартира, должно быть, стоит целое состояние. Между тем, по характеру вы совсем не похожи на богача. И счета, которые вы выставляете клиентам, воображения не поражают. Так откуда все это? Наследство?

— Да нет, просто повезло. — Игнат отошел от окна и сел в плетеное кресло. — В начале девяностых у нас был «дикий» капитализм. По стране гулял «черный нал», новоявленные предприниматели возили большие деньги в спортивных сумках, уголовники массово занялись рэкетом, крышеванием и нелегальным бизнесом, а их «общаки» хранились отнюдь не в банках... В общем, слова «мешок с деньгами» в те времена часто употребляли в прямом смысле, а не фигурально. И иногда эти мешки таинственным образом пропадали. А меня подражали их найти — за вознаграждение в десять процентов от пропавшей суммы. Пару раз эти десять процентов составили полмиллиона долларов — деньги по тем временам запредельные. Большую часть я удачно вложил... Вот, в сущности, и все.

Игнат осекся, заметив, что Ника вдруг начала покачиваться — вперед-назад, вперед-назад, и взгляд у нее снова сделался пустой. Несколько минут он, затаив дыхание, ждал, пока она выйдет из транса, потом, повинувшись необъяснимому порыву, вскочил, подошел к девушке и обнял

ее за плечи. Она повернула голову и уткнулась лбом Игнату в грудь. Потом отстранилась, внимательно посмотрела на него и проговорила:

— Не удивительно, что я так долго не могла ничего вспомнить. Если бы у меня сейчас был выбор, я бы предпочла немедленно все забыть.

— Я никогда не был в вашем положении, Ника, — откашлявшись, осторожно заметил Игнат, — но... Простите, мне теперь, наверное, нужно обращаться к вам иначе? Как вас зовут на самом деле?

— Не нужно иначе. Пусть будет Ника. Ну, что ж, садитесь, Ганя. Я вам все расскажу, правда, рассказ, боюсь, получится долгим.

Игнат вернулся в кресло, а Ника снова отвернулась к окну и заговорила — монотонно и отстраненно:

— Родом я из небольшого провинциального городка. В пятнадцать лет мне пришлось уйти из дома, по причинам, о которых я не хочу говорить. Достаточно сказать, что я полностью порвала отношения с родственниками и никогда туда не вернусь.

Я уехала в Самару. Поступила сначала в колледж, потом в университет. Можете представить себе, чего мне стоило получить образование — в чужом городе, без малейшей финансовой поддержки. Но я справилась. Спала по пять часов в сутки, работала как каторжная, но диплом получила — сначала один, потом второй. Меня взяли в рекламный отдел торговой компании «Страна изобилия». Это сеть супермаркетов, разбросанных по нескольким регионам. Богатая компания с большими возможностями для карьерного роста. Я намеревалась карабкаться до самых вершин. И дело не только в амбициях. После всех этих лет нищеты в грязных перенаселенных общагах и в убогих съемных квартирах мне хотелось достатка и стабильности.

Где-то через год у меня завязался роман с коллегой, правда, не слишком бурный — раза два в неделю «выходили в свет», потом бойфренд провозжал меня и оставался ночевать. Но я им дорожила. Одиночество, знаете ли, способствует привязчивости. Впрочем, о свадьбе никто из нас не помышлял. Чтобы создать семью, нужен свой дом, а на него еще нужно было зарабатывать и зарабатывать. В общем, на первом месте у меня стояла работа. Кеша тоже не стремился форсировать события, наши отношения устраивали его и так. До поры до времени.

А потом руководство оценило мои усилия, и начало меня «продвигать». Я с радостью хваталась за любые задания, ездила в командировки, ходила на тренинги, каждый год посещала какие-нибудь курсы. И меня поощряли: выплачивали премии, повышали зарплату, продвигали по службе. Кеша злился, говорил, что работа мне дороже, чем он, что я совсем его забросила, что мне наплевать на его любовь. Я по наивности не понимала, что его

гложет элементарная зависть, чувствовала себя виноватой, оправдывалась. Но он не желал принимать моих оправданий, и в конце концов мы вплотную подошли к разрыву.

Однажды в Самару прилетел владелец «Страны изобилия». Из-за кризиса прибыли в магазинах начали стремительно падать, и он привез команду «спасателей» из головного рекламного офиса компании. Наверняка эти люди знали свое дело, но они не приняли в расчет разницу между менталитетом столичных и провинциальных жителей, и их предложения, на мой взгляд, были неудачными. Я не стала скрывать своего мнения, мы сцепились, и все уже предрекали мне увольнение без выходного пособия, но хозяин неожиданно принял мою сторону и пригласил возглавить команду.

Производственные подробности я опущу, скажу только, что «спасательные работы» в итоге себя оправдали. Но главное не это, а то, что за время этих работ мы сблизились с Виктором, и он сделал мне предложение.

— Виктор — это владелец компании? — уточнил Игнат.

— Да. Поначалу я ему отказала. Хотя и не без сожаления: он мне нравился. Но между нами была огромная разница, не только в социальном положении, но и в возрасте. Мне было двадцать шесть, ему — пятьдесят семь. Я не верила, что у такого брака может быть будущее, и честно сказала об этом Виктору. Он ответил, что надеется меня переубедить, попросил не решать сгоряча. Но, в результате, переубедил меня Кеша.

Он устроил отвратительную сцену, а потом начал распускать обо мне мерзкие слухи. Коллеги стали на меня коситься, перешептываться за спиной, отпускать двусмысленные шуточки, а то и открыто хамить. Я поняла, что работать на старом месте больше не смогу, а на новом придется все начинать сначала. Можно было,

конечно, перевестись в филиал в другом городе, но для этого пришлось бы обратиться к Виктору, а обременять просьбами мужчину, которому ты отказала, не очень-то красиво. Короче говоря, я приняла его брачное предложение, и он увез меня в Москву.

Мы прожили вместе всего две недели. Он собирался отвезти меня в Милан на неделю высокой моды, чтобы я заказала себе свадебное платье у Альберты Феретти. Нам уже привезли билеты на самолет, но в тот же день Виктору позвонил кто-то из директоров... «Страна изобилия» была не единственной его компанией, а кризис в восьмом году гулял по всей России. В общем, Виктору пришлось срочно лететь на Урал. При этом он настоял, чтобы я все-таки отправилась в Милан и сшила себе платье. Вручил золотую карту и столько евро наличными, что они у меня с трудом влезли в сумочку. Но оставить деньги где-нибудь в отеле я побоялась, так и ходила с набитой котомкой по Милану. Когда вы упомянули «мешки с деньгами», меня как будто перенесло туда...

— Погодите, Ника, — перебил ее Игнат. — Я рассказал про них уже после того, как вы почувствовали, что память к вам возвращается. Значит, триггером послужило что-то другое. Что? Это как-то связано с вашим визитом к Подольской?

— Не знаю... Наверное. Не могу сообразить.

— Простите, ради бога! Мне не следовало вас перебивать. Что случилось в Милане?

— В Милане? Ничего. Я заказала платье и, пока его шили, гуляла по городу, ездила на экскурсии. Виктор звонил каждый день. Сначала он собирался прилететь за мной, но его империю по-прежнему лихорадило, ему приходилось мотаться из одной «горячей точки» в другую, поэтому в Москву я вернулась одна. В тот же вечер на домашний номер Виктора позвонила женщина и спросила, правда ли, что я собираюсь за него замуж. Я растерялась и ответила — да. Она назвалась его бывшей женой и сказала, что ни в коем случае не собирается меня отговаривать, но, по ее мнению, я должна кое-что узнать о своем женихе, прежде чем приму окончательное решение, и предложила приехать к ней. Я взяла такси и поехала. Мы долго колесили по какому-то жуткому промышленному району... Я и не знала, что в Москве бывают такие отвратительные места. Когда такси остановилось у нужного дома, у меня возникло сильное искушение сказать водителю: «Поехали обратно, я передумала». Но я, к несчастью, подавила этот порыв. Дверь квартиры была приоткрыта, на мой звонок женский голос из глубины крикнул: «Проходите!» Я сделала несколько шагов в темноту, и тут дверь захлопнулась. Зажегся свет, я обернулась и увидела ухмыляющегося Кешу с кастетом на руке. «Не ждала, сука?» — сказал он и, прежде чем

я успела закричать, ударил меня по лицу. Кажется, я сразу же потеряла сознание. Осталось смутное воспоминание о других ударах, но какое-то... ненастоящее, словно били не меня. Больше ничего не помню. Каким образом я попала в пещеру, в которой вы меня нашли, не имею ни малейшего представления. И вообще не понимаю, почему он меня не убил.

— Считайте, что убил. Это заброшенные пещеры, там почти никого не бывает. Я по чистой случайности оказался в нужном месте в нужное время — искал одного человека из местных, который, в принципе, мог там прятаться. А самостоятельно, связанная и избитая, вы бы от туда не выбрались.

— Но к чему такие сложности? Зачем везти меня в такую даль, рискуя нарваться на «гаишников»?

— Может быть, поэтому он вас и не убил. Везти труп действительно рискованно, а так... В крайнем случае, сказал бы, что подобрал где-то избитую женщину, едет в больницу. Даже если бы вы пришли в себя и обвинили его, последствия для него были бы не такими серьезными. Нанесение повреждений средней тяжести — не убийство. Ревность, аффект... Мог вообще условным сроком отделаться. А что касается того, почему он повез вас в такую даль, думаю, ему нужно было, чтобы ваше тело никогда не нашли, иначе он оказался бы в числе первых подозреваемых.

Я проверил и перепроверил списки пропавших без вести по всей России. О вашем исчезновении никто не заявлял. Вы же понимаете, что у этого... уroda была сообщница. Скорее всего, она позвонила или написала Виктору от вашего имени. Что-нибудь эдакое: «Я передумала выходить за тебя замуж. Это окончательное решение, не ищи меня». Даже если он и предпринял какие-то попытки вас найти, то быстро выяснил,

что вы вызвали такси и уехали совершенно добровольно. Думаю, после этого его запал быстро иссяк. А больше разыскивать вас было некому. С родственниками вы не поддерживали отношения много лет, коллеги и знакомые из Самары с вами распрощались. Этому... слов не подберу, как его назвать, нечего было бояться. Но теперь мы покажем ему кузькину мать! Ника, что с вами? — удивился Игнат, заметив, что она прикусила губу. — Неужели вы готовы его пожалеть?

— Не в этом дело, — тихо произнесла она и отвернулась.

— Простите, Ника, я осел, — догадался Игнат. — Конечно, месть не вернет вам того, что у вас отняли. Но, может быть, что-нибудь еще можно исправить? Как фамилия вашего Виктора?

— Елизаров, — ответила она, разглядывая небо за окном.

— Елизаров?! Виктор Елизаров, алюминиевый магнат?

Ника вздрогнула, напуганная его неожиданной реакцией, и удивленно посмотрела на него:

— Кажется, у него действительно есть алюминиевый комбинат. Но почему вы?..

— Девичья фамилия Оксаны Подольской — Елизарова! Свое нынешнее состояние она унаследовала три с лишним года назад — от отца, скончавшегося от сердечного приступа. Как я теперь подозреваю, этот сердечный приступ был спровоцирован... — Игнат вдруг осознал, что его попытка утешить Нику обернулась вываливанием на нее очередного трагического известия, и осекся.

— Виктор умер? — Ника потерла виски и, перехватив взгляд онемевшего Игната, вымученно улыбнулась. — Не казните себя, Ганя. Похоже, я уже за порогом чувствительности. Даже лучше, что я узнала о его смерти теперь. Можно, я немного побуду одна?

— Конечно. — Игнат встал, подошел к двери, неловко потоптался, раздумывая, что сказать на прощанье, потом, так ничего и не придумав, вышел.

У себя в кабинете он наткнулся взглядом на диктофон, повертел его в руках, включил, услышал голос Подольской и снова выключил.

Какую роль эта дамочка сыграла в истории Ники? Сообщницы? Смешно! Оксана Елизарова никогда не согласилась бы на вторые роли. Наверняка именно она все и организовала. Узнала, что у отца появилась женщина, на которой он собирается жениться, испугалась, что ее доходы в связи с этим значительно уменьшатся, и стала лихорадочно соображать, как бы расстроить этот брак. Возможно, слетала в Самару, чтобы накопать на невесту отца компромат, и наткнулась на озлобленного выродка Кешу...

Его размышления прервал стук в дверь.

— Извините, Ганя, — виновато сказала Ника, заглядывая в комнату. — Что-то мне совсем невмоготу. Я посижу с вами, хорошо?

— Конечно! Заходите!

Она вошла, села напротив и вдруг, заметив диктофон, спросила:

— И что вы думаете об убийстве Терещенко теперь? В свете моего открытия?

— То же, что и раньше. Я с самого начала знал, что у Подольской самый сильный мотив. Она, скорее всего, хотела одним ударом и от любовницы мужа избавиться, и отправить неверного за решетку. Теперь понятно, что такие условности, как мораль и закон, дамочке не помеха. Но я по-прежнему не представляю, как она могла это устроить.

— Правда?

— А у вас есть какие-нибудь идеи?

— Не то, чтобы конкретные, так, в общих чертах... — Ника помедлила, собираясь с мыслями. — Смотрите, в обоих случаях мы имеем близкого ей мужчину, посмевшего полюбить другую женщину. Оба раза убивают именно женщин. (Правда, в моем случае убийство не состоялось, но это чистая случайность, о которой Оксане неизвестно). По мужчинам их смерть бьет рикошетом, но бьет очень больно... Представляете, какую записку от моего имени дочь должна была написать отцу, чтобы у Виктора не выдержало сердце? И Подольский поплатился более чем жестоко, потеряв не только любимую женщину, но и свободу. То есть мы имеем дело с безжалостным, извращенным, жестоким умом, попросту говоря, с садисткой. В эту картину прекрасно вписывается Кеша, которого она избрала орудием убийства в моем случае. Ей не достаточно было просто моей смерти, она хотела, чтобы моими последними чувствами были унижение и ужас. Если продолжить аналогию, Анна Терещенко должна была умереть с похожими чувствами.

— То есть убийцу нужно искать среди ее близких? — Игнат задумался. — Вообще-то, очень похоже на правду, учитывая доберманов. Но как ему удалось «отключить» Подольского?

— А каким образом его отключили?

— В том-то и дело, что непонятно. Следователь вовремя не отправила его на медэкспертизу, и к врачам Подольский попал только на следующий день — прошло чуть меньше полутора суток после убийства актрисы. Следы алкоголя у него в крови еще нашли, но на этом все. Ни снотворного, ни наркотиков, ни гематом. Правда, гематома за такое время не успела бы рассосаться целиком, а вот остальное — запросто. Барбиталы короткого действия, например, полностью расщепляются в организме меньше чем за двенадцать часов. Но для того, чтобы вколоть или подсыпать наркотик в пищу Подольскому, убийца должен был к нему приблизиться, а единственные люди, с которыми наш архитектор общался после восьми вечера, это Бруно, вологодский самородок и охранники «Витрувия». Причем охранники к Подольскому не приближались. Один просто сказал из-за своей конторки «до свидания», когда шеф выходил из офиса, другой отсалютовал из будочки и поднял шлагбаум, когда Подольский выезжал со стоянки. Про вологодца я навел справки: он холост, бездетен, не имеет ни подруг, ни друзей, ни близких родственников и вот уже десять лет практически безвылазно живет при своем заводике. Учитывая, что Терещенко родилась и выросла в Смоленске, а училась и работала в Москве, я не представляю, где и как они могли бы пересечься. Что касается мадемуазель Бруно...

— Про Римму можете забыть. Она предана боссу, как самурай.

— Ну и что нам остается?

— Начать с другого конца. Найти близких друзей Терещенко.

Легко сказать — найти! Сведения, которые Игнату до сих пор удалось собрать о Терещенко, были весьма скупы. Приехала в Москву в 2000 году, с первой попытки поступила во ВГИК на актерский факультет. После окончания хваталась за любую работу, снималась в эпизодах и в массовке, играла захудалые роли в Театре киноактера. В 2008 снялась в малобюджетном фильме Адибы Мансуровой «В бреду». Признания широкой публики фильм не снискал, но, как это иногда бывает с малобюджетными и малопонятными лентами, имел успех у критиков и тонких ценителей. После него Терещенко предложили главную роль в новом мелодраматическом сериале, который, напротив, совершенно не вдохновил критиков и тонких ценителей, но весьма полюбился пенсионеркам и домохозяйкам. Анну начали узнавать в лицо, более того, приставать на улицах и в публичных местах с просьбами об автографе.

Но, по свидетельству коллег, проявления народной любви Терещенко не радовали. Для актрисы у нее был совсем нетипичный характер — замкнутый, сдержанный, серьезный. Она никого не пускала в свою жизнь, не любила праздных разговоров и пустого времяпрепровождения, а на светские тусовки ходила, только если от этого никак нельзя было отвертеться.

На одной из таких тусовок с ней и познакомился Подольский, тоже не любивший подобных развлечений. Эти двое сразу разглядели друг в друге товарищей по несчастью и смылились вместе, как только позволили приличия. А через неделю Анна переселилась в демонстрационный коттедж фирмы «Витрувий», и в актерской среде мгновенно распространился слух о ее любовной связи с архитектором.

Имела ли она любовников раньше? На этот вопрос однозначного ответа не было. До сих пор отсутствие сведений о прежних связях жертвы не особенно беспокоило Игната. Но открытие Ники и параллели, которые она провела между своей историей и гибелью Терещенко, его убедили: похоже, что актрису убил близкий ей человек.

Игнат связался с несколькими фрилансерами-актерами, к услугам которых не раз прибегал в прошлом, и поручил им найти кого-нибудь из старых друзей Терещенко. Должен же существовать на свете хоть один человек, которому она доверяла! Кто-нибудь, с кем она училась во ВГИКе, делила комнату в общежитии, кому поверяла свои мечты и девичьи тайны. В двадцать девять лет женщина, в принципе, может обойтись без близких друзей, но в семнадцать-двадцать — едва ли.

Однако агенты, пущенные Игнатом по следу, такого человека отыскать не смогли. Получив их отчеты и не увидев ни единой зацепки, Игнат приуныл. В последние дни настроение у него и так было неважным — из-за Ники, которая за-

крылась у себя в комнате, как мидия в раковине. А тут еще и расследование окончательно застопорилось. Игнат не хотел признаваться себе, но, похоже, за последние три года он отвык работать в одиночку. Вернее, не то чтобы отвык, просто понял, что идеи гораздо легче приходят в голову, когда их есть с кем обсудить. Раздумывая над загадкой убийства Терещенко, он все чаще ловил себя на желании отложить на время это дело и заняться поисками Кеши. Посадить его, скорее всего, не удастся (одних показаний Ники не достаточно, а вещдоков и свидетелей теперь не найти), зато устроить ему инвалидность — милое дело. Игнат уже всерьез прикидывал, как бы невзначай выспросить у Ники его фамилию, потом сообщил, что вполне может обойтись своими силами, просто ему нужен предлог, чтобы выманить Нику из комнаты. К счастью, прибегать к хитростям не потребовалось: Ника вдруг появилась в его кабинете сама.

— Ганя, простите меня! Я вела себя по-свински. — Она подняла руку, предупреждая его протест. — Знаю, вы, по доброте душевной, готовы меня оправдать, но мне сейчас нужно другое. Просто дайте мне возможность себя реабилитировать и помогите разобраться с Подольской, хорошо? Я жажду крови.

— Мне нравится ваш настрой, — ответил Игнат, пытаясь убрать с лица неуместную ухмылку. — Но это еще вопрос, кто кому будет помогать. Если помните, Подольский мой клиент, и «прищучить» мадам, отправившую его за решетку, — мой прямой долг. А в данном конкретном случае я вполне его с особым удовольствием.

— Пардон, шеф, я вовсе не собиралась претендовать на ваше кресло! — с притворным испугом воскликнула Ника, а потом добавила — тихо, но с чувством: — Мне все равно, кто под каким номером будет выступать, главное, чтобы мы до нее добрались.

— Тут есть сложности, — признался Игнат, потеряв переносицу. — Если мадам и на этот раз не стала марать кровью собственные ручки, то добраться до нее можно только через сообщника, который и убил Терещенко. Мои агенты опросили буквально всех московских знакомых убитой, но никакого намека на то, что Терещенко была с кем-либо близка до знакомства с Подольским, не нашли. Словом, либо этот «близкий» остался в смоленском прошлом Анны, либо мы с вами ошиблись, и его попросту не существует. В последнем случае Подольская использовала для убийства постороннего Терещенко персонажа.

— Вы же не думаете, что она попросту наняла профессионального киллера? на этот раз непритворно испугалась Ника.

— Нет, это исключено! — успокоил ее Игнат. — С кем-то из двоих — с Терещенко или с Подольским — убийца должен быть хорошо знаком. Ан-

на открыла ему ворота, а потом он ушел через двор, где свободно бегали доберманы. Я допускаю, что девушку могли обмануть при помощи машины и телефона архитектора, но собак-сторожей убедительной сказкой не проведешь. Они слушались только хозяйку и тех, кому она делегировала свои хозяйские полномочия, — домработницу, Подольского и, возможно, того самого «близкого», который ее убил.

— А кинолога, который их обучал?

— Обижаете, Ника! Кинолога и домработницу я проверил в первую очередь. У обоих на вечер третьего вполне приличное алиби.

— И что же мы теперь будем делать?

— Мы еще не беседовали со вторым компаньоном Подольского, с Воробьевым. Возможно, он даст какую-нибудь зацепку. Собственно, с ним следовало поговорить еще четыре дня назад, когда он вернулся из Валдая, но... — Игнат бросил на Нику смущенный взгляд. — Сам я по части разговоров не силен, а доверить агентам такое ответственное дело поостерегся. Вообще-то они неплохо справляются, но с вами не сравнить. Никто из них так не располагает к откровенности и не обладает вашей удивительной интуицией.

— Тогда выдайте мне диктофон и благословение, — шутливо попросила Ника, стараясь не показать, до какой степени она польщена и расстроена этим признанием.

— Я сделаю больше. Я вас отвезу.

Второй компаньон Подольского совершенно не походил на первого. Если Петр Серегин был хмурым гигантом, молчаливым и неторопливым, то Антон Воробьев действительно напоминал воробья — маленький, взъерошенный, непоседливый и суетливый. Но эта суета не раздражала, скорее, умиляла. Ника поймала себя на мысли, что в обществе этого смешного человечка чувствует себя на редкость уютно.

— Ужасно! Просто ужасно! — бегал по комнате Воробьев, заламывая руки. — Вы не представляете, какой это абсурд! Чтобы Леня когда-нибудь поднял руку на женщину! Спьяну! Вы знаете, он в жизни не напивался. Даже когда мы были студентами. Стакан водки — его абсолютный предел, больше душа не принимает. У Лени с молодых ногтей манеры герцога, он просто не может проглотить сверх меры ни рюмки, организм противится. И они будут меня уверять, будто он приехал на любовное свидание, ужрался до невменяемости и заколол женщину ножом? Да я скорее поверю в перелетных свиней! Ника, уверяю вас, это чудовищная подстава! Вы должны что-нибудь сделать, чтобы спасти Леонида!

— Мы пытаемся.

Воробьев резко оборвал свой бег, сел за рабочий стол и заговорил уже безо всякой патетики:

— Кажется, я веду себя как истеричка. Извините, впредь буду держать себя в руках. Так о чем вы хотели меня спросить?

— Вы лично знали Анну Терещенко?

— Нет. Я и имя-то ее впервые прочел в скандальной хронике. Жена подсунула какой-то журнал, смакующий подробности личной жизни разного рода знаменитостей. Омерзительное чтение! «Неприступная красавица Анна Терещенко, играющая Кристину в популярном одноименном сериале, пала жертвой чар известного плейбоя и самого модного архитектора столицы. Как нам стало известно из достоверных источников, актриса недавно сменила место жительства, переехав в загородный особняк неотразимого Леонида Подольского, мужа Оксаны Елизаровой, имя которой входит в первую сотню самых состоятельных людей России». Чувствуете, сколько гнусных намеков тут рассыпано? Богатенькая Оксана купила себе мужа, сделавшего профессиональную карьеру через постель, а тот, в свою очередь, купил на деньги жены благосклонность актрисы, изображавшей неприступность.

— И все это — ложь?

— Если бы! В том-то и дело, что ложь приправлена изрядной толикой правды. И поди, отдели одно от другого. Женщины вокруг Леонида действительно вились, сколько я его помню. Такая уж у него счастливая внешность плюс повадки безукоризненного джентльмена — внимательного, любезного, слегка ироничного и такого, знаете, холодноватого. Да мы от этого сочетания натурально теряют голову. Но имя себе Леня сделал исключительно трудом и талантом — он классный архитектор, правда, классный. Заметьте, заказы, которые он выполняет, оплачивают не очарованные им дамочки, а их суровые мужья. Деловые люди ужасно не любят, когда их держат за лохов. Как вы думаете, стали бы они развязывать

кошельки, если бы Леня крутил с их женами шашни? Да ни в жизнь! А у него отбоя не было от заказчиков, когда мы в ДИПе еще работали.

— ДИП — это фирма, где вы начинали? — уточнила Ника.

— Ну да. «Дома по индивидуальным проектам, лимитед». Владелец — жлоб страшный, но Подольского ценил. Чуть все волосы на себе вырвал, когда Леня объявил, что уходит. И не просто уходит, а открывает собственное дело.

— На деньги Оксаны Елизаровой?

— Вот видите, и вы — туда же! — фыркнул Воробьев. — Да, если в двух словах, то на деньги Оксаны Елизаровой. А если изложить историю целиком, то картина выйдет совсем другой. Но кого интересует полная картина?

— Меня интересует, — твердо сказала Ника.

— Что ж, тогда — пожалуйста! Елизарова пришла в ДИП по рекомендации подруги якобы за проектом виллы на Рижском взморье. На самом же деле явилась по Ленину душу, чего не очень-то и скрывала. Она решила утереть нос по уши влюбленной в Подольского подруге, завоевав приз, которого той так и не удалось добиться.

В успехе она не сомневалась ни минуты. Еще бы: Оксана Елизарова, алюминиевая принцесса и свободная женщина — это вам не какая-нибудь жена мясного князька. Известно ведь, что купить можно кого угодно, нужно только предложить правильную цену, и «принцесса» была уверена, что уж у нее-то средств хватит. Но с Подольским этот номер не прошел. Купеческий напор вызвал у Лени такое неприятие, что он даже отбросил свои джентльменские манеры и объявил открытым текстом, что не продается.

Надо отдать ей должное: она сумела проглотить эту пилюлю, признать свое поражение, перегруппироваться и сменить тактику. Если прежде Подольский был для нее желанной дорогой игрушкой, то после скандального объяснения она начала

видеть в нем человека. Более того, человека равного, а может, в чем-то и превосходящего ее — несмотря на прискорбное отсутствие капитала.

В общем, хотя Оксана и не сняла осаду, но это была уже совсем другая осада, выдержанная по всем правилам любовной науки. Только Ленька, наверное, все равно не сдался бы, если бы не смерть ее отца. Оксана так убивалась по папеньке, что сердце у Лени дрогнуло. От жалости, конечно, но Оксане этого хватило. Почувствовав слабину, она его дожала, и он так сделал ей предложение, но при этом жестко оговорил, что жить будет только на личные доходы. Деньги, которые она ему предлагала на покупку собственной фирмы, возьмет в долг и отдаст с процентами. И будьте уверены, Ленька действительно отдаст ей все до копейки. Года через два, если дела не пойдут хуже. Он уже больше половины выплатил.

— Да, вы правы. В полном изложении эта история выглядит совсем иначе. А как сложилась семейная жизнь Подольских?

— Чего не знаю, того не знаю, — развел руками Антон. — Леонид свои интимные дела никогда не обсуждает. Говорю же — джентльмен! История его женитьбы известна мне только потому, что все это происходило у нас на глазах. О его семейной жизни, а также о прежних и последующих его увлечениях я могу только догадываться. Может быть, Римма или Серегин знают больше. Допускаю, что с ними Леня бывает несколько откровеннее, чем со мной. У меня, видите ли, репутация болтуна, тогда как эти двое вполне могли бы служить в разведке.

— Если они что-нибудь и знают, то мне об этом не сказали. Петр Серегин был настолько скрытен, что даже отказался сообщить, где провел вечер третьего и ночь с третьего на четвертое.

— Вы подозреваете, что за убийством Лениной девушки стоит Пит? — Воробьев неожиданно развеселился. — Бросьте, Ника! Это самая большая нелепость, которую только можно себе представить.

— Антон, если мне не изменяет память, то в начале нашей встречи вы сами произнесли слово «подстава». А вам не приходило в голову, что подставить Подольского таким образом мог бы только очень близкий ему человек? Тот, кто имел возможность в тот вечер подсыпать Леониду снотворное и привезти его в коттедж с историей достаточно правдоподобной, чтобы Терещенко открыла ворота. Тот, кто настолько хорошо знал систему обеспечения безопасности, что сумел заменить настоящую видеозапись поддельной и при этом не оставить следов. Вы не думаете, что Серегин лучше кого бы то ни было подходит под это описание?

— Не знаю, как вам объяснить, Ника... — Воробьев сразу стал серьезным. — Я не мастак рассуждать о тонких материях, но в силу своего внутреннего устройства Петя Серегин не способен никого подставить. Он для этого

слишком... монументален. И уж совсем нереально, чтобы он подставил Подольского. Леонид — его друг, понимаете? Для таких мужиков, как Пит, дружба — это основа. Как вода, воздух, свет или почва под ногами. А основам не изменяют.

Дойдя до места, где Воробьев рассказывал, каким образом Оксана «продала» брак с Подольским, Игнат остановил запись и с тревогой посмотрел на Нику:

— Как вы?

— Пережила, как видите, — усмехнулась она. — Знаете, Ганя, эта женщина вызывает у меня ужас, смешанный с восхищением. Не женщина, а машина зла какая-то! Механизм с запредельным КПД, способный поразить одной стрелой даже не две, а сразу три мишени. Одним ударом избавиться от претендентки на руку, сердце и будущее наследство отца, отхватить это самое наследство и разжалобить сиротской слезой неприступного мужика до готовности вступить в брак — вы сталкивались когда-нибудь с такой гениальной комбинацией? Я начинаю опасаться, что она нам с вами не по зубам.

— Погодите предаваться пораженческим настроениям, Ника. Мы еще не все патроны расстреляли.

Игнат дослушал запись до конца, посидел минут в задумчивости, потом спросил:

— Вы согласны с ним насчет Серегина?

— Вплоть до метафоры, — кивнула Ника. — Воробьев использовал слово «монументальный», обратили внимание? А я, побеседовав с Серегиным, помнится, подумала, что имя ему необыкновенно подходит. Петр-камень. Монолит, который, в принципе, может дать трещину и рухнуть, но не может изогнуться. Терещенко же явно убил изворотливый парень, умеющий врать и притворяться, причем притворяться достаточно убедительно, чтобы обмануть профессиональную актрису.

— А что вы скажете о самом Воробьеве?

— За Воробьева я бы не поручилась, — задумавшись, ответила Ника. — В смысле, не поручилась бы, что он не умеет врать. Но знаете, мне совершенно не хочется верить, что Антон — предатель и убийца. От него так и веет уютом. Если Подольский в этой троице лидер, а Серегин — опора, то Воробьев, должно быть, душа компании. А почему вы спросили, Ганя? У вас появились сомнения насчет его алиби?

— Ну, стопроцентным я бы это алиби не назвал. При опознании по фотографии всегда есть риск ошибиться. Кроме того, и девушку, дежурившую в ту ночь, и администратора мотеля можно было подкупить. В Валдайских предместьях Воробьев появился только к полудню, и я бы занялся его алиби всерьез, если бы всплыл хоть малейший намек на то, что он был знаком с Терещенко. Похоже, Ника, вам все же придется прокатиться до Смоленска, может быть, хоть там найдутся какие-нибудь концы. Если Терещенко переписывалась с родными или друзьями юности, неплохо бы взглянуть на ее письма. Трудно поверить, что у нее не было ни одного доверенного лица в этом мире. Бывает, конечно, и такое, но для молодой женщины публичной профессии это весьма нетипично, если не сказать странно. Поэтому, пока не доказано обратное, предлагаю считать, что «конфидент» у Терещенко все-таки был, возможно, в Смоленске. Вы его поищете, а я тем временем попробую нажать на Серегина.

Отправляясь в Смоленск, Ника не рассчитывала на удачу. Она не стала ничего говорить Гане, но ее несколько не удивлял тот факт, что молодая женщина публичной профессии избегала доверительных отношений. Ника по собственному опыту знала, чем может объясняться такая закрытость. Скорее всего, у юной Ани тоже была какая-то мучительная, постыдная тайна, которую девочка однажды решила доверить самым близким людям, а те предали ее доверие, обвинили во лжи или взвалили на нее чужую вину. Человек послабее, получив такую душевную травму, становится пациентом психиатра, но Терещенко, видимо, была сильной личностью и сумела выстоять. Только людям доверять перестала и выбрала ремесло, требующее постоянного перевоплощения — то есть жизнь в чужих обличиях, подалее от самой себя.

Так что найти в Смоленске доверенное лицо Терещенко Ника не надеялась. Разве что удастся раскопать ту давнюю историю, которая отвратила Анну от близких отношений.

Начать свои поиски Ника решила со школы, которую заканчивала Терещенко. Во-первых, если ее догадка насчет предательства верна, то наиболее вероятными претендентами на роль предателей были родители Ан-

ны, и, следовательно, именно их она стала бы посвящать в свои дела в последнюю очередь. Вторых, с момента гибели Терещенко прошло совсем немного времени, и родителям — виноваты они в чем-либо перед дочерью или нет — сейчас наверняка невыносимы любые упоминания об убийстве.

Ника разыскала бывшего классного руководителя Анны Маргариту Евгеньевну Осипову и уже через час располагала самыми подробными сведениями о характере, способностях, предпочтениях и привычках девушки, в последний раз переступившей школьный порог больше десяти лет назад. Вот только сведения эти настолько противоречили портрету покойной актрисы, составленному со слов ее московских знакомых, что у Ники несколько раз возникало искушение уточнить, действительно ли об Анне Терещенко идет речь.

По словам Маргариты Евгеньевны, Аня была очаровательным ребенком, неугомонным и жизнерадостным. При полном отсутствии злокозненности, учителям она «давала жару», поскольку бьющая из нее ключом энергия плохо сочеталась с требованиями школьной дисциплины. Но даже самые строгие из педагогов любили девочку — за доброту, отзывчивость и открытость.

— Она так светилась от любого доброго слова, так искренне огорчалась, когда ее отчитывали! Знаете, бывают лица, по которым видно буквально каждое движение души. Вот у Анечки было именно такое. Мы все поразились, когда узнали, что она поступила на актерский, во ВГИК. Некоторые даже засомневались, не дурачила ли она нас все эти годы. Но разве можно притворяться столько лет, чтобы никто — ни родители, ни товарищи, ни учителя — даже не заподозрил истины? В общем, по зрелом размышлении, все согласились, что приемную комиссию, должно быть, покорила бьющая через край жизнерадостность Анечки, ее живая мимика, ее задор.

— Вы знали, что она собирается поступать во ВГИК?

— Подозреваю, она и сама этого толком не знала. Аня была увлекающейся натурой, ей все было интересно, всего хотелось попробовать. Не от разболтанности, а от жажды жизни, от желания объять необъятное. Сегодня она мечтала стать врачом, завтра — журналистом, послезавтра — психологом, потом ветеринаром. Помнится, что чаще в верхних строках ее списка оказывались профессии врача и ветеринара. Но это, возможно, потому, что я сама биолог. Нина Васильевна, преподаватель литературы, уверяла, будто последним Аниным выбором была журналистика. А вот про ВГИК речи, вроде бы, не заходило. Думаю, Аня отнесла туда документы, поддавшись внезапному порыву. Это вполне в ее духе, она была девушкой импульсивной.

— Но не скрытной?

— Нет, что вы! У нее, похоже, вообще не было секретов. Говорю же, вся как на ладони, и очень доверчивая.

— А в старших классах? Когда пришло время сердечных тайн?

— Знаете, Аня в этом отношении была довольно инфантильной. К ней многие мальчики проявляли интерес, и это ей, несомненно, нравилось, но выбрать кого-нибудь одного она не торопилась. Так бывает с домашними девочками, выросшими в хорошей семье. Они не спешат взрослеть, потому что им хватает любви дома.

— Аня дружила с родителями?

— О да! Очень их любила и гордилась ими. А они — ею. — Маргарита Евгеньевна помрачнела: — Не представляю, как они пережили ее смерть. Я все собираюсь зайти к ним, выразить соболезнования, но, честно говоря, боюсь. Такое горе!

— Аня их единственный ребенок? Братьев и сестер у нее нет?

— К сожалению, нет.

— А с кем из одноклассников она дружила?

— Да, в общем-то, со всеми. Но ближе всего, пожалуй, с Ирой Агафоновой. Они сидели за одной партой чуть ли не с первого класса.

Узнав, что Агафонова по-прежнему живет в Смоленске, Ника взяла у Маргариты Евгеньевны адрес и номер телефона Ирины, но все же решила в первую очередь повидаться с родителями Терещенко.

Дверь открыла мать Анны. На лице ее была такая отрешенность, что Ника засомневалась, понимает ли эта несчастная женщина, о чем с ней говорят? Когда незваная гостья представилась и объяснила, что привело ее в Смоленск, единственной реакцией Натальи Андреевны был шаг в сторону — безмолвное приглашение войти в квартиру.

Ника вошла и поискала глазами главу семьи. Не получив отклика на свою вступительную речь, она не знала, как вести себя дальше, и надея-

лась, что появление Николая Львовича прервет мучительную паузу. Но его, по всей видимости, не было дома. Минуту или две Наталья Андреевна стояла и смотрела на гостью невидящим взглядом, потом, будто опомнившись, извинилась и предложила пройти в комнату.

Взгляд Ники сразу привлек стол, заваленный фотографиями. Решив, что это единственный способ вовлечь убитую горем мать в разговор, девушка под села к столу и принялась перебирать снимки. Ее расчет оправдался. Наталья Андреевна придвинула стул и заговорила, не обращая внимания на бегущие по щекам слезы:

— У Анечки было много друзей. Она добрая, веселая, отзывчивая, легко сходилась с людьми и никогда ни с кем не ссорилась. Спорила — да, бывало, и частенько, но если видела, что задела или расстроила человека, тут же уступала. Никак в голове не укладывается, что моя девочка погибла по чьей-то злой воле. Таких не убивают, не должны убивать! Говорите, ее... друг не признается? Я ему верю. Приличный человек, архитектор, не мальчик уже, не алкоголик, не наркоман... Ну, допустим, напился, но не отморозок ведь, чтобы без причины бросаться на девушку с ножом! Раз Анечка его любила, она никогда не сделала бы и не сказала ничего такого, от чего он мог прийти в ярость.

— Вы знали об ее романе с Леонидом Подольским? — осторожно спросила Ника.

— Нет, не знала, — судорожно вздохнула Наталья Андреевна. — Анечка ничего не говорила о своей личной жизни. Я все беспокоилась, почему она мальчиками не интересуется, думала, может, мы виноваты? Как-то неосознанно внушили ей, что секс — это нехорошо... Ведь ей уже двадцать девять исполнилось, пора семью заводить, а у нее до сих пор никого нет — так я считала. Напрямую-то не спрашивала, не хотела быть бестактной, но думала, раз Аня молчит, значит, не о

чем ей рассказывать. У нее ведь раньше не было секретов от нас с Колей. А тут, выходит, появились... — Она спрятала лицо в ладонях. — Ох, отобрала мою доченьку проклятая Москва!

— Аня часто вас навещала?

— В том-то и беда, что совсем не навещала! — Наталья Андреевна отняла руки от лица, и скорбь на миг сменилась возмущением: — За двенадцать лет ни разу домой не наведася! Как только поступила в институт, сразу бросилась искать работу. Зачем, спрашивается? Мы, конечно, не богачи, но неужели не прокормим единственного ребенка? А она смеялась, говорила: ты не представляешь, мамочка, какие мы, студенты, проглоты! Дескать, теперь наших доходов на ее прокорм точно не хватит. А уж как закончила свой ВГИК, так и вовсе ее закрутило. Снимать в Москве жилье — удовольствие дорогое, и Аня хваталась за любой приработок. По десять, по двенадцать, по четырнадцать часов в день вкалывала, практически без выходных. Иной раз приедем мы с Колей к ней на недельку, и хорошо, если за эту неделю хоть несколько часов удастся побыть вместе. Говорю же, отняла Москва у меня девочку...

— Она поддерживала отношения с кем-нибудь из школьных друзей, когда уехала в Москву?

— Насколько я знаю, да, но не близкие. Время от времени я встречала ее школьных подружек. Они спрашивали, как у Ани дела, и жаловались, что она о себе почти не пишет, шлет только поздравительные открытки.

— А с Иррой Агафоновой?

— Ирину я давно не видела. Уж и не помню, когда в последний раз. Не знаю, может быть, ей Анечка что-нибудь и писала. В школе они были неразлей вода. Даже когда у Иринки появился ухажер — там был серьезный роман, они с Гришей Гольцовым собирались пожениться, да что-то не сложилось, — она мою Анечку таскала за собой на свидания. Не одну, конечно: приглашали дочке кавалера из числа Гришиных друзей, но все равно удивительно. Казалось бы, зачем тебе подружка, если ты встречаешься с любимым человеком?

— Ане для этих совместных свиданий приглашали одного и того же кавалера?

— Нет, кавалеры менялись. Всего, по-моему, их было трое или четверо. В любом случае, никем из них Анечка не увлеклась.

— А имен вы не помните?

— Это вы лучше у Иринки спросите. Или у Гриши. Нет, у него не получится, он теперь живет в Петербурге... Подождите! Одного из кавалеров я, кажется, вспомнила. Как раз, последнего. Они еще после выпускного вечера ездили к нему на дачу. Игорь Белькевич.

— Он учился с Аней в одном классе?

— Нет, в параллельном. А теперь в полиции служит — у нас, в Смоленске. Марина Сергеевна, Анечкина учительница математики, как-то упомянула о нем при встрече. Сказала, что Игорь не забывает школу, несколько раз серьезно выручил директора, когда с кем-то из учеников случались неприятности. Так что у директора наверняка есть координаты Белькевича. Но мне трудно поверить, что Анечка поддерживала с ним связь. Во всяком случае, до отъезда в Москву она не проявляла к нему особенного интереса. А после... не знаю. Поговорите с Ирой, может быть, ей известно больше. Хотите, я поищу ее телефон?

— Спасибо, у меня есть, в школе дали. Наталья Андреевна, я разговаривала с классным руководителем, и она сказала, что для учителей поступление Ани во ВГИК было полной неожиданностью. А вы с мужем знали, что она собирается подавать туда документы?

— Ох, и не спрашивайте! — Наталья Андреевна махнула рукой, и на лице ее отразилась досада, смешанная со смущением и, как ни странно, гордостью. — Аня долго не могла выбрать профессию: все ее в разные стороны тянуло, то в ветеринары, то в психологи, то в журналисты. Но к концу одиннадцатого класса вроде определилась — решила в журналистику пойти. А после выпускного вечера вдруг передумала. Хочу, говорит, во ВГИК, на актерский. Я прямо за голову схватилась: ну что это за профессия — актриса кино? Известности добиваются десятки, а остальные всю жизнь играют в эпизодах и получают гроши. А конкурс туда какой! Но все мои доводы об это ее коронное «хочу, хочу, хочу!» разбились. Поцеловала меня, тут же начала собирать вещи и укатила в одночасье, не успев никому сказать, куда надумала поступать. А мы с Колей помалкивали, потому что были увере-

ны: не поступит. Говорят, там среди девушек конкурс — сто человек на место. Ну, мыслимое ли дело, чтобы девчонка из провинции, причем безо всякой подготовки, такой прошла? А она взяла и поступила. Выходит, недоценили мы Анечку, не разглядели ее таланта...

Распроцававшись с Натальей Андреевной, Ника достала мобильник, набрала номер Агафоновой, но услышала короткие гудки. Повторив попытку несколько раз с тем же результатом, решила поехать без предупреждения. Раз телефон занят, дома кто-то есть, а значит, ей, по крайней мере, скажут, где можно найти Ирину. Ника взяла такси, назвала водителю адрес и уже через десять минут звонила в нужную квартиру.

Дверь открыла высокая темноволосая миловидная женщина.

— Добрый день, — поздоровалась Ника. — Я бы хотела поговорить с Ириной Агафоновой.

— Это я...

— Меня зовут Ника, я частный сыщик из Москвы. По поручению клиента проясняю обстоятельства гибели Анны Терещенко.

Что-то промелькнуло в темных зеленовато-карих глазах ее визави. Страх? Злость? Жгучая обида? Зависть? Она не успела понять — слишком мимолетным было виденье. Лицо Аниной школьной подруги тут же приняло подобающее скорбное выражение, но с этой минуты Ника знала: Агафоновой верить нельзя.

— Ужасная судьба! Я просто глазам своим не поверила, когда прочла в Интернете. Если бы кто-нибудь в одиннадцатом классе сказал мне, что Аню через десяток лет зарежет любовник, я бы подняла этого «пророка» на смех. — Ирина отступила к стене и открыла дверь пошире: — Проходите, пожалуйста, не разговаривать же на пороге. Я, правда, не понимаю, чем могу помочь...

Ника шагнула в квартиру, оставив последнее замечание без ответа. Более того, сняла плащ, показывая тем самым, что рассчитывает на долгий разговор. Вероятно, Агафоновой это не слишком понравилось, но роль любезной хозяйки не позволила ей проявить недовольство. Приняв у гостьи плащ и повесив его на плечики, она провела Нику на кухню и предложила чаю. Ника поблагодарила, но отказалась. Ей нужно было видеть лицо Ирины во время беседы, а организация чаепития давала хозяйке замечательную возможность уклониться от пристального наблюдения, при необходимости взять нужную паузу, а то и вовсе переключить разговор на рекламу домашнего варенья или обсуждение способов заварки чая.

— Вы общались с Анной после того, как она уехала в Москву?

Этот, казалось бы, простой вопрос явно вызвал у Агафоновой затруднение. Она отвела глаза, протянула зачем-то руку к солонке, повертела в руках, переставила и, наконец, ответила словно бы через силу:

— Нет. Аня мне пару раз написала — вскоре после своего отъезда. Я... У меня тогда было паршивое настроение. Я рассталась со своим парнем.— Ирина усмехнулась. — По молодости это кажется концом света, не правда ли? В общем, я ей не ответила, и она перестала писать. А потом... мне несколько раз приходило в голову связаться с ней, но... Это было трудно, понимаете? Она могла подумать, что я молчала, потому что завидовала ее поступлению во ВГИК. Почему-то эта мысль казалась ужасной, невыносимой... А когда до меня, наконец, дошло, что я веду себя как идиотка, по телеку начали показывать «Крестину» с Аней в главной роли. Как бы я выглядела, если бы попыталась возобновить с ней отношения после того, как она стала знаменитостью? Короче говоря, я не имела от Ани известий больше десяти лет, поэтому ничем не могу помочь в вашем расследовании.

Ника хотела спросить, с кем из одноклассников, учителей или просто общих знакомых Анна могла поддерживать связь, но неожиданно для себя задала совсем другой вопрос:

— А почему вы расстались со своим молодым человеком? Это никак не связано с Аней?

Ирина вздрогнула, лицо ее на миг стало злым, а потом вдруг утратило всякое выражение, и она ровным голосом ответила:

— Нет. Это никак не связано с Аней. И это не ваше дело. Уходите. Я больше не стану с вами разговаривать.

Выйдя на улицу, Ника достала мобильник, чтобы позвонить Игнату и сообщить ему, что она, похоже, нашла особу, которую Подольская могла взять в сообщники. Теперь нужно выяснить, не встречалась ли Оксана с Агафоновой и не приезжала ли последняя в Москву. Телефон Игната был отключен. Ника поймала машину и попросила водителя отвезти ее в интернет-кафе или в почтовое отделение, откуда можно отпра-

вить электронное письмо. По дороге она размышляла, что могло произойти между подругами почти двенадцать лет назад, и в какой-то момент на нее снизошла догадка. Да, именно так все и должно было быть, это все объяснило бы... Но тогда сообщник Подольской, скорее всего, не Агафонова, а другой человек... И соваться к нему опасно. Как же его проверить?

Обдумывание тактики разговора с Серегиным заняло у Игната не много времени. Если Ника и Воробьев не ошибаются в своей оценке, Петр Серегин прям и незатейлив, как рельс, а значит, и говорить с ним нужно прямо и незатейливо. Без нажима, пафоса и гипербол.

Он сидел в машине и ждал, когда Серегин выйдет из подъезда своего дома. Замдиректора фирмы «Витрувий» на работу явно не торопился, должно быть, переждал утренние «пробки». Наверное, с точки зрения экономии времени, было бы гораздо эффективнее «ловить» его дома или в офисе, но оба этих варианта сыщик отмел. Ника и два агента Игната трижды пытались выжать правду из компаньона Подольского, на четвертый раз Серегин за просто может озвереть и выставить очередного приставалу, не слушая доводов, тем более, что силы ему не занимать. На улице шансов завязать разговор больше: открытое пространство дает ощущение свободы, и у Серегина не должно возникнуть ощущение, что его пытаются загнать в угол. Только бы успеть сказать главное прежде, чем он сядет в машину.

Игнат уложился в семь фраз и в семьдесят метров, которые Серегину нужно было пройти от крыльца до своего «Пежо». «Здравствуйте. Я сыщик, ищу убийцу Анны Терещенко. Не сомневаюсь, что убийство организовала Оксана Подольская, но доказательств у меня нет. Она уже провела один раз похожий фокус и ушла без наказанной. Если вы будете продолжать отмалчиваться, Подольского осудят. Без вариантов».

Услышав имя Оксаны Подольской, Серегин замедлил шаг, а на последней фразе посмотрел Игнату в лицо, подумал, кивнул на свою машину и сказал: «Садитесь».

— Где вы были вечером третьего и в ночь с третьего на четвертое? — не мудрствуя лукаво, сходу задал Игнат ключевой вопрос.

— В городской квартире Подольских. С Оксаной, — столь же прямо ответил Серегин.

Сыщик поперхнулся. Под его изумленным взглядом Серегин покраснел, однако ни оправдываться, ни объясняться не считал необходимым. Игнат сообразил, что правду из этого истукана придется вытягивать, сам он ничего не расскажет.

— У вас с Оксаной интимная связь?

— Да.

«Вот тебе и мужская дружба — основа основ! Выходит, Воробьев обманулся, и Ника тоже. Если человек способен завести интрижку с женой друга, отчего бы ему не навесить на этого самого друга убийство? Стоп! Что-то тут не так. Если Серегин убил Терещенко и организовал себе алиби с помощью Оксаны, зачем он признается в интрижке? Ведь само это признание выдает мотив и полностью обесценивает его алиби. Нет, скоропостижных выводов делать нельзя. Сначала надо разобраться до конца в этой альковной истории».

— Давно?

— Три месяца.

— И кто был инициатором?

На этот раз Серегин несколько помедлил с ответом.

— Оксана.

— И как же она проявляла инициативу? Кокетничала? Строила глазки? Или под фальшивым предлогом заманила вас в уединенное местечко?

— Нет, — отвел глаза Петр. — Она позвонила мне по телефону. Сказала, что Леня сделал из нее всеобщее посмешище. Что о его... любовной связи — она выразилась хлеще — голосит вся «желтая» пресса. Что она намерена отплатить ему той же монетой, и выбрала меня орудием мести. А если я откажусь, она пустит нашу фирму по миру, оберет Леонида до нитки и закабалит до конца жизни.

— И что вы ей ответили?

— Сначала — ничего. Промолчал. Она сама закончила разговор, сказав, что дает три дня на размышление.

— Послушайте, Петр, вы же видите, я не отстану, пока не узнаю все. Не хотите сэкономить время и рассказать мне эту историю без пауз, не заставляя меня бомбардировать вас вопросами?

Серегин вздохнул и потянулся к бардачку за сигаретами.

— Ладно. Только давай на «ты», мне так проще. Я поехал к Лене и все ему выложил. Спросил, может ли его жена нас разорить, или это пустая угроза? Он ответил, что может. Большая часть наших клиентов вращается в том же кругу, что и Оксана. Многие связаны с ней деловыми интересами и не захотят с ней ссориться. А если «Витрувий» станет убыточным, Леня не сможет выплачивать проценты за предоставленный Оксаной кредит. Она подаст на него в суд... Ну, и обдерет, как липку. Я спросил, что же нам делать. Ленька сказал — не париться, нас везде примут с радостью. А не примут, так поедем работать за границу. Куда-нибудь, куда Оксаныны ручонки не дотянутся.

Серегин прикурил, затянулся и надолго замолчал.

— И что же дальше? — не выдержал Игнат. — Ты подумал-подумал, и решил, что связь с Оксаной — лучший выход?

— Ну... да. Я нормальный мужик, без всяких там духовных запросов, и к сексу отношусь соответственно. Хочет баба — отчего бы ее не уважить? Тем более что баба красивая, а Лене это все до лампочки.

— Он тебе об этом сказал, или ты сам пришел к такому выводу?

— Ты что же, думаешь, я тайком от Леньки с Оксаной закрутил? — с обидой посмотрел на Игната Серегин. — За мерзавца и полного кретина меня держишь?

— Почему за кретина? — не понял Игнат.

— Оксана же ясно сказала, что собирается отплатить Леньке той же монетой. Значит, собиралась растрезвонить о нашей связи, чтобы новость попала во все таблоиды. Какой же смысл мне от Лени таиться, если он все равно через неделю-другую узнал бы?

— И как он же отнесся к твоему намерению?

— Сначала удивился. Спросил: «А тебе не противно?» Я объяснил все про свою примитивную животную натуру, он засмеялся, хлопнул меня по спине и сказал что-то вроде «аванте». Дал добро, в общем.

— А почему же тогда ты отказывался говорить, где был той ночью?

Серегин, который только что выглядел вполне расслабленно, вдруг померчал и закрылся, как устрица. Долго молчал, потом все-таки выдал неохотно:

— Оксана же не успела о нас раззвонить. А вдруг она передумала? Я бы сказал, ее вызвали бы к следователю, а она ото всего бы отперлась. Или — еще хуже — озверела бы и начала вредить, наговаривать на Леньку, под фирму подкапываться. Да и не хотелось мне, чтобы его имя еще и в этой грязи марали.

— Ладно, давай теперь о той ночи. Ты когда к Оксане приехал? И когда уехал?

— Приехал в десять, уехал около двух.

— Что же она не предложила тебе на ночь остаться?

— А она никогда не предлагала. С самого начала сказала, что предпочитает засыпать в одиночестве.

— Ей никто при тебе не звонил? Или, может, она кому?

— Нет, она все телефоны поотключала.

— А после того, как Леонида арестовали, вы не созванивались?

— Нет. Я хотел позвонить и спросить, признаваться ли, что был у нее. Потом решил не будить лихо. Нужно будет, сама объявится. Пока не объявлялась.

— А как тебе моя версия? Могла, по-твоему, Оксана организовать это убийство, чтобы посадить мужа?

— Запросто, — снова помрачнел Серегин. — Газетные сплетни — это для нее мелко. Вот убить девчонку, которая позарилась на ее мужа, и свалить убийство на Леньку — подходящая месть. Но, если за этим стоит Оксана, боюсь, искать тебе доказательства до конца жизни. У нее на жаловании, небось, до хрена спецов, чтобы всякие грязные делишки обделывать. А они улики не оставляют и признаний не делают. Лучше бы злодеем кто-нибудь попроще оказался.

— А ты не бойся раньше времени. В прошлый раз Оксана свои грязные делишки обстряпала с помощью подвернувшегося под руку урода-любителя. И обстряпала вполне успешно. Так с какой стати ей на этот раз на спецов тратиться? Тем более что спецы могут потом и за горло взять.

— Ну, ладно, удачи. У тебя ко мне еще вопросы есть? Кстати, звать-то тебя как, сыщик?

— Игнатом. Вопросы пока вышли. Появятся — позвоню.

На обратном пути он все-таки угодил в «пробку». Зажатый со всех сторон «майбах», двигаясь

с фантастической скоростью пять метров в минуту, порывкивал тихонько, но сердито, и через некоторое время Игнат поймал себя на нелепой мысли, что с ним что-то не так, и вдруг понял — он — идиот! Доверившись женской интуиции и словам Воробьева, выложил перед Серегиным все карты. Сообщил о своих подозрениях в адрес Подольской не кому-нибудь, а ее любовнику! Мало того, упомянув о прошлом преступлении Оксаны, бездумно подставил Нику.

А ведь Нике и без того грозила опасность. Подольская-то провалами в памяти не страдает! Она наверняка видела невесту отца три года назад и вполне могла узнать свою жертву теперь. Единственное, что до определенной степени защищало Нику, — это уверенность Подольской, что девушка мертва.

От этих неприятных мыслей Игната отвлек мобильный телефон, дважды пикинувший, принимая сообщения. Он достал из кармана мобильник и, нажав на кнопку «Вкл.», просмотрел их.

Первое гласило, что Ника сегодня дважды ему звонила, в последний раз — сорок минут назад. Во втором сама Ника писала, что хотела с ним посоветоваться, но за отсутствием связи постарается справиться самостоятельно. Отчет он может найти в электронной почте.

Игнат тут же послал помощнице вызов, но после нескольких гудков ему ответил автомат: «Абонент не отвечает, попробуйте перезвонить позднее». Чертыхнувшись, он отправил просьбу: «Ника, позвоните мне сразу, как только получите это сообщение. Это ОЧЕНЬ срочно», и вошел в почту. Присланной Никой отчет был лаконичным.

«Из беседы с учителями и мамой А.Т. Натальей Андреевной выяснилось, что Аня была открытым, доверчивым подростком. Никто из них не заметил перемены в характере девушки вплоть до ее отъезда в Москву. Тем не менее, перемена и событие, ее повлекшее, должны были произойти еще в Смоленске. Это следует из того, что после выпускного вечера Анна неожиданно решила поступать во ВГИК и ускорила отъезд, а потом ни разу не приезжала в родной город и прекратила отношения с ближайшей подругой, Ириной Агафоновой. Реакция последней на мои вопросы об Анне подтверждает, что причина разрыва серьезна, хотя Агафонова делает вид, будто это не так. У меня есть подозрение, что над Анной, при пассивном участии Агафоновой и ее ухажера, надругался некий Игорь Белькевич, на дачу к которому все четверо поехали сразу после выпускного. Если я права (а на это указывает многое), то именно Белькевича Оксана Подольская могла выбрать на роль убийцы Терещенко. Боюсь, однако, что проверить мое подозрение будет непросто. Белькевич работает в полиции и может стать опасным, если почувствует интерес к своей персоне. Но я постараюсь что-нибудь придумать».

Дочитав письмо до конца, Игнат почувствовал, как по позвоночнику между лопатками сползает холодная капля пота. Если Подольская с ее деньгами взяла себе в подручные полицейского с его возможностями, то вывести их на чистую воду — задача, практически невыполнимая. Но это еще полбеды. Главное, что опасность, нависшая над Никой, теперь, когда она болтается по территории убийцы-полицейского и задает его знакомым малоприятные вопросы, стала почти неотвратимой. И все по вине Игната, который отправил помощницу напрямик в логово зверя, а потом еще выдал ее любовнику Подольской. А сам «герой», понимая, что счет Никиной жизни, возможно, пошел на секунды, торчит за сотни километров в безнадежной московской «пробке». Что, что он может предпринять?

Игнат снова позвонил Нике, она снова не ответила. И тогда он нашел в памяти телефона номер, звонить по которому в этой жизни не собирался ни при каких обстоятельствах. Обратиться с просьбой к его обладателю означало примерно то же, что заключить сделку с дьяволом. Но другого выхода он не видел.

Заклячая свой отчет фразой: «Я постараюсь что-нибудь придумать», Ника лукавила. К тому времени, когда она отыскала почтовое отделение с интернет-связью, решение было уже принято.

Собственно, оно было принято сразу, как только Ника поняла, что, по большому счету, перед ней всего два пути. Первый подразумевал, что она осядет в Смоленске надолго. Найдет неприметное убежище где-нибудь в частном секторе и попытается осторожно «прощупать» ближайшее окружение Белькевича. Вполне вероятно, что там отыщется кто-нибудь, у кого можно будет без особого риска, не привлекая к себе внимания, выяснить, не появлялась ли в последнее время в жизни Игоря Вале-

рьевича таинственная незнакомка, и не покидал ли он в начале месяца родной город.

Второй путь был более прямым и опасным. Подловить Белькевича где-нибудь перед зданием полиции (лучше на виду у его коллег) и спросить без вступления, что ему известно об убийстве Анны Терещенко. Сознаться он, конечно, не сознается, но, застигнутый врасплох, первую реакцию удержать не успеет. В своей способности распознать эту реакцию Ника не сомневалась. И, если ее подозрения подтвердятся, останется только тут же — при свидетелях — объявить о них Белькевичу, понадеявшись, что он не посмеет разделиться с обвинительницей после того, как обвинения прозвучат публично.

Осознавая всю наивность своих рассуждений, Ника выбрала второй вариант, ибо первый требовал времени, а время работало против них с Игнатом. Если до Белькевича дойдут слухи, что Ника под него «подкапывается», он свяжется с Подольской, и они найдут способ избавиться от надоедливых сыщиков и замести следы.

Было около часа дня, когда Ника заняла свой добровольный пост у здания полиции, где в отделе охраны общественного порядка служил капитан Белькевич. Местные информационные сайты упоминали его имя всего дважды, зато одна из ссылок привела на страничку газеты, где он отвечал на вопросы по поводу разгона несанкционированного митинга, и там (о, удача!) была помещена его фотография. Мужественный красавец с печальными темными глазами, должно быть, производил сокрушительное впечатление на девушек самых разных возрастов, но Ника решила, что этому красивому лицу не достает выразительности. За такой внешностью, по сути, может скрываться кто угодно — от сильного надежного мужика до самовлюбленного нарцисса.

Прошло много времени, пока она, наконец, не увидела «объект».

— Игорь Белькевич? — спросила Ника, заступая дорогу одному из троих офицеров, шагавших по лестнице.

К ее радости, остановились все трое.

— У вас что-то срочное? — не без досады осведомился Белькевич. — До половины третьего не подождет? У меня, вообще-то, обед...

— Ну, и чурбан ты, Гор! — вмешался его спутник, тоже капитан. — К тебе бросается красивая девушка. Взволнованная, между прочим... А ты: «Приходите после обеда!» Нет, чтобы пригласить даму пообедать в нашем приятном обществе. Ни себе, ни людям. Дундук!

Их спутник, совсем еще юный старший лейтенант, жизнерадостно заржал, а потом предложил совсем по-детски:

— А правда, пойдете с нами! Тут кафе в пяти шагах.

— Хорошо, — согласилась Ника, не сводя глаз с Белькевича.

Тому ничего не оставалось, как подтвердить приглашение.

— Тогда нам туда, — кивнул он в сторону улицы и тут же, никого не дожидаясь, двинулся в указанном направлении. Но через пару шагов, видимо, решил, что ведет себя невежливо, и обернулся к Нике: — Так что у вас стряслось?

— Если позволите, я объясню в кафе. Разговоры такого рода трудно вести на ходу.

Белькевич бросил на нее испытующий взгляд, но промолчал. Впрочем, паузы в разговоре не возникло, поскольку коллеги принялись дружески над ним подтрунивать, а он — вяло огрызаться в ответ. Эту атмосферу почти непринужденного веселья как ветром сдуло, когда после ухода официантки, принявшей заказ, Ника выложила перед Белькевичем удостоверение, выданное ей Игнатом, и взорвала свою «бомбу»:

— Я собираю сведения об Анне Терещенко. Вам известно, что она убита?

Приятели Белькевича одновременно присвистнули, а Игорь Валерьевич, окаменев лицом, спросил с холодной угрозой:

— Вы в курсе, что закон запрещает частным сыскным агентствам расследовать убийства?

— Да, — отчеканила Ника, глядя ему в глаза. — Но в законе ни слова не говорится, что нам нельзя расследовать давние сексуальные преступления, совершенные в отношении убитой.

И тут произошло невероятное. Белькевич потупился и покраснел, как персонаж мультика. Малиновый румянец вспыхнул на бледных скулах и быстро разлился по всему лицу — от залысин на в меру высоком лбу до мужественного подбородка. Ника, в жизни ничего подобного не видевшая, вытаращила глаза. Неуверенный смешок старшего лейтенанта перешел в приступ кашля. Капитан — другой, не Белькевич — шлепнул его по спине и сказал:

— Пойдем-ка, Серега, за другим столиком пообедаем. Без нас тут гораздо интереснее разговор получится...

— Зачем же вы так... прилюдно? — с укором спросил все еще пунцовый Белькевич.

— Боялась исчезнуть после нашего приватного разговора, — честно призналась Ника.

— Исчезнуть?

— Или погибнуть — в результате несчастного случая, от руки неведомого маньяка, наркомана, скинхеда, уличного грабителя...

— Вы все-таки занимаетесь убийством, — сделал логическое заключение Белькевич. — И думаете, что Аню убил я... — На этот раз никакой угрозы в его голосе не было, только апатия и печаль. И Ника неожиданно для себя сказала:

— Больше не думаю. Расскажите, что случилось десять с лишним лет назад у вас на даче?

И он рассказал — как только официантка, принеся им обед, ушла.

Игорь был влюблен в Аню Терещенко с девятого класса и делал все возможное, чтобы быть к ней поближе: ходил на факультативные занятия по литературе и биологии, которые она посещала, прибился к компании, в которой она вращалась, часами нес вечернюю вахту у ее дома. Аня держалась с ним приветливо, но не более того. Сблизиться с ней настолько, чтобы стала возможной хотя бы попытка объясниться, ему никак не удавалось. И только весной последнего школьного года удача ему улыбнулась. Гришка Гольцов, который «гулял» с близкой подругой Ани Ирой Агафоновой, однажды спросил Игоря, не хочет ли он составить им компанию на вечер. Они собрались в кино, но четвертый участник мероприятия по какой-то причине отпал.

С того вечера Игорь стал неизменным спутником этой троицы. Во время совместных прогулок Гришка с Ирой часто «притормаживали», оставляя его с Аней наедине. И однажды Игорь собрался с духом и спросил:

— Аня, ты знаешь, что я... как я к тебе отношусь?

— Догадываюсь, — улыбнулась она. — Ты симпатичен мне, Игорек. Только не торопи события, хорошо?

Игорь держался до самого конца — до последнего экзамена, когда до него вдруг дошло, что через неделю Аня уедет, а он так и останется ни с чем. От безысходности он напился и позвонил Агафоновой (больше просто некому было) пожаловаться на судьбу. Ира отнеслась к его страданиям с пониманием.

— Ты нравишься ей, я знаю, — сказала она. — Но у Аньки комплекс девственницы, и она не решится перешагнуть через него по своей воле. Но и принуждения не потерпит. Вот если бы все получилось как бы само собой...

Так родился постыдный заговор, воспоминание о котором будет преследовать Белькевича всю оставшуюся жизнь. Игорь выпросил у отца машину с шофером и позвал всю компанию после выпускного закатиться к нему на дачу. Агафонова внесла свою лепту, с восторгом поддерживая идею. На даче они, обманом подливая спирт в брусничный морс, которым запивались более крепкие напитки, напоили Аню и Гришку до бесчувствия. Ане для надежности «скормили» еще пару таблеток димедрола. А потом Игорь отнес ее в спальню на второй этаж и изнасиловал.

От тона, каким он произнес это слово, у Ники по спине пробежал холодок. С таким отвращением, с такой ненавистью его мог бы выдавить из себя отец жертвы. Белькевич явно не собирался прощать себе «ошибку юности». А как, интересно, переживает свою вину Ирина? И что ею руководило? Бездумное, идиотское желание «опустить» подругу до своего уровня? Зависть? Злоба?

— Как вы думаете, Игорь, могла Агафонова не простить Ане собственного предательства? — прервала Ника мучительные воспоминания Белькевича о событиях последовавшего утра.

— О чем вы?.. — опешил он. — А, понимаю! Мы ненавидим тех, кому причиняем зло? Но это неправда. Я не возненавидел Аню. Что касается Агафоновой, понятия не имею, что с ней происходит. Если мы случайно сталкиваемся на улице, делаем вид, что не заметили друг друга. Да и какое имеет значение, простила она или нет?

— Имеет, — убежденно сказала Ника, которая к этому времени окончательно уверилась, что Белькевич не причастен к гибели Терещенко, и решила взять его в союзники. — Дело в том, что особа, которую мы подозреваем в организации убийства, когда-то в похожих обстоятельствах выбрала себе в пособники близкого друга намеренной жертвы... Бывшего близкого друга, тоже предавшего.

И она, не называя героиню, коротко рассказала собственную историю. А потом объяснила, что Подольская — жена человека, которого будут судить за убийство Анны Терещенко. Белькевич помолчал, переваривая информацию, потом извинился и пересел за столик товарищей. Поговорив с ними минуты две, он вернулся к Нике и предложил:

— Давайте еще раз съездим к Агафоновой. Уверен, я найду способ ее разговорить. Ребята обещали прикрыть меня перед начальством, поэтому разговаривать будем до победного.

Выйдя из кафе, они вернулись к зданию полиции, капитан вывел со стоянки свою «девятку» и открыл Нике переднюю дверь. Ехали молча, до тех пор, пока Белькевич не заметил, что за ними со зловецей неспешностью следуют три внедорожника — два серебристого и один черного цвета. Он сбавил ход и махнул в окошко рукой — обгоняйте, мол. Но оба «ленд-крузера» и «шевроле» невозмутимо продолжали плестись следом.

— Разбаловались ребяташки, — хмыкнул капитан и прибавил газу. Добровольный эскорт не отставал. — Совсем ополоумели, что ли? Полицейской формы не видят? Ну, я им сейчас покажу!

— Не надо! — торопливо сказала Ника, подозревая, что он собирается выскочить из машины, чтобы «разобраться» с преследователями. — Если эти люди от Подольской, они не посмотрят на вашу форму...

Белькевич скосил на нее глаз и полез в карман за мобильником. В ту же минуту «шевроле» и одна из «тойот» рванули вперед. «Тойота» поравнялась с «жигуленком», а «шевроле» обогнал их и начал сбавлять ход.

— Черт! — Белькевич выронил трубку, вцепился в руль и ударил по тормозам.

Из передней машины вылез плотный мужик с кривым носом и как будто вдавленным в череп лицом. Неторопливым шагом он приблизился к «жигуленку», постучал согнутым пальцем по стеклу со стороны Ники. Она покрутила ручку, припустив стекло, и выжидательно посмотрела на «боксер».

— Включите мобильник, барышня, — недовольно буркнул тот, склонившись к окну.

Ника неловко открыла сумку, перерыла содержимое и нашла свою «алкательку». Так и есть, пустой экран. Видимо, она прижала сумку к себе и случайно нажала на кнопку, отключающую аппарат. Мобильник мелодично дзыньнул и через минуту нашел сеть. А еще через минуту заиграл «Кампанеллу». Еще не веря своему счастью, она поднесла к уху телефон и нажала на кнопку.

— Ника у вас все в порядке? — донесся до нее взволнованный голос босса.

— Я чувствовала себя заключенной, которую везут под конвоем! — возмущалась Ника, вышагивая рассерженной тигрицей перед рабочим столом Игната.

— Простите, — в двенадцатый раз повторил он.

— Как вам вообще пришло в голову обратиться к этим бандитам?

— Я обратился только к одному бандиту. И его вот уже лет десять никто так не называет. Нынче он — Очень Высокопоставленное Лицо. А что до причин, то я вам все уже объяснил. Я допустил ошибку и запаниковал.

— Никакой ошибки вы не совершали. Петр Серегин не из тех, кто выбалтывает доверенные ему секреты, и он не убивал Терещенко. Я же вам говорила!

— Говорили, — согласился Игнат. — Но вы тогда не знали, что он любовник Подольской.

— Любовник! — фыркнула Ника. — Не сказала бы, что это подходящее слово для описания их отношений.

— О том, что представляют из себя их отношения, мы знаем только с его слов. А словам свидетелей и, в особенности, подозреваемых нельзя верить безоговорочно. Это едва ли не первая заповедь нашей профессии.

— Заповедь для полицейских роботов. Живой человек с мало-мальски развитой интуицией всегда разглядит, когда свидетель говорит правду!

— Перестаньте себя взвинчивать, Ника, — нахмурился Игнат. — Не так все плохо. Мне жаль, что я вас напугал. Но, согласитесь, бандиты принесли свою пользу. Кто еще сумел бы в такие сроки проверить алиби Агафоновой и Белькевича, «прошерстить» все смоленские связи Терещенко и обеспечить вам полную безопасность на пути домой? С другой стороны, у Подольской столько денег и влияния, что добраться до нее законными средствами мы все равно не сумеем —

даже когда найдем ее пособника и доказательства, что Терещенко убил он. При самом удачном раскладе — это если убийца решит облегчить свою участь чистосердечным признанием и «сдаст» мадам, — она ото всего отпрется и будет такова. Доказать преступный сговор при том, что одна из сторон никак не «засветилась» в деле, достаточно трудно и без учета коррумпированности судебно-правовой системы. А за то, чтобы разделаться с этой змеей, я готов заплатить по самой высокой ставке.

— Подождите, Ганя, я чего-то не поняла... — растерянно проговорила Ника. — Вы пытаетесь сказать, что законного способа заставить Подольскую ответить за ее преступления не существует? И единственная наша возможность — напустить на нее высокопоставленного бандита, который ее уничтожит, так?

— По сути — так. Только давайте уточним, что вы понимаете под словом «уничтожить». Боюсь, я не настолько радикально настроен, чтобы требовать крови Подольской. Мне будет вполне достаточно, если у нее вырвут жало. Скажем, убедят написать подробное признание, поддающееся проверке...

Нике не спалось. С тех пор, как вернулась память, бессонница стала ее частой гостьей. «Вечно у тебя чего-нибудь да нет, — горько пошутила она сама с собой. — То семьи, то денег, то памяти, то сна». На душе было тошно. На сей раз не от воспоминаний о собственных несчастьях, а от мыслей о погибшей Терещенко. Чем больше Ника узнавала о ней, чем больше выслушивала людей, которые ее знали, тем сильнее становилось чувство утраты.

Молодая, красивая, талантливая, добрая, жизнелюбивая... Открытая доверчивая девочка, пережившая на заре юности удар, который выдержит не всякая сильная зрелая личность. А она выстояла, не сломалась, не озлобилась. Как, должно быть, трудно ей было скрывать от родителей свою беду в те последние два дня перед отъездом в Москву! Где эта девочка, никогда не умевшая лгать, черпала силы? В гордости? В чувстве собственного достоинства? Не мудрено, что она решила податься в актрисы. Уж если ей удалось так блестяще сыграть в своем первом в жизни спектакле, талант у нее, несомненно, был. А еще — необыкновенный такт, благодаря которому ей удавалось незаметно превращать влюбленных юношей в друзей, не отвергая их ухаживаний и не задевая чувств. Теперь, кстати, совершенно понятно, почему у нее не было любовников. Если не считать Подольского... Чем, интересно, он отличается от других мужчин, если сразу же завоевал Анну?

Мысли Ники обратились к Подольскому. Блестящий архитектор, красавец, джентльмен с холодноватыми манерами, сводящими женщин с ума.

Что скрывается за этим «глянцем» и побудило обжегшуюся Анну в одночасье довериться постороннему мужчине, к тому же женатому?

Доброта, внезапно поняла Ника. Только очень добрый человек способен на первые же доходы от невыкупленной еще фирмы приобрести квартиру для своей бездомной (и немолодой!) секретарши, бескорыстно взять в равноправные партнеры старых друзей. И из сострадания жениться на хищнице, внезапно потерявшей отца...

Как они уживались три года под одной крышей — два человека, между которыми не было ничего общего? Влюбленный в свое дело профессионал, добрый, умеющий сострадать, и ни дня не проработавшая светская львица, расчетливая, жестокая, безжалостная, готовая уничтожить всякого, кто посягнет на ее «собственность». Как же они терпели друг друга?

Хотя ей и не надо было терпеть. Красавец-архитектор был ее призом, трофеем, которым она хвалилась на светских сборищах перед изнывающими от зависти конкурентками. По возвращении домой его можно было сунуть в чулан — или другой дальний угол — и забыть до следующего выхода «в свет». Такие отношения устраивали их обоих, но... только до тех пор, пока Леонид не встретил Терещенко...

Каким ударом по самолюбию Оксаны стала та «желтая» статейка! Какие демоны терзали ее, когда она была вынуждена делать хорошую мину при плохой игре, небрежно бросая злорадствующим приятельницам реплики о своей приверженности свободному браку и снисходительном отношении к «маленьким шалостям» супруга! Какую бессильную ярость должны были вызывать у нее едва прикрытые шпильки, смешки за спиной!

Попытавшись представить себя в ее шкуре, Ника даже поехала. Ведь за такое унижение Подольская должна была обречь своих обидчиков на медленную мучительную казнь.

Собственно, в метафорическом смысле Подольскому именно такая казнь и выпала. Гибель любимой женщины, обвинение в убийстве, измена жены с лучшим другом, которая, по замыслу Оксаны, должна была всплыть во время следствия, суд, позор, тюрьма, гибель фирмы... А вот Терещенко, получившая три смертельные раны в грудь, ушла быстро. Если (как теперь был склонен считать Игнат) ее убил незнакомый наемник, проникший в дом под тем предлогом, что привез бесчувственного Подольского, то Анна, наверное, даже не успела испугаться.

Нет! Не могла мстительная маньячка так легко «отпустить» женщину, ставшую причиной ее публичного унижения. Если уж Нике, которая «покусилась» всего лишь на отца Оксаны, полагалось погибнуть избитой до полусмерти и погребенной заживо бывшим любовником, то Анну должно было ждать что-нибудь совсем эксклюзивное. Например, родная мать, с проклятиями вонзающая нож дочери в грудь. Или отец.

Но этого Подольская, при всех своих сумасшедших деньгах и сумасшедшем желании, добиться не могла. А других близких людей у Терещенко не было. Выходит, Оксане пришлось удовлетвориться «малым»? Нет, покачала головой Ника, огромному заряду злобной ненависти, которую Оксана питала к Терещенко, требовался другой выход. Если бы Подольская его не нашла, ее просто выжгло бы изнутри. Но что? Что она могла придумать?!

И тут Нику осенило. Она поняла — что. Если месть могла принести Подольской удовлетворение только при условии, что физическому уничтожению соперницы будет сопутствовать душевное потрясение от предательства со стороны человека, которому Анна доверяла, если в окружении будущей жертвы не осталось близких, способных предать, нужно было — всего-то! — устроить, чтобы такой «близкий» появился. Подольский поселил Анну в коттедже своей фирмы восемь месяцев назад, грязная статейка о связи архитектора и актрисы вышла немногим больше месяца спустя. Значит, на подготовку убийства у Подольской было около восьми месяцев. Если она достаточно быстро нашла подходящего человека (милого, трогательного, умеющего расположить к себе, внушить симпатию и чувство безопасности), тому вполне могло хватить времени, чтобы завязать с актрисой теплые доверительные отношения. И, кажется, Ника этого человека знает...

Не в силах совладать с возбуждением, Ника выбралась из-под одеяла и завернулась в халат. За работой Игнат часто засиживается допоздна, может быть, он и сейчас еще не спит? Но, к ее разочарованию, полоски света под дверью его кабинета не было. Значит, лег. Вот некстати! Как же ей дотерпеть со своим открытием до утра?

Расстроенная, она побрела на кухню. Включила свет и сразу же увидела записку, прищипленную магнитом к холодильнику. «Ника, у меня появи-

лось предположение, которое я срочно хочу проверить. Полагаю, это не займет много времени. Игнат».

Версия с посторонним наемником Игнату не нравилась. Против нее множество аргументов, каждый из которых по отдельности еще можно было бы как-то обойти, но если брать все в совокупности, то «обходной путь» неизбежно заводит в тупик. Непрофессиональный способ убийства, непоколебимая убежденность Подольского в том, что в тот вечер никто, кроме его секретарши и вологодца, к нему не приближался, беззаботность Терещенко, впустившей в дом чужого человека, доbermany...

Поняв, что мысли в очередной раз побежали все по тому же замкнутому кругу, Игнат сказал себе: «Стоп! Нужно искать нехоженую тропу. Помнится, была какая-то мысль, которую я бросил, не додумав до конца». Он открыл блокнот с рабочими записями, просмотрел пометки, которые оставлял на полях. Вот два вопросительных знака напротив слов «букет, пир-е». Один — зачеркнутый, означает, что нужно узнать у адвоката, нашла ли следственная группа букет и коробку с пирожными, которые Подольский, судя по видеозаписи, привез Терещенко. Ответ — да. Букет стоял в вазе на кухне, коробка с оставшимися пирожными — на столе в гостиной. С отпечатками все в порядке. На вазе «пальчики» Терещенко, на коробке — и Терещенко, и Подольского. Частично переваренное пирожное в желудке покойной патологоанатом обнаружил.

Незачеркнутый вопросительный знак, насколько помнил Игнат, касался способа, которым убийца (если это не Подольский) мог получить информацию о гостинцах, которые архитектор вручил любовнице двумя неделями раньше. Предположительных ответов было несколько. Убийца мог следить за архитектором, мог получить инфор-

мацию от него же, от Терещенко или от ее домработницы, мог наведаться в коттедж тайком и заранее просмотреть архивные записи с видеокамеры. Но ни один из вариантов не давал ответа на вопрос: каким образом пирожное оказалось в желудке Терещенко 3-го числа?

Если Игнат еще мог поверить, что актриса ночью впустила в дом незнакомого человека — в конце концов, женщина имеет право потерять голову при виде любимого в бессознательном состоянии, — то предположение, что она в таких обстоятельствах угощалась в компании незнакомца пирожными, выглядело абсурдным. Сыщик хорошо понимал, почему в свое время не раскрутил эту мысль до конца: ему казалось, что этот путь ведет напрямик к убеждению в виновности Подольского. А теперь, когда он почти не сомневается, что за убийством стоит Оксана?

Воображение было не самой сильной его стороной, но по размышлению Игнату удалось придумать более или менее складное объяснение съеденному пирожному. Убийца позвонил Терещенко с мобильного Подольского, представился его приятелем и сказал примерно следующее: «Ради заключения выгодной сделки Леониду пришлось крепко выпить. С непривычки ему стало плохо, и он попросил меня отвезти его к вам, потому что видеть сейчас жену просто не в состоянии». Покупку пирожных и букета он тоже мог объяснить просьбой архитектора, которому было неловко являться к любимой с пустыми руками. В этом случае Анна не стала бы особенно переживать за здоровье Подольского и вполне могла из вежливости предложить его «приятелю» чашку чая.

Ну, хорошо, допустим, убийце удалось попасть в дом, сделать свое черное дело и каким-то образом сбежать от доберманов. Куда он девался потом? Если верить охране и камерам на въезде в коттеджный поселок, через общие ворота в ту ночь никто не выходил и не выезжал. Остается калитка, через которую с участка можно попасть непосредственно в лес. Но на машине в это время года по лесу не проедешь, а до шоссе почти десять километров. Конечно, если у киллера все в порядке с навыками выживания, десятикилометровая прогулка по ночному зимнему лесу для него не препятствие, но что дальше? Голосовать? Несерьезно. Звонить сообщнику, чтобы подобрал? Киллеры с репутацией работают без сообщников, а невесть кого Подольская бы не наняла. Оставить машину заранее где-нибудь на обочине? Опасно.

Игнат щелкнул мышью, меняя масштаб спутниковой карты на экране, и уперся взглядом в группку мелких прямоугольничков, отделенных от коттеджного поселка узкой полосой леса. Ну-ка, ну-ка, что тут у нас? Обращение к базе данных внесло ясность: деревня Пеньки и молочная ферма. Если по прямой, то расстояние от коттеджного поселка около трех километров. Пройти три километра через лес гораздо проще, чем десять. И оставить

машину где-нибудь при въезде в деревню не так опасно, как на обочине автотрассы: меньше шансов, что она попадется на глаза дорожной полиции, угонщикам или хулиганам. Зато есть шанс, что ее видел кто-нибудь из деревенских...

Он посмотрел на часы. Без четверти четыре. По пустым дорогам можно доехать за час с небольшим, как раз к утренней дойке на ферме. Игнат написал записку, на цыпочках прошел на кухню, прикрепил листок к холодильнику и так же осторожно прокрался в холл. И, уже взявшись за ручку входной двери, вдруг остановился, подумал, быстро вернулся в кабинет и прихватил с собой папку, где лежали распечатки с фотографиями всех фигурантов в деле Подольского.

Игната сорвало с места и погнало в дорогу предчувствие, что ему повезет. Дороги, как и ожидалось, были пусты, поэтому до поворота на Пеньки он домчался даже раньше, чем рассчитывал. Вдруг сноп света от фар выхватил из тьмы местного аборигена в ватной телогрейке и кирзовых сапогах. Одной рукой абориген придерживал взваленный на плечо мешок, а другой молотил снизу вверх, отчаянно призывая водителя остановить машину.

— Подбросишь до Пеньков, сынок? — спросил он, дохнув перегаром.

На вопросы Игната благодарный и пьяненький пассажир отвечал с великой охотой и без малейшей подозрительности. Идет со стройки, тут неподалеку, набрал опилок на подстилку ягнтям. Тайком, потому что не известно, дадут эти буржуйские холуи опилок или, напротив, по шапке.

Дедок не спросил даже, кто Игнат таков, и за каким лешим его несет в деревню. Едет человек, и пускай себе едет, задает вопросы — стало быть, нужно ему. Правда, про чужие машины, когда-либо припаркованные на ночь в районе Пеньков, абориген не слышал, зато на вопрос,

не снимал ли кто в последнее время в деревне жилье, ответил утвердительно:

— Есть, есть у нас городской жилец. Фамилию запомнил — то ли Щукин, то ли Карпов, в общем, рыбная какая-то, а звать Иваном Сергеевичем. Журналист, говорят, к нам книгу приехал писать. Перед ноябрьскими нагрелся, расспрашивал, не сдаст ли кто дом до весны. Я его к Арсентьевне отвел, они и сговорились. А чего ж не сговориться, ежели Арсентьевна так и так каждый год на зиму к сыну с невесткой подается? Кур и Маньку, козу свою, соседям сбавит, а сама — в город. Поди, лишняя денежка в такие-то времена никому не помешает.

— И что, этот журналист так всю зиму у вас и жил? Постоянно?

— Какой там постоянно! Хорошо, если два раза в неделю наезжал. Под вечер пожалует, денек побудет, а на другой день, глядишь, сел в машину, швырк — и нету его. За что, спрашивается, платил, дурачина? И вообще, не наш он мужик, не компанейский. С людьми ему, вишь, некогда посидеть, рюмку-другую выпить, зато с москвой своей, как с дитем родным возился, только что не целовался. По три часа по лесам ее выгуливал. Один раз чего-то приболела она у него, так этот пентюх...

— Он ездил сюда с собакой?

Игнат от волнения едва не остановил машину. Как же он сразу не догадался? Вот он, идеальный предлог завязать знакомство с актрисой и доберманами! Наверняка она тоже время от времени основательно выгуливала своих псов в лесу.

— Ну, так, а я о чем? Охотничья псинка, пестренькая такая, ушами землю метет. Балованная — ужас, даже от костей морду воротит... О, вот и приехали! Крайняя изба — моя. Спасибо тебе, мил человек, выручил! Ежели тебе ферма нужна, то до конца деревни езжай.

— Погоди, отец, задержись на минутку. Погляди, нет ли здесь вашего Ивана Сергеевича?

Игнат включил в салоне свет и вручил старику папку с фотографиями, которые прихватил с собой по наитию. Дедок с интересом принялся разглядывать снимки. Пролистнул несколько файликов, откинул голову и отвел руку с папкой подальше, всмотрелся.

— Вот этот похож. Но вроде не он... Наш-то в очках, с усами, да и шелухой побогаче будет...

Сыщик завороченно смотрел на снимок, в который тыкал узловатый палец. Вот оно, значит, как... Но каким же образом он это устроил? Если Подольский выехал из офиса около десяти, начал клевать в дороге носом и в конце концов остановил машину, чтобы поспать, дружок не мог довезти его до коттеджа раньше половины двенадцатого. Минимум час у него ушел на

подготовку, убийство, замечание следов и маршбросок до Пеньков. А без чего-то три он уже был за четыреста километров отсюда. Подкупил девушку? Нашел двойника, согласившегося перегнать машину по его документам? Как-то оно не надежно...

— Дед, у вас тут поблизости, случайно, нет какого-нибудь маленького аэродрома?

— Есть, сынок, как же! Километрах в пятнадцати к югу частный аэроклуб, мы, почитай, каждый день на их фортели любимся. Чего выделывают, чертяки!

Игнат не помнил, как прощался с аборигеном, как добирался до аэроклуба. Там его транс закончился. Вместе с везением. Охранники не пустили сыщика на территорию клуба и отказались отвечать на вопросы. Дороги в направлении Москвы запрудил транспорт. Ко всему прочему, оказалось, что Игнат забыл дома мобильник и не может связаться с Никой. Но настоящие неприятности ждали его впереди.

Чтобы убить время до возвращения босса, Ника раскладывала пасьянс за пасьянсом. Она давно сбилась со счета, сколько сошлось, сколько нет, когда зазвонил городской телефон.

— Здравствуйте. Моя фамилия Крылов. Крылов Виктор Анатольевич, адвокат. Я звоню по поручению Игнатия Герца. Могу я поговорить с его помощницей?

— Это я. Меня зовут Ника. Слушаю вас, — настороженно сказала она в трубку.

— У господина Герца неприятности. Прокуратура возбудила дело против группы высокопоставленных чиновников, ведавших производством фальшивых документов на настоящих гознаковских бланках. Один из чиновников назвал Герца в числе своих покупателей. Игнатия Юльевича допросили как свидетеля, но он отказался дать показания, и был задержан — пока без

предъявления обвинения. Поэтому позвонил мне, пригласил в качестве своего адвоката и сказал, что всю интересующую меня информацию я могу получить у вас. Вы в курсе, о чем идет речь?

Ника прижала ладонь к резко заболевшему лбу. Еще бы она была не в курсе! В течение полугода после ее чудесного спасения они с Игнатом надеялись, что память вот-вот к ней вернется, и с обращением в полицию не торопились. Во-первых, потому что она вряд ли могла сделать больше для выяснения Никиной личности и обстоятельств ее появления в заброшенных пещерах, чем уже сделал сыщик. Во-вторых, потому что Ганя, не заявивший о совершенном преступлении сразу, поставил себя в уязвимое положение перед законом, а Ника не хотела быть источником его неприятностей.

Но, в конце концов, стало ясно, что память может и не вернуться, а жить в столице без бумажек крайне затруднительно. И тогда Игнат принес ей паспорт, страховой полис и водительские права на имя Доминики Теодоровны Богдановской. Она, естественно, поинтересовалась, что им будет за использование фальшивых документов, если это когда-нибудь вскрыется. В ответ Ганя заверил, что, если она не попадет в подозреваемые по какой-нибудь серьезной статье, фальшивку не разоблачат никогда...

— Ника? — вернул ее к действительности встревоженный голос в трубке.

— Да, я в курсе. Но это долгая история...

— Понимаю. Я сейчас еду в прокуратуру и буду проезжать около вашего дома. Вы не могли бы составить мне компанию и рассказать свою историю по дороге? Скажем, минут через пятнадцать?

— Хорошо.

Ника одевалась и красилась в пожарном темпе, но все равно адвокат ее опередил. Когда она вышла, цвета морской волны «опель» мигнул ей фарами. Она махнула рукой в сторону ворот и устремилась туда же. Крылов, видимо, не понял ее жеста, потому что машина осталась стоять на месте, и Нике, вышедшей за ворота, пришлось бежать уже в обратном направлении. Запыхавшаяся, она нырнула в салон и еще успела заметить, что с лицом человека, сидящего за рулем, что-то не так. А потом ей в лицо ударила струя из распылителя, и понять, в чем заключалась странность, Ника уже не успела.

Человек за рулем дернул себя за волосы, срывая латексную маску-шлем, быстро надел респиратор и шумно выдохнул. А потом перегнулся через Нику и заблокировал дверь.

Когда Игнат, проклиная все на свете (мэра, дорожных рабочих, успехи автомобильной промышленности, товарищей по несчастью, светофоры), наконец добрался до дома, выяснилось, что Ника исчезла, не оставив записки. Забытый дома мобильник сообщил о четырех непринятых вызовах.

Один — от Ники и три — от абонента, которого Игнат внес в записную книжку под условным обозначением «АД». Читай, как хочешь. Адъютант Дьявола (то есть начальник безопасности того гм... высокопоставленного лица, к которому Игнат обратился за помощью) или Артур Дмитриевич... По сути — все равно АД.

Первым делом сыщик перезвонил Нике и узнал, что «аппарат абонента отключен или находится вне действия сети». Перед следующим звонком Игнат помедлил, собираясь с духом. Ровный, холодновато-отстраненный и безупречно вежливый тон, который он старался выдерживать в разговоре с представителем «темных сил», давался сыщику с трудом.

— Артур Дмитриевич? Добрый день...

— Не слишком добрый, Игнатий Юльевич, — отозвался бархатистый баритон, вызывающий у Игната стойкую ассоциацию с сухой горчицей. — У меня для вас плохие новости. Кажется, вашу помощницу похитили.

— Что значит — похитили?! Вы же обещали! Куда смотрели ваши люди? Как они допустили?..

— Нам обоим будет легче, если вы придержите свое праведное негодование, господин Герц. Мои люди не так уж и виноваты. Вам следовало согласовать свои действия с нами или не оставлять дома мобильный телефон.

Игнат не без усилия, но все же сумел взять себя в руки, и был вознагражден кратким отчетом о событиях сегодняшнего утра.

Когда он без предупреждения сорвался в Пеньки, люди «АДа», которые «страховали» Никку, обратили внимание на джип, двинувший следом за «майбахом». Группа разделилась. Двое «эсбэшников» остались сторожить помощницу сыщика, а двое, доложившись начальству, поехали за джипом. Начальство попыталось связаться с Игнатом по телефону, не преуспело и подтвердило решение агентов своим приказом.

Артур Дмитриевич думал послать замену уехавшим, но, поколебавшись, решил, что ночью на охраняемой территории безопасность Ники сумеют обеспечить и двое, а люди понадобятся ему, чтобы разобраться с детективным агентством «Банга», которому, согласно базе данных дорожной полиции, принадлежал джип.

Разыскать хозяина агентства оказалось не так-то просто, а сообщить он смог не слишком много. Клиент «Банги» предпочел заплатить крупную сумму авансом, но остаться анонимным. Деньги передал через посыльного. Задание поручил несложное: следить за всеми перемещениями частного сыщика Герца и его помощницы, о каждой их встрече немедленно докладывать по телефону с таким-то номером. «Банговцы» прикрепили маячки к «майбаху» Игната и Никиной «ДЭУ» и с неделю катались в свое удовольствие по городу, честно отзваниваясь клиенту. Потом детективы сообщили анониму, что Ника взяла билет до Смоленска, и спросили, нужно ли отряжать агентов туда. Узнав, что в билете, помимо всего прочего, указаны паспортные данные пассажирки, клиент поинтересовался, сможет ли агентство в короткие сроки собрать сведения о самой Нике — где жила раньше, кем работала, кто родители. Получив утвердительный ответ, он отменил слежку и дал новое задание. А когда ему доложили, что паспорт у девушки, похоже, фальшивый и расследование ее прошлого займет больше времени, чем предполагалось, отказался от продолжения и велел возобновить слежку. Вот, собственно, и все, что удалось получить от агентства.

Гром грянул позже, когда люди «АДа» пытались вытянуть все возможное из номера того телефона, по которому агенты «Банги» докладывались анониму. Один из «сторожевых псов», оставленных охранять Нику, позвонил и сообщил об исчезновении девушки, предотвратить которое помешала нелепая случайность.

«Пес», дежуривший в холле Игнатово подъезда, увидел выбегающую девушку, предупредил по рации напарника, сидевшего в машине у ворот, и побежал следом. Но охранник, который тем временем нес вахту в будке у тех же ворот, заметил Никиного преследователя, счел его подозрительным и заступил дорогу. Из-за спешки времени на объяснения не было, «службист» махнул корочками и оттолкнул парня в сторону, но тот, неожиданно грамотно проведя захват и бросок, уложил противника «отдохнуть». Напарник поверженного поколебался, но решил, что успеет и выручить товарища, и нагнать пешую Нику. Он выскочил из авто, красивым приемом вырубил охранника, поднял друга, который при падении ударился головой о бордюр, втащил его в салон машины, рванул с места... и убедился, что девушка исчезла.

— Сначала мы еще надеялись, что она выбежала по вашему зову и сейчас вы вместе. Но потом наведались к вам в гости (извините уж, что без спросу), нашли ваш мобильник, и поняли, что девушку выманили страшной сказочкой о какой-то беде, которая с вами стряслась. Не спорю, ребята допустили пару ошибок, — неохотно признал Артур Дмитриевич. — Да и я не без греха. Но мы с минуты на минуту доберемся до человека, на которого зарегистрирован мобильник, и узнаем имя клиента...

— Имя клиента я знаю, — мрачно сказал Игнат. — Компаньон Подольского Антон Воробьев. Детективы из агентства сообщили ему о моей последней поездке, он понял, что его алиби вот-вот рухнет, и решил воздействовать на меня через Нику...

— Не волнуйтесь, Игнатий Юльевич. Мы обложим его со всех сторон и обезвредим в несколько минут, — заверил повеселевший баритон. — Я сейчас же подниму всех своих людей и подключу полицию.

Игнат сделал несколько упражнений на дыхание и попытался убедить себя, что все будет хорошо. И, наверное, ему бы это удалось — если бы не телефонный звонок.

— Вас беспокоит Воробьев, господин Герц. Предлагаю не тратить время на маневры, это ничего не даст. Я знаю, что вы раскрыли мою маленькую комбинацию. Ваша помощница рядом со мной. Если хотите, могу привести ее в себя, чтобы она сказала несколько слов, но это будет не слишком гуманно. Последствия наркоза не очень-то приятны. Мы находимся на заброшенной стройке и сидим в подсобном вагончике. Под вагончиком — заряды со строительной взрывчаткой, дистанционный взрыватель у меня под рукой. Приглашаю вас сюда для частного разговора. Если задержитесь дольше, чем на два часа, никого уже не застанете.

— Где эта стройка? — как можно спокойнее спросил Игнат.

— Проедете двадцать километров от МКАД по Щелковскому шоссе, свернете направо...

— Я не успею за два часа. В Москве пробки.

— Это меня не волнует. Поезжайте на метро, на Щелковской возьмете такси. Из Москвы сейчас не должно быть плотного движения. А не успеете — значит, не судьба. Предупреждаю: из вагончика прекрасный обзор, вокруг пустырь. Если увижу или услышу что-нибудь подозрительное, если приедете не один, взрываю немедленно. Запишите, как проехать, телефон я сейчас отключу. Чтобы не отвлекали.

Воробьев коротко выдал указания, не дожидаясь подтверждения, что Игнат его понял, объявил: «Все, отсчет пошел», и отключился.

На этот раз память вернулась к Нике сразу. Голубовато-зеленый «опель», полутьма салона, странное лицо над рулем, повернувшееся к ней... Вслед за воспоминанием нахлынула головная боль. И тошнота — такая сильная, что даже приступ рвоты показался желанным. До тех пор, пока Ника не осознала, что лежит на спине, рот ее забит какой-то пластиковой дрянью типа синтетической мочалки и еще обвязан для верности тряпкой. Замычав, она открыла глаза, дернулась и попыталась сесть. К ее удивлению, это получилось довольно легко. Похититель не стал привязывать ее к койке, ограничившись тем, что обмотал скотчем соединенные запястья. И ноги — от лодыжек до колен. Оторвавшись от экрана ноутбука, он сначала повернулся к пленнице, потом отодвинул от грубо сколоченного стола убогий стул с поржавевшим каркасом, встал и шагнул к койке.

— Да, знаю, вам сейчас очень нехорошо. Это скоро пройдет. — Он зачем-то взглянул на часы. — Если не станете кричать, я сниму повязку с лица. Не станете?

Она осторожно повела головой из стороны в сторону.

— Ну и славно! — Он подступил поближе, склонился над ней и принялся возиться с узлом на затылке. — Не то чтобы ваши крики чему-то могли помешать, просто я не люблю громких звуков. Кляп вытолкнете самостоятельно или помочь?

Ника наклонила голову, открыла шире рот и уперлась языком в синтетический ком. Тот довольно легко выскочил, оказавшись сеточкой для мытья посуды.

— Она неиспользованная, — заверил «миляга» Воробьев, увидев, что пленницу скрутил рвотный спазм.

Ника содрогнулась еще раз и исторгла из желудка струю желчи, которая выплеснулась на пол лужицей в непосредственной близости от ботин-

ка похитителя. Воробьев торопливо отступил к столу.

Спазмы, наконец, прекратились. Ника неловко заерзала по тюфяку, подтянула колени к груди, уперлась пятками в раму койки, оттолкнулась и обессилено привалилась спиной к дощатой стенке.

— Ну, что, вам легче? — сочувственно спросил Воробьев. — Нам с вами ждать еще больше часа, и я охотно скоротал бы время, удовлетворяя ваше законное любопытство. Что, неужели совсем нет вопросов? Шеф успел-таки вам позвонить? Нет, не может быть! Вы бы тогда не купились на мою простенькую уловку. Наверное, дурман в мозгах еще не настолько развеялся, чтобы к вам вернулась профессиональная любознательность. Жаль. Придется уносить свои страшные тайны в могилу. Хотя, может быть, мне удастся вернуть вам некоторый интерес к жизни, если я сообщу, что в могилу мы отправимся вместе? Вы, я и ваш чрезмерно прозорливый шеф.

Средство и впрямь оказалось эффективным. Ника моментально забыла о своем плачевном состоянии и дернулась в направлении убийцы.

— Не глумите, девочка, — снисходительно проговорил Воробьев. — У меня еще целая катушка скотча. Не хотите же вы, чтобы я спеленал вас, как мумию, и примотал к этому неаппетитному матрасу? Лучше попробуйте одолеть меня в интеллектуальном поединке. Поразите меня своей пронизательностью. Объясните, с какой целью я вас похитил.

Ника снова привалилась к стенке.

— Тоже мне — загадка. Вы сами все объяснили. Надеетесь прихватить на тот свет меня и Ганю.

— Ганя! Какая прелесть! — восхитился Воробьев. — Ну хорошо, вот вам загадка посложнее: зачем мне понадобилось на тот свет?

— Вы оказались никуда не годным исполнителем. Провалили задание Подольской, испортили ее замысел и хотите уйти легко, чтобы она не освежала вас живьем.

По благодушной физиономии убийцы пробежала легкая тень. Но рассмехался Воробьев вполне беззлобно.

— А вас и «Ганю» решил прихватить из сострадания? Чтобы Оксана, упустив меня, не взялась за вас? Нет, девочка, не угадали. Правда, именно ее желание стереть соперницу в порошок и примерно наказать изменника-мужа запустило процесс, но замысел принадлежит мне. И покидаю этот мир я (и вы тоже), чтобы он не провалился.

— Вы до такой степени ненавидите своего друга? За что?

— За безупречность, — усмехнулся Воробьев. — Если бы у Лени нашелся хоть один заметный изъян... любой — жадность, хвастливость, занудство, да хоть шрамы от юношеских прыщей — я бы мог его любить. А так оставалось только восхищаться и ненавидеть.

— Вы хотите сказать, что пошли на предательство и убийство из обыкновенной зависти?

— Не просто из обыкновенной, — добродушно поправил пленницу похититель, — а из очень сильной зависти. Вообще, силу этого чувства, как правило, недооценивают. А зря. У Ленки было все, чего может пожелать душа. Внешность, манеры, талант, благородство, женщины, деньги... А нам оставалось только подбирать объедки с барского стола. Рано или поздно кто-то должен был исправить несправедливость, допущенную Всевышним.

— Анну Терещенко вы выбрали в жертвы тоже из соображений высшей справедливости? — не выдержала Ника.

— Аню мне жалко. — Воробьев скис. — Единственная ее вина в том, что она выбрала Ленку. До сих пор не могу забыть, как она на меня смотрела, когда я ударил ее ножом... Но другого выхода не было! Я должен был с ней сдружиться — чтобы ее псы меня принимали, чтобы я был вхож в дом. Иначе как бы мне удалось устроить, чтобы все улики указывали на Ленку?

— А вы не боялись, что она расскажет Подольскому о вашем знакомстве? А он захочет на вас посмотреть или узнает вас по описанию?

— Не боялся. Я просил ее никому не говорить. Сказал, что довольно известен в определенных кругах, что решил поменять жизнь, что скрываюсь ото всех и пишу книгу. И боюсь, как бы слухи об этом не дошли до журналистов или знакомых. Аня меня поняла. Она тоже предпочитала вести скрытую от посторонних глаз жизнь и страдала от чужого любопытства.

— Как же вы объяснили ей, что оказались в машине Леонида, когда привезли его в коттедж?

— А чего тут объяснять? — пожал плечами убийца. — Гулял по лесу неподалеку от поселка, вижу — стоит машина, водитель без сознания. Поискал его мобильник, чтобы сообщить родным, а там последний звонок — Ане. Сел за руль, да привез. Это как раз самое несложное. Вот накормить ее пирожным, которое по сценарию привез Ленька — это да! — Воробьев снова оживился. — Сначала пришлось изображать из себя бывшего врача, чтобы отговорить Аню от вызова «скорой». Потом — изобретать предлог, чтобы еще раз залезть в машину, «обнаружить» там цветы, пирожные и коньяк. Потом настаивать, чтобы выпила рюмочку для успокоения. Ну а под рюмочку уже удалось и пирожное втюхать.

Вообще, в тот вечер и в ту ночь мне пришлось здорово попотеть. Больше двух часов просидел скрючившись на полу Ленькиной машины, поджидал, пока он закончит переговоры с этим вологодским медведем. Потом лежал там же в противогазе, держал открытую банку с эфиром и молился, чтобы Подольский не въехал в столб или во встречный «КамАЗ». Потом разыгрывал спектакль перед Аней. О том, чего мне стоило ее убить, не хочу даже вспоминать... Потом подготовка мизансцены для полиции, пробежка через лес, гонка до аэроклуба, кошмарный перелет на этом аэропланчике, снова пробежка — до Валдайской автостоянки, куда я неделю назад пригнал второй опель, замена машинных номеров, мотель... Все было рассчитано до третьего знака после запятой и выполнено ювелирно. Неужели я могу допустить, чтобы такой гениальный замысел расстроился из-за какой-то парочки проныр? Нет, моя дорогая! Леонид Подольский сгниет в тюрьме. И ради этого я без раздумий принесу в жертву себя, вас и вашего догадливого шефа.

— Если Ганя приедет, — сглотнув, уточнила Ника. — И если вы сумеете с ним справиться.

— Приедет, куда он денется! Не бросит же вас на верную погибель. Он ведь пока не знает, что торговля не входит в мои планы. А справиться я сумею с кем угодно. Хоть со всем московским спецназом. Видите это?

Воробьев отодвинулся вместе со стулом, и Ника увидела экран ноутбука, а на нем картинку: посреди заснеженного участка с темной колеей, оставленной колесами машины, сиротливо стоят рядом опель и строительный вагончик.

— Видите, какая панорама? Я поставил видеокамеру на окно недостроя, а провод протянул сюда. Если только в поле зрения появится что-нибудь подозрительное, я сразу дерну за эту штучку. — Он показал на плоский пластмассовый ящик со штырями, который лежал подле ноутбука. — И наш вагончик взлетит на воздух. Когда ваш Ганя приедет и поднимется на первую ступеньку этой лесенки, я сделаю то же самое. Кстати, до назначенного мной часа икс осталось двадцать три минуты. Так что я, пожалуй, посижу с этой штучкой в руках. Для верности.

Впервые за десять с лишним лет Игнат спустился в метро. Ни полиция, ни группа захвата, ни «АД», с его почти неисчерпаемыми возможностями, не внушали Игнату ни малейшей надежды на благополучный исход дела. Он знал, что псих, который сидит сейчас в строительном вагончике с дистанционным взрывателем в руках, не собирается вступать в переговоры. Это просто не имеет смысла, поскольку гарантий, что Воробьев выпутается из этой истории, не существует в природе. Терять убийце нечего, а желание отомстить людям, сорвавшим его планы, наверняка зашкаливает. И, если Игнат в ближайшие полчаса не придумает способ остановить психа, это желание сбудется.

Сыщик лихорадочно перебирал варианты и отметал один за другим. Время неумолимо утекало, станции метро сменяли одна другую, а решение все не приходило.

Электрозаводская... Семеновская... Партизанская... «Станция Первомайская... Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Щелковская».

И в эту секунду у Игната родилась идея.

— Ну, вот и все! — В возгласе убийцы смешались торжество и горечь. — Наша маленькая драма подошла к концу.

Ника с отчаянием смотрела на фигуру, возникшую в проеме калитки за полторы сотни шагов от вагончика. Десять минут назад у нее сдали нервы, и она сделала отчаянный рывок в сторону Воробьева, надеясь, что спровоцирует устроить взрыв до появления Игната. Кончилось это тем, что теперь она сидела на матрасе с ногами, снизу доверху обмотанными скотчем, и кляпом во рту, лишенная возможности спасти Ганю — остановить его криком на подходе к ловушке.

Оставалась последняя — призрачная — надежда, что это не он. Что Ганя сообщил о звонке Воробьева в полицию, и они прислали сюда какого-нибудь специально обученного человека, похожего на него. Воробьев ведь никогда не видел сыщика живьем, поэтому мог и обмануться.

Надежда жила ровно минуту — до тех пор, пока человек не приблизился настолько, что Ника смогла различать на экране детали. Это был Игнат. Его куртка, его неизменные джинсы, его темный ежик волос над его шишковатым лбом... Он шел размеренно и спокойно, не обращая внимания на наполнявшую колею талую воду, которая накрывала с верхом его мокасины. Под мышкой он нес клетчатую красно-зеленую хозяйственную сумку, короткие ручки которой натянул на плечо. Ника с какой-то особенно пронзительной болью подумала: «Я никогда не узнаю, что в этой сумке, чем, каким оружием или выкупом Ганя надеялся спасти наши жизни».

Словно услышав ее мысленный стон, Игнат замедлил шаги, схватился свободной рукой за ручки сумки и осторожно спустил их с плеча.

— Что остановился? — бормотал Воробьев, поглаживая штырь. — Приготовил мне сюрприз? Он тебе не поможет. Ну же! Еще десяток шагов!

Игнат тем временем снял сумку, развернул ее и снова повесил на плечо. Ника обомлела. Из сумки торчала голова. Ушастая голова английского спрингер-спаниеля с выражением бесконечного терпения на морде.

— Фрося? — Воробьев издал сдавленный звук, как будто кто-то заехал локтем ему в желудок. Пальцы, сомкнутые на штыре, побелели.

Игнат продолжал надвигаться на вагончик. Ника зажмурилась и втянула голову в плечи. Время застыло.

И вдруг раздалась подозрительные звуки. Ника не поверила своим ушам и открыла глаза. Воробьев лежал корпусом на столе и плакал. Пластиковый ящик со штырями стоял у его локтя.

Эпилог

Игнат ждал этого звонка уже несколько дней, но, когда в трубке раздался хорошо знакомый «горчичный» баритон, все равно был захвачен врасплох.

— Игнатий Юльевич? Добрый день, Грановский беспокоит. Думаю, нам пришло время встретиться и обсудить наши дела. Вы не возражаете, если я вас навещу — где-нибудь эдак через час?

— Здравствуйте, Артур Дмитриевич. — На этот раз ровный отстраненный тон не удался сыщику вовсе: голос предательски дрогнул на именинотчестве собеседника. — Разумеется, приезжайте. Мы вас ждем.

— Вот и славно! — обрадовался «демон», как будто всерьез полагал, что может услышать отрицательный ответ. — Кстати, хочу вас порадовать: рекомендованные вам меры предосторожности больше не нужны. Ну а про все остальное — при встрече.

Игнат положил трубку и помассировал лоб над переносицей. Час расплаты, которого он ждал со старательно скрываемым душевным трепетом, неумолимо приближался. Нет никаких сомнений: «АД» собирается выставить счет. Правда, с акциями, квартирой и «майбахом» сыщик мысленно уже распростился.

— Ганя?

Игнат, вздрогнув, поднял глаза на помощницу. То ли он за своими невеселыми размышлениями не услышал стука, то ли Ника не сочла нужным постучаться.

— Чего нам ждать? — спросила она. — Я подслушивала по параллельному аппарату.

В другой раз сыщик не преминул бы отпустить какое-нибудь шутовское замечание по поводу манер помощницы, но теперь ему было не до шуток.

— Не знаю, — безрадостно ответил он, — а гадать, честно говоря, не хочется. Да и ни к чему — нас и так скоро просветят.

— Ладно, тогда я пока прогуляюсь до «Азбуки вкуса», — подчеркнуто беззаботно объявила Ника. — Негоже принимать гостей, когда в доме шаром покати. Не говоря уже о том, что я смертельно устала сидеть взаперти. Ведь я правильно поняла, что нам разрешено выходить?

— Не знаю, — повторил Игнат с той же интонацией. — Я бы предпочел подождать и выяснить наверняка. А еду можно заказать и по телефону.

— Ну, уж нет! Ждать я устала. Все, уйду.

И, отметя опасения босса, равно как и его предложение составить ей компанию, Ника отправилась в магазин.

«Стало быть, битва закончена, — думала она по дороге, меланхолично разглядывая пролетающие мимо авто. — А выигравших нет. Анна погибла, Воробьев в тюрьме, Подольский, не выдержавший очередного удара судьбы, в кардиологической клинике, мы с Ганей — перед лицом неизвестной катастрофы. Только удравшая в Европы Оксана, похоже, ничего не потеряла. Правда, и не выиграла, но это как-то не особенно утешает...»

В магазине по случаю обеденного времени работала всего одна касса, и посетители образовали такую очередь, что Ника сразу поняла: вернуться до приезда гостей она не успеет. И действительно опоздала, хотя обратно почти бежала.

В холле перед квартирой дежурили два добрых молодца в штатском. При виде Ники они,

против ожидания, не вырвали у нее пакеты, не выхватили из-под пиджаков пистолеты и даже не схватились за рации, а вежливо поздоровались и посторонились, пропуская девушку к двери. Причина их непонятной пассивности обнаружилась уже в квартире — в виде третьего «братца в штатском», который тоже вежливо поздоровался, но руку к пакетам протянул:

— Давайте я вам помогу. Отнести это на кухню?

— Спасибо, я сама, — воспротивилась было Ника, но ее решительно освободили от ноши и отправили в гостиную.

— А вот и наша героиня!

Импозантный седовласый господин, обликом напоминая метрдотеля дорогого ресторана, учтиво приподнялся из-за столика, на который Игнат в качестве угощения выставил коробку с сигарами и бутылку коньяка.

— Ника, позвольте представить вам Артура Дмитриевича Грановского, нашего избавителя, — произнес Игнат голосом хорошо воспитанного робота.

Недостаток эмоциональности у хозяина с лихвой восполнил гость.

— Ах, не говорите ерунды, Игнатий Юльевич! — воскликнул он, экспрессивно отмахнувшись от присвоенного титула. — Доля моего участия в вашем избавлении настолько ничтожна, что о нем просто неприлично упоминать. Присаживайтесь, дорогая Ника, разбавьте милосердно нашу скучную мужскую компанию. Игнат Юльевич, вы позволите предложить даме капельку этого восхитительного напитка?

— Позвольте мне хотя бы принести закуску! — взмолилась Ника с нервным смешком.

— Садитесь, садитесь, милая барышня. Тут есть кому позаботиться о закуске. Сережа! — негромко позвал гость, обращаясь к двери, и снова переключился на Нику. — Хотя, вообще-то, божественный нектар закусывать не принято.

Ей оставалось только подчиниться — сесть в кресло, отодвинутое Грановским, и взять протянутый боссом пузатый бокал. Тем временем в гостиной появился «братец в штатском» с подносом, уставленным тарелочками. Судя по содержимому тарелок, парень распорядился принесенными Никой продуктами вполне по-хозяйски. Молниеносно переставив посуду на стол, он собирался ретироваться, но был остановлен Грановским:

— И еще, Сережа, попроси кого-нибудь из ребят принести из машины мой ноутбук и то, о чем мы разговаривали по дороге. — Отдав это распоряже-

ние, Артур Дмитриевич снова переключил свое внимание на Нику: — Я как раз рассказывал вашему патрону о досадном инциденте, произошедшем с Оксаной Викторовной Подольской. Представьте себе, эта милейшая дама неожиданно пала жертвой острого психоза и угодила в миланскую клинику для душевнобольных. Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, поэтому я хочу показать вам с Игнатием Юльевичем ролик, который мы по чистой случайности записали на месте событий. А пока Сережа нам это организует, предлагаю выпить за ваш замечательный детективный тандем, которому по силам самые непосильные задачи. Прозит!

Игнат и Ника молча отхлебнули из своих бокалов, после чего Игнат потянулся к сигаре, а Ника — к сыру. Артур же Дмитриевич откинулся на спинку кресла и поцокал языком:

— Божественно! А знаете, что самое забавное, друзья мои? Эти двое (я имею в виду наших злодеев) яростно оспаривают друг у друга авторство преступного замысла. Оксана Викторовна уверяет, будто план от начала до конца придумала она, а Воробьев был простым исполнителем. Воробьев же (не так звонко, но тоже очень темпераментно) клянется, что Оксана только оплатила расходы и донесла до него общую идею, а уж разработка и воплощение — целиком его заслуга. Не знаю, кому из них верить, но, по-моему, эти двое просто созданы друг для друга. Я даже подумываю, не намекнуть ли экспертам, чтобы признали Воробьева невменяемым. Соединить эту парочку в палате с мягкими стенами было бы для меня истинным удовольствием. Вы ведь уже посвящены в детали их гениальной интриги?

— В общих чертах, — без выражения подтвердил Игнат. — Воробьев напоследок пооткровенничал с Никой. Остальное несложно было реконструировать.

— Впечатляет, правда? Какая целеустремленность! Какая злобная и притом предусмотрительная одержимость! Подольскому необыкновенно повезло, что его адвокат обратился за помощью именно к вам... Ага, вот и наше кино! Придвигайтесь поближе, друзья мои.

Вновь появившийся «братец в штатском» ловко переставил тарелки, освобождая место для принесенного ноутбука, Игнат и Ника сдвинули кресла, и «кино» началось.

В полутемном интерьере ресторана за столиком с горящей лампой сидели двое — холеная молодая дама, в которой Ника, приглядевшись, узнала Подольскую, и неизвестный господин в смокинге. Господин привлекал внимание заостренным лысым черепом, большими, тоже заостренными ушами, широким тонкогубым ртом и парой лишних подбородков. По форме лицо его напоминало грушу, а по выражению — сказочного василиска, обращающего в камень все, на что падает взгляд этих безжизненно-холодных глазок.

— Кто это? — испуганно спросила Ника.

— Тсс! — сердито шикнул на нее Игнат.

— Валерий Мстиславович, мой патрон, — не без гордости ответил Грановский. — Наложить звук мы, к сожалению, еще не успели: его записывали отдельно. Но на этой стадии разговор практически не слышен за музыкальным фоном. А на следующей, как вы сейчас убедитесь, звук и не нужен...

Пара за столом неторопливо вкушала пищу, обмениваясь редкими и, судя по выражению лиц, не особенно сердечными репликами. Подошедший официант встал за спиной «василиска», откупорил принесенную бутылку, слил немного вина в специальную посудину, плеснул в бокал клиенту, дождался его кивка и наполнил бокалы.

— Скоро начнется, — пообещал Артур Дмитриевич.

— Что в вине? — довольно равнодушно поинтересовался Игнат.

— О, ничего особенного. Это даже и наркотиком-то не назовешь. Так, невинный препарат, слегка ослабляющий функцию самоконтроля. Видите, патрон пьет без малейших колебаний.

«Василиск» опустошил свой бокал и заговорил. Выражение его лица на протяжении всей речи оставалось неизменным — скучающим и немного брезгливым, а вот с лицом Подольской творилось неладное. Сначала она слушала своего визави с усмешечкой, не очень удачно

имитирующей скептическое пренебрежение, потом — стиснув зубы и метая глазами молнии. Неожиданно лицо исказила злобная гримаса, руки потянулись к вазе с фруктами, а в следующую секунду мадам заорала и вскочила, метнув вазу в «василиска», который еле успел отклониться в сторону. В тот же миг из-за двух соседних столиков повскакивали «люди в штатском» и устремились к фурии, которая уже вооружилась столовым ножом.

— За левым столом — охрана патрона, за правым — люди Оксаны Викторовны, — пояснил Грановский жизнерадостным тоном спортивного комментатора.

Завязалась свалка. Конкуренты, отпихивая друг друга, пытались скрутить Подольскую, которая успела вскочить на стул и, продолжая беззвучно орать, без разбору швырялась посудой. Кто-то получил по физиономии тяжелой лампой, кому-то в руку воткнулась вилка, на скатерть брызнула кровь. Остальные посетители ресторанчика бросились врассыпную, к свалке со всех сторон спешили люди в темно-вишневой униформе. Подольскую, наконец, стащили со стула, заломили ей руки, но она, визжа и лягаясь, как взбесившаяся лошадь, продолжала рваться к «василиску».

— Ну, довольно, — сказал Артур Дмитриевич, останавливая ролик. — Дальше уже не интересно. Приехала психиатрическая бригада, Оксане Викторовне сделали укол и увезли ее в местную клинику. Адвокат Подольской ринулся в наше консульство, но мы посетили консула несколько раньше, и тот благоразумно уклонился от активных действий. Сказал адвокату, что у местных психиатров заслуженно высокая репутация, и он не видит оснований сомневаться в их диагнозе и предписан-

ном ими методе лечения. А мы уж постарались, чтобы у лечащих врачей сложилось правильное представление о личности пациентки. Особенно сильное впечатление на них произвел рассказ вашего старого знакомца, моя дорогая.

Ника вскинула на Грановского удивленный взгляд, потом в глазах ее мелькнула догадка.

— Да-да, я про Иннокентия Буланова! — подтвердил догадку Артур Дмитриевич. — Нам удалось его разыскать. Правда, поначалу молодой человек красноречием не блистал, пришлось с ним поработать... Девушка, милая, что ж вы так бледнеете? Уверяю вас, мы «попортили» его совсем немного — ничего не совместимого с жизнью. Отлежится недельку-другую, и на скамью подсудимых сядет, как новенький. И не надо делать такие большие глаза, Игнатий Юльевич! Разумеется, этот судебный процесс состоится: без него нам будет сложновато сдерживать адвокатов Подольской, которые, конечно же, еще не раз попытаются выцарапать свою клиентку из «дома скорби». А Валерию Мстиславовичу это совершенно ни к чему. Он уже заключил взаимовыгодное соглашение с двоюродным дядей и будущим опекуном нашей бедной сиротки... Дорогие мои, скепсис, написанный на ваших лицах, абсолютно неуместен. Конечно, соглашение взаимовыгодное! Зачем пожилому человеку, никогда не имевшему дело с бизнесом, хлопоты, связанные с управлением алюминиевого комбината? И разве вы на его месте не предпочли бы скромную, но приятную сумму, ежемесячно поступающую на ваш счет?

— Но суд над Булановым?.. — пробормотал Игнат, проигнорировав вопрос гостя. — Как вы рассчитываете возбудить дело? Не по заявлению же самого Буланова?

— А что, это было бы прекрасным начинанием в нашей судебной практике! — добродушно рассмеялся «демон». — Жаль, что оно требует слишком много хлопот. Нет, мы бы предпочли, чтобы заявление написала ваша милая помощница.

Игнат и Ника переглянулись.

— Видите ли, Артур Дмитриевич... — начала Ника.

— Уверяю, вам не о чем волноваться, дорогая, — перебил ее Грановский. — Небольшой пограничный конфликт господина Герца с законом останется исключительно на его совести. В результате сильных побоев вы потеряли память, которая вернулась к вам буквально на днях. Естественно, что вы не могли обратиться в полицию раньше. Что же до полиции, то мне почему-то кажется, что на этот раз ее за-

интересует исключительно преступник, а не добрые люди, подобранные и приютившие его жертву.

— А если вы ошибаетесь? — с сомнением спросила Ника.

— Милая барышня, если бы я позволял себе ошибаться, то не дожил бы до своих седин, — бархатисто пророкотал Артур Дмитриевич. — Да и потом, вы, так или иначе, должны, наконец, легализоваться. Как выяснилось, Виктор Елизаров за пару недель до своей безвременной кончины составил новое завещание, в котором отписал компанию «Страна изобилия» некой Татьяне Николаевне Шумилиной. Юристы, подкупленные, если я правильно понимаю, Оксаной Викторовной, не стали усердствовать, разыскивая наследницу. Отправили письмо по месту ее последней регистрации, дали пару объявлений в газеты и успокоились. Поэтому в права наследования вступила только дочь Виктора. Но в свете открывшихся обстоятельств суд, несомненно, удовлетворит иск Шумилиной, если она его подаст. Так что придется вам «воскреснуть», дорогая Татьяна Николаевна.

— Но я не хочу!

— Гхмм... — деликатно кашлянул гость. — Боюсь, милая девочка, это предложение из разряда тех, что не подразумевают отказа.

— Вы не вправе принуждать ее, Артур Дмитриевич, — холодно проговорил Игнат. — За помощью к вам обращался я и впутывать Нику в наши с вами дела я не позволю.

— Не расстраивайте меня, Игнатий Юльевич. — Бархатистый баритон внезапно оцетинился ледяными иглами. — Мне очень не хотелось бы указывать вам, что вы не можете здесь что-либо позволить или не позволить.

Вы же не думаете всерьез, что наши услуги можно оплатить из ваших скромных средств?

— Единственной ценной услугой, оказанной вами, был вертолет, на котором собаку Воробьева доставили к стройке. Ни предотвратить похищение, ни вычислить самостоятельно преступника вы не...

— Прекратите! — закричала Ника, чувствуя, что Игнат совершает непоправимую глупость. — Артур Дмитриевич, вы хотите, чтобы я вступила в права наследования и передала «Страну избылиия» вам? Я согласна. Ганя, неужели вы думаете, что мне нужна эта компания? Теперь, когда я могу, наконец, перевернуть страницу и забыть прошлое, которое до сих пор не давало мне понять, что я нашла себя? Или вы хотите, чтобы я ушла?

— Ника, что вы такое говорите! Я вовсе не имел в виду...

— Вот и ладушки, вот и договорились! — просиял Артур Дмитриевич. — А у меня для вас... скажем так, предложение. Хотите — принимайте, хотите — отказывайтесь, я не обижусь. Сережа! Наш сюрприз здесь?

Парень кивнул.

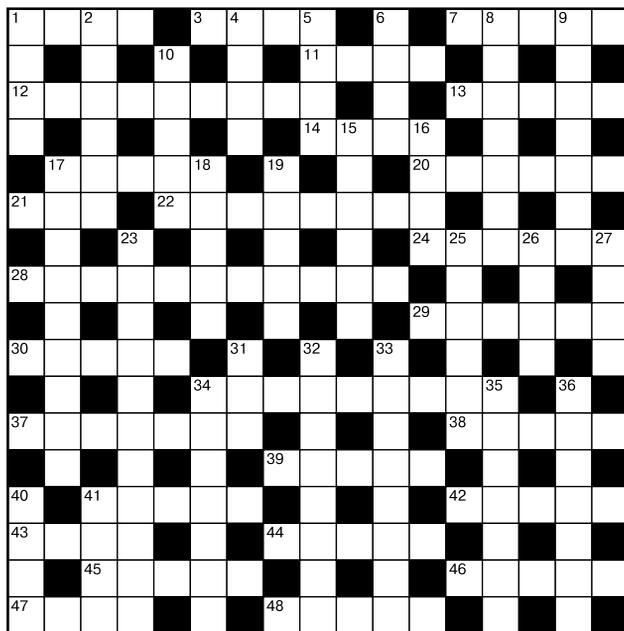
— Давай его сюда!

В гостиную, цокая коготками по паркету, вошел пестренький спаниель. Остановился, повел носом и уверенно потрусил к столу.

— Видите ли, супруга Воробьева не любит собак. И я подумал, может быть, вы захотите оставить свою спасительницу себе?

— Да! — хором сказали Ника и Игнат, одновременно протягивая руки к доверчивой ушастой собачьей морде. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Плод, из-бавляющий от камней в почках. **3.** Шум от дятла. **7.** Кто из лермонтовских героев победил барса голыми руками? **11.** зерновой злак, который долго был лишь сорняком пшеницы. **12.** «Домашние деликатесы». **13.** «Какой же это ...? Это больше похоже на букву «хе» (из «Обыкновенного чуда»). **14.** Собачий любимец Дарьи Донцовой. **17.** «Пирог трубочкой». **20.** Что обычно складывают из смальты? **21.** Говорят, что скупой платит дважды, а тупой — трижды! Кто платит постоянно? **22.** «Антонов огонь». **24.** «Портошное молоко» у донских казаков в прежние времена. **28.** «...

рогов мужа прямо пропорциональна стройности ног жены». **29.** Кто Трюю откопал? **30.** ... сточных вод в реку. **34.** Какой кулик «вдохновил» русского писателя Ивана Тургенева на «Записки охотника»? **37.** Современный кормчий. **38.** «Занавеска на шляпке». **39.** Убранное поле. **41.** Духовой инструмент, обычно располагающийся в оркестре рядом с кларнетами. **42.** Солидные формы. **43.** Отец разрешил ему учиться в консерватории лишь при условии, что он никогда не запянет свой род написанием всяких там опер и балетов. Сын не сдержал слово и создал балеты «Жизель» и «Корсар». Кто он?

44. «Пифагоровы ... на все стороны равны. Чтобы это доказать, нужно снять и показать» (забавные стихи). **45.** Из чего прежде крестьянки шили себе свадебные рубахи? **46.** Торговый знак. **47.** Что в компьютере бывает не только жестким, но и гибким? **48.** С кем из братьев-художников ближе остальных свела судьба Винсента ван Гога?

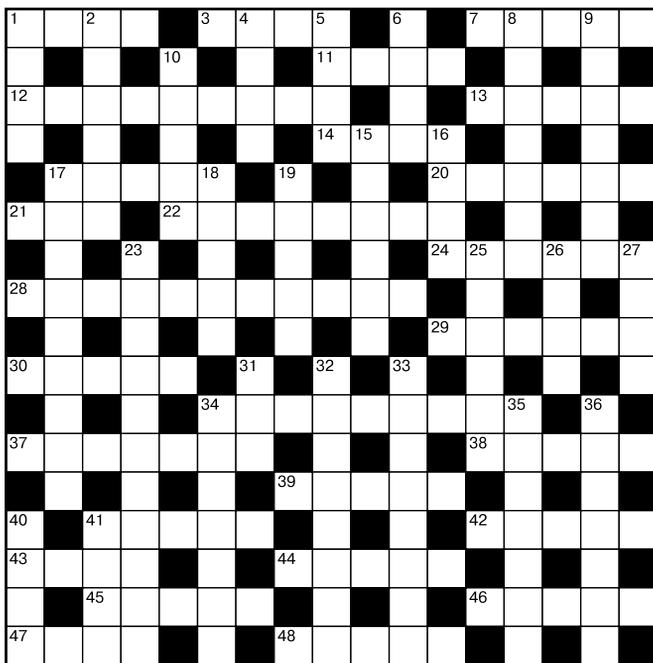
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Первая гоночная машина Михаэля Шумахера. **2.** «Взлететь на ...». **4.** В конце XX века эфиопский негус Менелик II выпил себе из Америки три электрических стула. Какую роль стал выполнять каждый из этих стульев из-за полного отсутствия электричества в стране? **5.** Куда семья Владимира Набокова бежала от Октябрьского переворота? **6.** Подходящая машина для пустынного сафари. **8.** Не только сонное, но и тридевятое. **9.** Длинная цепь для дворового пса. **10.** «... изпод стражи». **15.** «Белый лебедь» Петра Чайковского. **16.** Полпред жения. **17.** Наш бард, с детства бредивший Амазонкой. **18.** Правительство Англии 13 февраля 1917 года

впервые в истории страны разрешило водить ... представительницам прекрасного пола. **19.** Пленник азарта. **23.** «Опытный ... оценивает стоимость ремонта с удивительной точностью — до одного-двух долларов. Это именно та сумма, которая хранится в вашем бумажнике». **25.** «Русская кувалда». **26.** «Бубновая фигура». **27.** «Ударный символ» острова Бали. **31.** Много ли радости попасть в ..., если нельзя послать оттуда знакомым открытку с видами?! **32.** «Первая чаша вина — во здравие, вторая — во веселье, третья — в отраду, а четвертая — во ...» **33.** Как переводят французское слово «couture», от которого и произошел кутюрье? **34.** Победитель злодея из сказки «Тараканище». **35.** Порожня местность. **36.** Самый дорогой из зубных металлов. **40.** «Для любви необходима разница во вкусах и мнениях, мелкие обиды, примирения, слезы — все, что может взволновать чувствительность и пробудить повседневную заботу» (великая французженка). **41.** Какое устройство стало особо популярно в Англии из-за забастовки почтальонов?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Иоффе. **9.** Фагот. **10.** Бобслей. **11.** Балагур. **12.** Спенсер. **13.** Чайка. **14.** Динамит. **15.** Таможня. **18.** «Игрок». **19.** Мост. **21.** Шашка. **23.** Тент. **25.** Гвоздика. **26.** Изыск. **27.** Мопс. **29.** Прадо. **32.** Скандал. **34.** Ответ. **36.** Совет. **37.** Криптон. **38.** Время. **39.** Диета. **40.** Чистота. **41.** Ясень. **42.** Радон.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Сампрас. **2.** Военкомат. **4.** Омар. **5.** Фламинго. **6.** Вор. **7.** Астат. **8.** Пешка. **10.** Бумаготворчество. **11.** Безнаказанность. **13.** Чип. **16.** София. **17.** Страх. **20.** Штамп. **21.** Шнапс. **22.** Дзюдо. **24.** Юстас. **28.** Скипетр. **30.** Отпрыск. **31.** Вермонт. **33.** Логика. **35.** Круиз.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Какая «страна» впервые упомянута в договоре от 945 года между великим князем киевским Игорем и Византией? **3.** Победители Евровидения в 1974 году. **7.** Кто изобрел первую подводную телевизионную систему? **11.** Какому богу принесли клятвы карфагенские полководцы? **12.** Любимая сабля пророка Мухаммеда. **13.** С каким животным связано неформальное название игроков итальянского клуба «Ювентус»? **14.** «Самый долгий президент» Сирии. **17.** Знак из чешского языка. **20.** Камень, сльвущий лучшим талисманом от болезней почек.

21. Хозяин фонтана, у которого крайне неудобно назначать свидания. **22.** Самая «молодая» оболочка Земли, открытая академиком Владимиром Вернадским. **24.** Какое растение считают той самой «неопалимой купиной» из древнееврейского сказания? **28.** Что ликвидировал в своей стране Адольф Гитлер, чтобы завоевать любовь народа в начале своего правления? **29.** Какому литературному герою установлен памятник в Элисте? **30.** Раса с парящим городом из сериала «Звездные врата». **34.** Десять в пятьдесят четвертой степени. **37.** Итальянский город со старейшим

в Европе университетом. **38.** Моллюск, чьи раковины служили туземцам вместо денег. **39.** Слива, чьи плоды с удовольствием пожирают испанские дикие свиньи и быстро жиреют. **41.** Мягкая пшеница, что не переносит никакие минеральные удобрения. От того-то ее сейчас и не выращивают! **42.** Неформалы, в коммуне которых выросла звезда эстрады Бьорк. **43.** Самый воинственный из любовников Афродиты. **44.** Уже более 300 лет назад замечено, что Юпитер украшает большое красное ... **45.** Какой американец открыл первый искусственный элемент — технеций? **46.** Сокол со штандарта президента Украины. **47.** Отец пророка Исайи. **48.** Какой восточный напиток готовят из клубней орхидеи?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Коралловая ... символизирует энтузиазм. **2.** «Слуга насилия» для Михаила Бакунина. **4.** Страшное привидение, чтобы пугать детей, у норвежцев. **5.** Турецкий серебряник. **6.** Сумчатая крыса из Австралии. **8.** Мать успеха (по Мигелю Сервантесу). **9.** «На ... человеческой неделикатности яблоку негде было упасть». **10.** Какой из пинче-

ров лучше всего карабкается по горам? **15.** «Хоровод духов» от Антонио Бадзини. **16.** Высочайшая вершина Океании. **17.** «Единственный мужчина, который не может жить без женщин». Кого подразумевает Артур Шопенгауэр? **18.** Оптимальный вариант кузова у маршрутки. **19.** Рыба с герба Таганрога. **23.** Французский король Людовик IX Святой по прозвищу «Последний ...». **25.** Какой водой можно кидаться? **26.** Единственный в истории фехтовальщик, кто выиграл на одной Олимпиаде золото во всех трех видах оружия. **27.** Белорусская похлебка на квасе с луком и чесноком. **31.** «Бобы Габерландта» ныне. **32.** Абхазская трещотка. **33.** Итальянское вино из «Смерти Иоанна Грозного» Алексея Толстого. **34.** Английская леди ... вроде как происходила от Луи Филиппа Жозефа и претендовала на французский престол. **35.** Свинчатка, чтобы играть в бабки. **36.** В каком графстве отец медицинской практики отец «отца эволюции»? **40.** Березовый гриб, что активизирует метаболизм мозговой ткани. **41.** Какую валюту выпустили японцы на Филиппинах, оккупировав страну в годы Второй мировой войны?

Ответы на эрудит, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Булат. **9.** Данию. **10.** Цернунн. **11.** Кобелев. **12.** Сморок. **13.** Борки. **14.** Манекен. **15.** «Темпест». **18.** Юнион. **19.** Фала. **21.** Зафак. **23.** Атон. **25.** Ринсвинд. **26.** Старк. **27.** Глаз. **29.** Смысл. **32.** Рогнеда. **34.** Тенаш. **36.** Ивейн. **37.** Лимпопо. **38.** Япрак. **39.** Бухта. **40.** Патруль. **41.** Крыло. **42.** Старт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бадмаев. **2.** Гидроплан. **4.** Урок. **5.** Алеманны. **6.** Лев. **7.** Ангон. **8.** Пникс. **10.** Церемониймейстер. **11.** Константинополь. **13.** Бен. **16.** Радио. **17.** Бандж. **20.** Ванга. **21.** «Зогар». **22.** Асист. **24.** Броди. **28.** Зоопарк. **30.** Леопард. **31.** Загалло. **33.** Август. **35.** Тилак.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие 2012 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на «журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 71 руб. 50 коп., на 3 месяца — 214 руб. 50 коп., на 6 месяцев — 429 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
 Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>кредитная организация</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714028110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11398455 (для юр.лиц)	
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
		Вид платежа	Дата
	Подписка на журнал «Смена»		
	Подпись плательщика		
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>кредитная организация</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714028110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11398455 (для юр.лиц)	
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
		Вид платежа	Дата
	Подписка на журнал «Смена»		
	Подпись плательщика		
Кассир			

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «Смена» на 1-е полугодие 2013 года по каталогам через любое отделение связи. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

Вся пресса в одном месте!

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« Многие полагают, что царь Алексей Михайлович, по прозвищу «Тишайший», — это воплощение застоя, некое «затхлое болото», из которого потом чудом появился самодержец Петр I, перевернувший Россию вверх тормашками. Понятно, что подобные личности привлекают большее внимание потомков, чем мирные правители. Но, в конце концов, Петр был сыном далеко не бесцветного и безликого царя. Просто на фоне его грандиозных преобразований меркнут неспешные и спокойные деяния Алексея Михайловича Тишайшего, хотя и они достойны отдельного рассказа о втором царе династии Романовых.

Светлана **Бестужева-Лада** «Тишайший преобразователь»

« Принято считать, что русская женская поэзия началась с Серебряным веком. На самом деле почти за сто лет до него в поэзии уже звучали женские голоса, и одной из самых ярких звезд на поэтическом небосклоне середины XIX века была Евдокия Петровна Ростопчина, «воронежская ласточка», как любовно называли друзья современницу Пушкина, Жуковского, Вяземского, Лермонтова...

Денис **Логинов** «Воронежская ласточка»

« Он был человеком сложным, порой нетерпимым, но невероятно влюбленным в свое дело, за что и любили его все, кто с ним работал. Любили и за то, что он считал космонавтов своими сыновьями, за то, что не стеснялся в некоторых случаях говорить «не понимаю». Сергей Королев — начало целой эпохи, эпохи, в которой мы были первыми.

Евгения **Гордиенко** «Только вверх!»

« Согласно Восточному календарю, наступающий год — год Змеи. Каким он будет, и чего от него ждать? Астрономы считают, что это непредсказуемый год, грозящий многими переменами и нестабильностью. Но нам не привыкать... Любители астрологических прогнозов найдут в этом материале много интересного и, в частности, ознакомятся со своими годовыми гороскопами и с тем, каким должен быть праздничный новогодний стол.

Татьяна **Харламова** «В канун года Змеи...»

« Новый детективный роман **Анны и Сергея Литвиновых** «Несвятое семейство»